

64
55

арх

МАГИЧЕСКІЯ

ОЧЕРКЪ.

801-14
2345

С С Ч И Н Е Н І Е

И. Штенева.

Описание магических сил и их действия. Издание второе. Санкт-Петербург. 1845 г.

ЧАСТЬ 4.

1845.

STERNENKREIS

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Юня 28 дня 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

44935-41

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

2007334516

МАГИЧЕСКІЯ ОЧКИ.

Въ осьмомъ часу утра Розальмъ ска-
залъ людямъ, что пѣшкомъ идетъ къ
сосѣду, живущему отъ дому не болѣе
версты — и останется тамъ до вечера.
Онъ вышелъ. За пригоркомъ опусти-
лось къ нему облако и скоро примча-
ло къ оставленному наканунѣ мѣсту. —
Невидимка вошелъ въ домъ: больной
примѣтно оправился и съ веселымъ
лицемъ сидѣлъ на диванѣ, племян-
никъ съ женою служили эхомъ или
отголоскомъ словъ дяди, разсыпались

передъ нимъ ; дѣти толпились возлѣ. Старикъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на малютокъ, радовался, что отыскалъ въ семействѣ родственника любовь и усердіе.

— Такъ, добрый, любезный дядюшка! Вы еще слабы (продолжалъ племянникъ начатый разговоръ): надо лечиться. Я знаю, что вы не доверяете врачамъ, однако жъ одинъ извѣстный медикъ доставилъ мнѣ капли : вливай-те въ вино или въ воду по двадцати, они произведутъ сокъ и подкрѣпятъ силы. Дядя взялъ подарокъ, благодарилъ, а Розальмъ едва могъ удержать себя : схватить склянку, бросить на полъ, стоило протяженія руки; какая-то невидимая сила удержала мстителя; онъ одумался, вышелъ въ другую комнату и карандашомъ приписалъ къ заготовленной запискѣ: »Вамъ открыты имена всѣхъ предателей, новый замысль; теперь заставьте племянника

»выпить дочиста жидкость, или влейте въ горло сабакъ — тогда удостовѣритесь въ истинѣ.«

Черезъ полчаса хозяинъ остался одинъ; Розальмъ положилъ записку на столъ. Трудно выразить чувства несчастливца, при столь внезапномъ открытіи; три раза онъ прочитывалъ роковыя буквы, и съ воплемъ произнесъ : Боже мой! враги мои открыты! Но кто эти враги? Племянникъ! кровные! Я ихъ любилъ съ нежностію отца, всѣмъ жертвовалъ. Это ужасно!... Онъ опустил пагубный листъ, члены въ немъ затрепетали и вдругъ внезапность, негодованіе, возбудили истощенныя силы, краска покрыла блѣдныя щеки; онъ громко произнесъ: Предатели! что сдѣлалъ я вамъ? чѣмъ вы замѣните страданія мои? Слезы.... ахъ! они лились изобильно, и ваши проклятыя руки разширяли источникъ ихъ. Благодарю тебя, таинственный спаситель! Ты от-

крылъ мнѣ глаза, спасъ отъ смерти, болѣе, болѣе . . . ты разлучилъ меня съ коварными людьми . . . Теперь у меня нѣтъ родства! нѣтъ друзей! Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, племянникъ вбѣжалъ.

— Благодарю, ты меня вылѣчилъ; вотъ рецептъ твоему лекарству: прочитай!

Оцепенѣлый отъ ужаса родственникъ остался безмолвнымъ; блѣдность лица, трепетъ, обнаружили преступленіе.

— Успокойся! продолжалъ дядя, смотря пристально на племянника: я не воспользуюсь совѣтомъ, не заставляю тебя выпить отраву и не сдѣлаю опыта надъ собакою; еще повторяю, успокойся: я скрою новое преступленіе въ душѣ моей и только ограничусь не многимъ: въ два часа оставь домъ, не смѣй показываться глазамъ моимъ — въ этой жизни мы не увидимся болѣе; прощай!

Розальмъ зналъ отъ Мафуса о послѣдствіи, съ душевнымъ удовольствіемъ оставилъ домъ, гдѣ оказалъ услугу несчастному человеку. Онъ вышелъ на улицу, увидѣлъ жилище новобрачныхъ: завернемъ туда, порадуемся счастію людей. Такъ, это счастіе вмѣщаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть и превышаетъ самую вѣроятность. Я помню первое утро брака съ Юліею . . . Ахъ! это счастіе, очарованіе исчезли какъ сонъ! Что жъ дѣлать? теперь порадуемся чужому.

Молодая сидѣла подгорюнясь за чайнымъ столомъ и отирала слезы; мужъ напротивъ, курилъ трубку и закручивалъ усы; оба молчали, отворотились другъ отъ друга. Розальмъ смотрѣлъ съ изумленіемъ и чрезъ минуту услышалъ странный разговоръ:

— Надежда! пей чай, онъ простынетъ.

— Темъ лучше; холодная жидкость
освѣжитъ меня.

— Полно, милая, сердиться! я ска-
залъ правду. Онъ подвинулъ къ ней
чашку: выкушай!

— Чортъ ее возьми! закричала супру-
га, и съ этими словами чашка полетѣла на
полъ.

— Прекрасно! подарокъ въ день тво-
его ангела, съ моимъ именемъ, ты раз-
била? и...

— Онъ лучше бѣ пригодился въ день
похоронъ!..

— Если такъ, вотъ и твой! пусть не зави-
дуетъ моему! Онъ бросилъ чашку съ блю-
дечкомъ, обломки рассыпались по полу.

— Что это? мой подарокъ, какъ ни-
чтожная вещь, брошенъ съ такимъ пре-
зрѣніемъ?

— Я подражалъ тебѣ....

— Боже мой! вотъ награда за пяти-
лѣтнюю, постоянную любовь мою! Вотъ
награда за слезы, горести, терпѣніе!

Ахъ! могла ли я подумать, что жертвую
всѣмъ человѣку жестокому, безчувст-
венному, предпочла другимъ, и....

— Да, и я не зналъ, что изъ десяти
невѣстъ на мою долю пришлась сума-
шедшая жена!

— Сумашедшая? Безсовѣстный! И
языкъ твой повернулся сказать это
слово? Извергъ! меня считали примѣ-
ромъ скромности, удивлялись праву,
и....

— Ты подражала многимъ дѣвицамъ
и, ставъ женою, сбросила личину при-
творства....

— Личину? Ахъ ты образина, обра-
зина! И ты имѣлъ десять невѣстъ?
Бродяга! нищій! да какая бѣ дура по-
тянулась за тобою?

Тутъ новобрачная вскочила съ кре-
сель, глаза ее пылали гнѣвомъ, она
усиливалась кричать; но досада и оды-
шка прерывали слова.

Мужъ такъ же оставилъ свое мѣсто

и, помахивая чубукомъ, продолжалъ :
Безсовѣстная женщина ! вспомни , ты
раззорила меня ! Я оставилъ службу,
три года ухаживалъ за твоимъ отцомъ,
чтобъ помирить съ моимъ ; три года
переносилъ нужду , укоризны отъ ро-
дителей, знакомыхъ ; занималъ, вошелъ
въ долги , заложилъ всѣ мои вещи и,
признаюсь вышло по пословицѣ :
убилъ бобра ! . . .

Тутъ влюбленная чета стала въ гроз-
номъ положеніи другъ противъ друга ;
одна спѣшила броситься къ мужу , ца-
рапать ему лицо , другой поднималъ чу-
букъ, это стоило секунды — и дверь
растворилась , вбѣжала изумленная
мать Дѣти ! что это значитъ ? Вы
поссорились !

— Ахъ, маменька ! маменька ! что вы
сдѣлали со мною ? Выдали Варваръ !
душегубецъ ! . . . терзаетъ меня ! Она за-
лилась слезами и бросилась въ кресла .

— Наденька ! душенька ! опомнись . . .
ты въ обморокъ , съ тобою истерика . . .
Спирту , скорѣе спирту ! воды . . . Ска-
жите , сударь , что вы сдѣлали моей
дочери ?

— Спросите ее , она лучше знаетъ .

— Да развѣ ослѣпли ? Не видите ,
она въ обморокъ . . .

— Такъ извольте , я расскажу . . .
Супругъ началъ и мгновенно обморокъ
съ истериками исчезли .

— Нѣтъ ! нѣтъ ! слава Богу , языкъ
мой еще ворочается . Слушайте , ма-
менька !

— Вчера мы поѣхали къ вѣнцу ; вы
видѣли Анну Львовну ? какъ она раз-
рядилась платье новое , послѣдній
фасонъ , матерія только что привезена
изъ Парижа , фермуаръ , серьги , цвѣты ,
а салопъ онъ бросится хотъ кому
въ глаза ! Она казалась невѣстою , а я
просто горничной Подруги мои
также разрядились , а я , стыдно ска-

затѣ, въ самомъ посредственномъ платьѣ, съ простою прическою на головѣ, безъ всякаго украшенія. Я тутъ же подумала: что жъ дѣлать? придетъ время, и мы поправимся, не остранимъ себя передъ людьми... да о томъ послѣ... это дѣло кончено. Вотъ мы утромъ проснулись. Мужъ, вотъ этотъ злодѣй, сказалъ мнѣ: Душечка! хотите ѣхать съ визитами? — Да, миленькій, я отвѣчала, это необходимо; только что мнѣ надѣтъ: неужели подвѣсничное платье? — Нѣтъ! надѣнь другое. — Да ты знаешь, у меня нѣтъ нарядныхъ; а кое-какъ показаться въ люди нельзя. Съѣзди къ мадамъ Аделаидѣ, закажи.... — А гдѣ я возьму денегъ? — Боже мой! какой отвѣтъ, сказала я; надо изворотиться, занять. — Безъ закладу ни кто не вѣритъ, отвѣчалъ онъ. — Ну, такъ выкупи свои вещи изъ ломбарда. Тамъ часы, табакерки, серебро: продай; за нихъ дадутъ болѣе двухъ

тысячъ рублей. Тогда я приодѣнусь и поѣду куда тебѣ угодно. — Ну можно ли, сказалъ онъ: для пустыхъ визитовъ въ одинъ день истратить послѣднія деньги? Надо подумать чѣмъ жить. Вотъ, маменька, я отвѣчала: о томъ думаютъ прежде сватъбы, а не послѣ; а онъ сказалъ грубо: пожалуй, останемся дома, мнѣ все равно. Признаюсь, маменька, я тутъ немножко разсердилась, сказала: страмъ не ѣхать съ визитомъ, и стала упрашивать заказать мнѣ платье, купить какія нибудь вещицы; это все стоило не болѣе тысячи рублей. Что жъ вы думаете онъ отвѣчалъ? — Если мы истратимъ такую сумму, то послѣ станемъ играть въ бирюльки. Боже мой! подумала я: это ужасный человекъ! Я приступила къ нему, стала выговаривать, онъ вскочилъ съ постели, схватилъ трубку, закурилъ, устроился какъ чурбанъ на диванѣ, и чуть не задѣлъ меня чубукомъ. Вотъ,

маменька, вся исторія! Воля ваша, я не хочу съ нимъ жить, разведусь; пусть онъ выйдетъ изъ дома, жепится на комъ угодно.

— Неблагодарная жепщина! произнесъ съ горестію мужъ: я исполню твое желаніе, оставлю домъ, вступлю снова въ военную службу, подставляю голову къ пулю или саблю; лучше ей затрепать отъ свинцоваго шарика, чѣмъ качаться отъ модной жены, которая въ первый день выказала себя... Тутъ супруги снова сблизились, вѣроятно для ручныхъ объясненій; маменька бросилась въ средину, поднялся крикъ; прибѣжалъ отецъ, люди... и Розальмъ, оставя комнату, подумалъ: Вотъ счастье, восторги! Это первое утро; что жъ выйдетъ въ сотое? Право жаль, что при моемъ и этомъ бракъ не случилось магическихъ очковъ: тогда бы наши лбы уцѣляли отъ лишней тяжести.

Невидимка вышелъ на проспектъ,

увидѣлъ большое зданіе, покрытое желтою краской. А! это сумашедшій домъ! Посмотримъ, что тамъ дѣлается? Онъ пробрался во внутренность, подошелъ къ первому номеру, дверь невидимо отворилась: человекъ изсохшій, блѣдный, съ обезображеннымъ лицомъ, гордо стоялъ на одномъ мѣстѣ, размахивалъ руками и декламировалъ:

Чудовище! ты здѣсь? ты снова предомною!

Пришелъ насытиться страданьемъ и тоскою.

Смотри! въ оковахъ я, и рубищемъ покрытъ,

Терзаю грудь свою, всѣмъ міромъ позабытъ!

И бѣдный мой удѣлъ четыре только стѣны.

Коварный человекъ! вѣдь плодъ твоей измѣны!

Но трепещи! и твой насталъ послѣдній часъ —

Могила мрачная вмѣститъ обоихъ насъ!

Тутъ изступленный, поворотивъ глаза на всѣ стороны, съ укоризною началъ говорить: «неблагодарные! вотъ награда за труды мои! Выслушайте, милостивые государи! и ты Ореонагъ (т. е. раекъ) окажи судъ нелicenseмъ-ный. Я написалъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ осмнадцати картинахъ, съ хорами, сраженіями и всѣмъ, что только можетъ произвести геній стихотворца. Три года составлялъ программу, два рылся въ словарь, прискивалъ рифмы; наконецъ приступилъ, чтобъ совершить безсмертный подвигъ; осталась одна трудность — герой мой долженъ умереть, но какъ умертвить? Всѣ смерти на сценѣ известны, единообразны; должно выбрать примѣрную, несмысленную: зарѣзать — низко, задвинуть — отвратительно, застрѣлить, заколоть — слишкомъ обыкновенно, умерить голодомъ — это случается и безъ сцены. Нѣтъ! нѣтъ! совсѣмъ не то:

мой герой долженъ умереть отъ угара. Безподобно! превосходно! Представьте себѣ начало: Рыцарь, покрытый блестящею броней, въ шлемъ, съ огромнымъ щитомъ, длиннымъ копьемъ, въѣзжаетъ съ триумфомъ въ свой замокъ, входитъ въ опочивальню, снимаетъ вооруженія, ложится на софѣ; не забудьте, комната должна быть небольшая; весь предметъ состоитъ въ зараженномъ воздухѣ; онъ начинаетъ мечтать о своей любезной, прелестяхъ красавицы, взаимной любви, надеждахъ и Морфей сыплетъ на героя макавыя цвѣты. Онъ засыпаетъ. И что жъ? Соперникъ является въ это время къ спящему любовнику, смотритъ на него адскими глазами, съ бѣшенствомъ подаетъ знакъ. Пажъ — маленькій Ефіопъ — выскакиваетъ изъ-за двери (не забудьте, это случилось зимою, каминъ вытопленъ жарко и закрытъ съ головнями). Этотъ чертенокъ беретъ отъ

рыцаря пузырекъ съ какимъ-то составомъ, вѣроятно масломъ, выливаетъ на раскаленные уголья: зеленый, ядовитый дымъ распространяется въ опочивальнѣ; извергъ со злобною радостію исчезаетъ. Вотъ проходитъ часъ, два, три; зрители въ ужасъ, нетерпѣніи ждутъ, чѣмъ это кончится. Вдругъ вбѣгаютъ два герольда, кричатъ: Принцесса здѣсь! принцесса пріѣхала! Нѣтъ отвѣта. Спѣшатъ въ опочивальню, отворяютъ дверь.... О ужасъ! герой угорѣлъ — и скончался! Вотъ принцесса является, видитъ предметъ обожанія растянутымъ, безгласнымъ, мертвымъ, лишается чувствъ; все въ замкѣ приходитъ въ движеніе: всѣ плачутъ, рыдаютъ, рвутъ свои волосы; несчастная жертва угара неподвижна. Тутъ публика опомнилась и начала....

Ши! ши! ха! ха! ха! Изступленный сталъ смѣяться дикимъ голосомъ, хлопать въ ладоши — и наконецъ свистать,

бѣгалъ по комнатамъ и ловилъ мечтательный призракъ. Розальмъ узналъ, что этотъ человекъ былъ сочинитель, написалъ трагедію, выпустилъ въ свѣтъ; первое дѣйствіе произвело въ зрителяхъ дремоту, второе свистъ, а въ третьемъ стали разбѣжаться. Неудача поразила питомца музъ; онъ ругалъ безъ пощады неблагодарную публику и съ досады помѣшался въ разсудкѣ.

— Эти люди опасны и въ полномъ умѣ; выйду скорѣе, чтобъ не попасться ему въ руки. Онъ вошелъ во второй номеръ.

Человекъ преклонныхъ лѣтъ сидѣлъ неподвижно на стулѣ, поднялъ лѣвую руку, сжалъ пальцы на подобіе подзорной трубки и смотрѣлъ на печку. Очки обнаружили, что это школьный учитель, случайно прочиталъ Тортонову систему и увѣрился, что всякая пещинка вмѣщаетъ въ себя жизнь, соединяясь съ массою подобныхъ частицъ

составляетъ цѣлое одушевленное существо. Онъ смотрѣлъ на печку, выкладывалъ пальцами правой руки, сколько едва видимыхъ глазами животныхъ вмѣщаетъ предметъ его наблюденій. Розальмъ оставилъ натуралиста, пошелъ далѣе.

Молодой человѣкъ лежалъ неподвижно на постелѣ, сложа руки на грудь; блѣдное лицо, впалыя щеки означали болѣзнь и отпечатокъ душевной горести; черныя брови осыпали выразительные глаза; всѣ черты имѣли пріятность и привлекали къ себѣ испытателя. Онъ обратилъ къ нему вниманіе и посредствомъ очковъ узналъ, что прекрасный молодой человѣкъ вышелъ изъ припадка сумашествія; онъ хотѣлъ съ нимъ говорить, удостовѣриться о причинѣ болѣзни, и если можно, оказать пособіе. Въ такомъ предположеніи снялъ очки, подошелъ къ постели и началъ говорить: Молодой человѣкъ!

мнѣ известно, что вы получили облегченіе отъ припадка. Я принимаю въ васъ участіе. Скажите, чѣмъ могу служить? Откройте ваши несчастія подобному себѣ несчастливцу.

Незнакомецъ всталъ съ постели, обратилъ черныя глаза къ Розальму и со вздохомъ отвѣчалъ: Давно я не слыхалъ словъ состраданія, давно не видалъ существа, которое принимаетъ участіе въ судьбѣ моей! Ахъ! я не могъ видѣть и слышать утѣшенія. Четвертый только день возвративъ разсудокъ, началъ чувствовать, понимать, и эта драгоценная возврата дѣлаетъ меня еще несчастнѣе. Въ безуміи я мечталъ о миломъ предметѣ, бесѣдовалъ съ нимъ, казался нераздѣльнымъ; а теперь одна пустота и грусть наполняетъ душу, истерзанную измѣной и предательствомъ. Такъ! съ потерю разсудка, я лишился возможности постигнуть мое бѣдствіе въ пол-

номъ видѣ! А теперь оно въ торже-
ствѣ своемъ; теперь, какъ страшная
змѣя, охватило меня собою, впустивъ
ядовитое жало въ сердце мое!

— Добрый незнакомецъ! Вы несчаст-
ны. Ахъ! охотно открою вамъ душу.
Ваши слезы, съединясь съ моими,
на время облегчатъ стѣсненную грудь
мою. Садитесь.... я въ совершенномъ
разсудкѣ и не оскорблю васъ!

Если созвѣздія имѣютъ вліяніе и
знаменуютъ судьбу человека при са-
момъ рожденіи, то не могу опредѣ-
лить ту, подъ вліяніемъ которой уви-
дѣлъ свѣтъ; съ первымъ воплемъ мо-
имъ я лишился матери, въ десятилѣт-
нѣй возрастъ — отца, и сталъ сиротою.
Адвокатъ, знакомый моимъ родителямъ,
принялъ меня подъ покровъ свой; се-
мейство его чуждалось пришлецомъ.
Чтобъ заслужить милость и слышать
ласковое слово, я угождалъ дѣтямъ
покровителя, принималъ на себя про-

ступки ихъ; учителя, снисходя шало-
стямъ богатыхъ учениковъ, наказыва-
ли меня для страха виноватыхъ; я все
переносилъ терпѣливо. Кажется, сирот-
ство мое давало всѣмъ право оскорб-
лять меня. Такъ протекало дѣтство
мое. Я вступилъ въ возрастъ юноши.
Покровитель замѣтилъ во мнѣ способ-
ности и, чтобъ наградить убытки за
воспитаніе, началъ готовить къ сво-
имъ занятіямъ. Онъ имѣлъ дѣла ино-
странныхъ купцовъ. Я повиновался
охотно, и въ двадцатилѣтнѣй возрастъ
сталъ помощникомъ адвоката: перепис-
чикомъ бумагъ, секретаремъ, рассыль-
нымъ, управителемъ и всемъ, что ему
угодно. Труды не приводили меня въ
уныніе; я сталъ необходимъ въ домѣ.
Рудольфъ (имя адвоката) отдавалъ спра-
ведливость усердію моему, улучшилъ
содержаніе, обнадеживалъ доставить
средство къ прочному существованію.
Я вѣрилъ, благодарилъ, увеличилъ при-

лежность, и вдругъ новое лицо появилось въ домѣ нашемъ.

Дальная родственница адвоката лишилась родителей; друзья умершихъ учредили опеку надъ сиротою, поручивъ ее Рудольфу. Онъ принялъ охотно званіе опекуна, имѣвъ въ виду небольшое достояніе дѣвицы.

Сирота переселилась къ намъ. Я увидѣлъ дѣвицу и, кажется, новый свѣтъ открылся глазамъ моимъ. Клара имѣла не болѣе 16 лѣтъ, прелестное лице ея изображало душу чистую, кроткую, голосъ приводилъ въ очарованіе, обращеніе привлекало; все, все означало идеалъ красоты и добродѣтели. Живя въ одномъ домѣ, мы сблизились; я угождалъ дѣвицѣ, угадывалъ ея мысли; она съ чувствомъ принимала усердіе. Участь наша была одинакова: покровитель обходился съ нами повелительно, часто наносилъ огорченія воспитанницѣ. Это еще болѣе сблизило насъ, постепен-

но произвело новое чувство, и весь міръ измѣнился въ глазахъ моихъ! Всѣ предметы получили новый видъ: свѣтлое утро казалось прекраснѣе, ночь питала воображеніе мечтами, восходъ солнца, разрушивъ усыпленія, торопилъ къ Кларѣ! Все дышало вокругъ меня любовью, счастьемъ и возобновляло существо мое. Я видѣлъ, читалъ въ глазахъ Клары взаимность; робость исчезла — я бросился къ ногамъ дѣвицы; она потупила глаза, румянецъ стыдливости покрылъ прелестныя щеки. Она протянула руку и робко произнесла: люблю! Ахъ, добрый незнакомецъ! если ты наслаждался подобными минутами, если любилъ, то вѣрно согласишься, что счастье мое безпредѣльно. Ты вздохнулъ, понялъ..... О! теперь вижу, что говорю не съ холоднымъ эгоистомъ, а съ человѣкомъ, который чувствуетъ страданія мои!

Въ упоеніи я забылъ все, забылъ, что бѣдный сирота не можетъ льститься получить согласіе опекуна, человека жестокаго, который смѣется подобнымъ чувствамъ и только заботится извлекать во всемъ свои выгоды. Къ удивленію моему, онъ безъ гнѣва смотрѣлъ на взаимность нашу, а еще болѣе, когда отдаленный родственникъ оставилъ мнѣ небольшое наследство. Этотъ случай уравнилъ меня съ Кларою. Я смѣло просилъ у опекуна согласія на бракъ съ родственницею; онъ согласился и милая невеста открыто отвѣчала ласкамъ моимъ. Боже мой! зачѣмъ эти минуты были столь скоротечны? зачѣмъ въ очарованіи означали только счастье и излишествомъ своимъ не истребили существо мое! Тогда бъ я не погрузился въ бездну, изъ которой ничто извлечь меня не можетъ.

Семейство наше постигло несчастье: супруга опекуна внезапно лишилась

жизни. Приличіе удалило на время бракъ нашъ, и Рудольфъ совершенно измѣнился въ нравъ: сталъ холоденъ, скрытенъ, задумчивъ. Мы сначала думали, что онъ скучаетъ о женѣ, или разстроилъ дѣла свои, и увѣрились, что другіе предметы произвели въ немъ перемѣну. Мы старались узнать точную причину, и не могли проникнуть въ его мысли.

Въ одинъ день опекунъ сказалъ мнѣ: Теодоръ! ты долженъ отправиться на короткое время въ Москву; заимодавецъ мой пришелъ въ упадокъ, имѣніе его описано и будетъ продано съ аукціона. Я дамъ тебѣ довѣренность хлопотать въ мою пользу. Побѣждай, другъ мой! это продолжится недолго, а по возвратѣ ускорю твоимъ бракомъ.

Разлука съ Кларою казалась мнѣ ужасна; но благодарность заставила исполнить волю Рудольфа. Насталъ часъ разлуки. Я цѣловалъ руки невесты, онъ

трепетали; я прижималъ уста къ горячимъ щекамъ ея, она плакала, умоляла возвратиться скорѣе; все, что любовь, горестъ разлуки, всѣ клятвы, увѣренія истощались между нами. Я сказалъ послѣднее: прости! и съ этимъ роковымъ словомъ тяжкое предчувствіе наполнило душу мою. Мнѣ казалось, что какой-то таинственный голосъ шепталъ: несчастный! зачѣмъ оставляешь домъ? Ты возвратишься и найдешь въ немъ могилу свою!

Я пріѣхалъ въ Москву, началъ ревностно заниматься порученнымъ предметомъ, и каждую почту писалъ къ невестѣ. Отвѣты ея утѣшали меня; въ нихъ выражалась любовь, вѣрность, ожиданіе, все, что истинная любовь вмѣщала въ себя. Несчастный! я не понималъ объ измѣнѣ! не понималъ, что это предательство существуетъ въ мірѣ! Въмѣсто мѣсяца прошло три; дѣло тянулось, я терзался, страдалъ, ли-

шился покою, сна — и только письма Клары утѣшали меня въ разлукѣ, удерживали душу, готовую летѣть къ ней. Вотъ прошло еще три мѣсяца; я замѣтилъ перемѣну въ письмахъ Клары: они измѣнились въ силѣ и чувствахъ. Я спѣшилъ узнать подробности; отвѣтъ не успокоилъ, а болѣе встревожилъ, а съ нимъ и переписка прекратилась.

Сомнѣніе, ревность овладѣли разсудкомъ моимъ; я бросилъ дѣла, оставилъ Москву, сорилъ дорогою деньги, чтобъ везли меня скорѣе; мнѣ казалась каждая минута потерей. Прискакавъ въ городъ, поспѣшаю въ домъ, вижу необыкновенный свѣтъ, убранство въ комнатахъ, накрытые столы; все означало пиршество; спрашиваю: гдѣ Клара? Служитель отвѣчаетъ: Она поѣхала вѣнчаться съ господиномъ Рудольфомъ.

Громовый ударъ не столь сильно бы поразилъ меня, какъ эти слова. Ту-

манъ подернулъ глаза мои, я смотрѣлъ и не видѣлъ; опомнися, повторилъ вопросъ, получилъ тотъ же отвѣтъ. Кровь закипѣла во мнѣ, члены трепетали, всѣ нервы забились отдѣльно. Я бросился въ мою комнату, схватилъ кинжалъ, спрашиваю, гдѣ вѣнчаются; получилъ отвѣтъ, побѣжалъ въ церковь — и что жъ? Клара въ богатомъ платьѣ, въ блескѣ отъ каменьевъ стоитъ предъ олтаремъ съ предателемъ моимъ. Тѣснюсь сквозь толпу народа, и вижу..... голова моя закружилась, освѣщенный храмъ показался мрачнымъ, громкій звукъ органа подоился надгробному пѣнію, и.... бездѣйствіе мое прерываетъ Клара — она произнесла клятву.... Я не знаю, сколько времени находился въ положеніи подобномъ смерти; когда жъ опомнися, открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ этой комнатѣ, вспомнилъ происшествіе, всталъ съ постели, усиливался бѣжать,

билъ окружающихъ, и незнакомый человекъ суровой наружности сказалъ: свяжите ему руки, притяните къ постелѣ: этотъ сумашедшій опасенъ. Исполнители удвоили силы, я потерялъ умъ и не помню, что со мною дѣлали.

Вотъ, добрый незнакомецъ, участь моя! Четыре дня мнѣ возвращенъ разсудокъ, я сталъ мыслить, чувствовать, постигъ вполнѣ несчастіе мое! Я теперь одинъ, безъ пристанища; имя измѣнницы двухлѣтнее страданіе не истребило въ памяти моей. Черезъ недѣлю получу свободу, увижу соперника, Клару. О! это выше силъ моихъ! Я снова могу потерять разсудокъ, въ бѣшенствѣ свершить убійство и несчастіе увеличить преступленіемъ.

Теодоръ замолчалъ, крупныя слезы полились изъ глазъ, и Розальмъ началъ говорить:

— Такъ, другъ мой! ты испыталъ слишкомъ много; изступленный чело-

вѣкъ искажаетъ существо свое. Теперь призови на помощь разсудокъ, благодарь Бога, что онъ возвратилъ тебѣ безцѣнный даръ Неба! Забудь невѣрную, не омой рукъ въ крови предателей: они столь презрительны, что не заслуживаютъ мести; оставь домъ скорби, прїѣзжай въ бѣдную мою деревушку, тамъ раздѣлимъ наши горести и во взаимномъ дружествѣ станемъ искать утѣшенія. Вотъ тебѣ на дорогу деньги; не показывайся Рудольфу.

— Благодарю! Но воспользуюсь ли добротой твоей — увѣрить не могу; еще воспоминаніе о Рудольфѣ приводитъ меня въ изступленіе, еще Клара не истреблена изъ сердца. Ахъ! если бѣ ты видѣлъ ее, слышалъ голосъ, тогда бѣ ты сказалъ: не вѣрю! это небесное существо не можетъ вмѣщать въ себѣ коварную душу!

— Нѣтъ, Теодоръ! опытъ увѣрилъ меня въ противномъ, и что красота

безъ душевныхъ украшеній есть опасная личина. Прощай, другъ мой! — Розальмъ написалъ адресъ, пожалъ руку новому знакомцу, вышелъ за дверь, услышалъ звонъ колокольчика и остановился въ корридорѣ.

Двери изъ номеровъ начали съ шумомъ отворяться — это значило 12 часовъ: больные спѣшили къ обѣду. Невидимка увидѣлъ толпу людей разнаго сословія: иные шли весело, насвистывали, пѣли разные куплеты; другіе печально; нѣкоторые пускались въ разговоры съ товарищами, пожимали дружески руки, спрашивали о здоровьѣ; одни жаловались, что дурно провели ночь, другіе съ восторгомъ твердили о прекрасномъ балѣ, гдѣ до утра веселились и танцовали. Толстый Англичанинъ кричалъ: Господа! я славно позавтракалъ, съѣлъ полное блюдо бифштекса, выпилъ полдюжину бутылокъ портеру; только негодяи забыли по-

дать устрицы. Розальмъ смотрѣлъ, слушалъ и особое вниманіе обратилъ къ одному Французу: онъ не шелъ, а прыгалъ, дѣлалъ антраша и пантомины производилъ смѣхъ, даже въ сумасшедшихъ. Очки открыли званіе иностранца и причину, отъ которой онъ помѣшался.

Этотъ чудакъ въ отечествѣ своемъ былъ на театрѣ фигурантомъ и самымъ плохимъ; труды ногъ едва доставляли ему пропитаніе. Въ одинъ вечеръ предъ балетомъ онъ завернулъ къ пріятелямъ, выпилъ неосторожно; въ такомъ видѣ пришелъ въ гардеробную, поссорился съ товарищами, завелъ драку, не вышелъ на сцену. Тогда давали балетъ: Пораженіе Минотавра. Чудовище состояло изъ человѣка и лошади; послѣдняя часть принадлежала пьяному фигуранту. Онъ не могъ свершить столь важное назначеніе, и выгнать изъ театральнаго міра. Лишась мѣста,

онъ не унывалъ и, чтобъ отмстить неблагодарнымъ собратіямъ, въ одномъ фракѣ, пѣшкомъ притащился сюда, въ намѣреніи занять мѣсто учителя, только не танцмейстера: это званіе опротивило ему. Съ помощію товарищей, отысканныхъ здѣсь, помѣстился къ богатому помѣщику, составилъ себѣ родословную, увѣрилъ, что происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи, имѣетъ состояніе, и несчастная дуэль разлучила его съ родиною: онъ закололъ сына герцога; отецъ и родственники алкали мести и, преслѣдуемый законами, оставилъ отечество. На самой границѣ испыталъ новое несчастіе: разбойники остановили дорожную коляску, застрѣлили камердинера, ограбили; несчастный едва избѣгнулъ отъ смерти. Эту нелѣпую выдумку подтвердили товарищи. Французъ принялся учить двухъ дѣтей, воспитанныхъ до шестнадцати лѣтъ въ

деревнѣ. Это не бездѣлица! Ученики не понимали наставника, а тотъ не зналъ, чѣмъ начать: правописаніемъ или азбукою; впрочемъ дѣло пошло своимъ порядкомъ. Онъ не затруднялъ малютокъ и не морилъ грамматикою. Дѣти полюбили его; маменькѣ это нравилось. Учитель новаго покроя снискалъ въ домъ общую благосклонность; значительное жалованье, столъ, квартира, экипажъ вскружили бѣдную голову. Онъ скоро забылъ прежній бытъ, сталъ прогуливаться надувшись, съ важностію разъѣзжалъ въ коляскѣ и, пользуясь милостію господина, вздумалъ съ нимъ породниться. Онъ былъ молодъ, не дуренъ собою, и сталъ увиваться около дочери покровителя, называлъ ей разныя нежности, твердилъ о Парижѣ, увѣрялъ, что скоро кончится несчастное дѣло, получить дозволеніе возвратиться на родину. Услужливость, ласки, страстная любовь, теат-

ральныя выраженія понравились дѣвицѣ; а мысль, что выйдетъ замужъ за французскаго дворянина и поселится въ Парижѣ, вскружила ей голову. Маменька была не умнѣе дочери, намекнула о томъ мужу, и фигурантъ получилъ надежду вступить въ благородное семейство. Отецъ требовалъ доказательства о дворянствѣ и состояніи будущаго зятя; женихъ увѣрялъ, божился, что двоюродный братъ скоро пріѣдетъ въ Россію и доставитъ всѣ документы.

Кажется, дѣло сближалось; къ несчастію женихъ не забывалъ старыхъ привычекъ, любилъ иногда выпить и хватить черезъ край. Тогда любовь къ родному мѣсту возбуждала въ немъ охоту ѣздить въ театръ. Вотъ, въ одинъ вечеръ, въ первомъ ряду креселъ, онъ гордо растянулся, смотрѣлъ на дѣйствіе и замѣтилъ, что одинъ изъ новыхъ актеровъ, въ роли лакея, смо-

трить на него пристально. Изумленный губернёр вглядывался, и скоро узналъ стариннаго пріятеля Томаса, который вымѣталъ полы сцены и поправлялъ шкальчики. Открытіе не произвело впечатлѣнія; такая встрѣча часто случается съ подобными господами. Выходя изъ театра, Томасъ схватилъ его за руку, привѣтствовалъ какъ товарища, просилъ сводить въ трактиръ и поподчивать, какъ случалось и прежде. Надменный иностранецъ огорчился свободнымъ обращеніемъ товарища и гордо отвѣчалъ: Другъ мой! ты вѣрно ошибся? — Вотъ новость! вскричалъ Томасъ (у котораго то же гремѣло въ головѣ): я тебя за милою узнаю. Полно Жанъ притворяться; пойдемъ; у насъ то же водятся деньжонки; здѣсь намъ золотое дно! — Отстань отъ меня сумашедшій! Вотъ подѣхалъ мой экипажъ. — Онъ толкнулъ Томаса; обиженный схватилъ его за воротъ бекеши,

фигурантъ отвѣсилъ ему пощечину, сѣлъ въ коляску и отправился домой.

Свершивъ столь блестящій подвигъ, месье Жанъ не думалъ о послѣдствіяхъ. Томасъ вскочилъ на извожичьи дрожки, преслѣдовалъ пріятеля, узналъ домъ и въ два дня вывѣдалъ отъ людей все подробности, явился къ родителямъ невѣсты, объявилъ о точномъ происхожденіи жениха и причинѣ, по которой онъ выгнать изъ театра.

Отецъ изумился, велѣлъ позвать учителя, поставилъ съ глазъ на глазъ съ Томасомъ. Тутъ начался споръ и доказательства о благородствѣ происхожденія. Томасъ одержалъ побѣду, и месье Жана выгнали изъ дому.

И такъ, счастье, надежды — отъ неумѣстной пощечины и презрѣнія къ старымъ товарищамъ, исчезли какъ сонъ и произвели необыкновенное дѣйствіе: умъ изъ ногъ танцовщика вспрыгнулъ въ голову, она не могла выдер-

жать столь тяжкій грузъ и съ прежними питателями (то есть ногами) переселилась въ сумашедшій домъ.

Розальмъ пошелъ въ столовую, разсматривалъ собраніе изступленныхъ, слушалъ разговоры; они спорили, доказывали, судили о различныхъ предметахъ и, что удивительно: въ несвязныхъ, необдуманыхъ словахъ проскакивали такія истины, которыя умнымъ могли казаться загадками. Невидимка подумалъ: Странно! безумцы имѣютъ большое преимущество; они говорятъ то, о чемъ людямъ съ здравымъ разсудкомъ нельзя и подумать.

Розальмъ оставилъ мѣсто, гдѣ разсказъ Теодора произвелъ въ немъ горестное воспоминаніе. Ахъ, Мафусъ! Мафусъ! ты правъ, Теодоръ изобразилъ невѣсту въ очаровательномъ видѣ, подобно Юліи... ты правъ, наружность обманчива! Въ этомъ домѣ я видѣлъ сумашедшихъ, и если бъ случайно

встрѣтился съ ними, то многихъ счелъ бы мудрецами. Послѣ такого опыта, не мѣшаетъ смотрѣть, если не магическими очками, то съ большею осторожностію.

Вышедъ за ворота, Розальмъ увидѣлъ двухъ человѣкъ: они только что встрѣтились, сняли шляпы, поцѣловались, спрашивали съ участіемъ о семействахъ и казались друзьями. Испытатель обратилъ къ нимъ очки, и узналъ, что это господа стряпчіе, смертельные враги, и каждый изъ нихъ боится проворства соперника. При этой встрѣчѣ онъ вспомнилъ одно сравненіе, что два стряпчіе подобны острымъ ножницамъ: если раздвинуть послѣднія, положить въ нихъ бумагу и сжимать, то кажется, они взаимно истребляютъ другъ друга; напротивъ они остаются цѣлы, а гибнетъ только то, что находится между ими.

Два пріятеля говорили дружески. Какъ я радъ, любезнѣйшій кумъ, что встрѣтился съ вами нечаянно! Мы давно не видались, давно не толковали о дѣлахъ; у васъ вѣрно много? — Слава Богу, отвѣчалъ другой. — Куда вы, Сидоръ Власичъ, идете? — Въ этотъ домъ (онъ показалъ на большое зданіе); я имѣю просьбу къ г. Д. — Помилуй, любезный куманекъ! этотъ человѣкъ неприступенъ, гордъ, ни съ кѣмъ не говоритъ. — О, пустое! я проложилъ себѣ дорожку черезъ швейцара. — Да онъ не посмѣетъ доложить объ васъ. — Напротивъ, я подружился съ нимъ; а онъ родной племянникъ камердинеру, — наши жены большія пріятельницы. У камердинера миленькая дочь Даша, горничная дѣвушка, лѣтъ въ 17, въ большой милости у господъ, замолвить словцо — и мнѣ отказа не будетъ. — Ахъ, какъ это хорошо, лю-

безный товарищъ! Нельзя ли и меня пріютить къ нимъ? — Извольте! съ охотою! Я изберу время и отрекомендую швейцару. — Они простились, пожавъ руки, и знакомецъ придверника сказалъ: экъ разгорѣлись уши! Познакомить? Я затѣмъ и тороплюсь туда, чтобъ свернуть тебѣ шею!

Невидимка пошелъ далѣе и увидѣлъ пожилую женщину: она шла гордо, въ одной рукѣ держала лорнетъ, въ другой свернутую бумагу. Длинное, морщинами покрытое лицо, лоснѣлось отъ бѣлилъ и румянъ, короткая шея приросла къ плечамъ, рыжій парикъ послѣдней моды прикрывалъ ее голову; она безпрестанно улыбалась, представляла лорнетъ къ правому глазу, на лѣвомъ случилось бѣльмо.

Розальмъ обратилъ къ ней очки и узналъ, что старуха была вдова красиваго фабриканта, по смерти мужа пріискала молодаго подмастерья, тотъ

усердіемъ своимъ имѣлъ счастье понравиться мадамъ Туртельтакъ, хозяйкѣ фабрики. Она удвоила ему жалованье, часто дарила, ухаживала и однимъ глазомъ, деньгами, ласками старалась выразить свои чувства. Молодой человекъ все бралъ, всѣмъ пользовался; относительно жъ пламенной страсти казался новичкомъ. Адольфъ (имя подмастерья) совсѣмъ не имѣлъ холодности: умильно посматривалъ на Луизу, племянницу хозяйки. Дѣвица замѣтила склонность и осталась равнодушною. Это не скрылось: часто одинъ глазъ видитъ болѣе двухъ, и обнаружилъ, что Луиза любитъ подмастерью; тетушка вспыхнула, упрекала въ измѣнѣ, неблагодарности, выгнала племянницу изъ дому, предложила руку, сердце и все имѣніе Адольфу. Онъ не прельстился богатствомъ, любилъ Луизу, оставилъ старуху, пріискалъ другое мѣсто и женился на ней. Мадамъ чуть съ досады

не помѣшалась, пригласила адвокатовъ, тѣ составили прѣшеніе на пяти листахъ, увѣрили старуху, что правительство расторгнетъ бракъ Адольфа, заставитъ на ней жениться. Дѣло тянулось два года, стоило нѣсколько тысячъ, и домогательства Туртельтакъ окончатся смертію. Она грустила объ Адольфѣ, злилась на ходатаевъ и прежде времени оставилъ фабрику и все, что имѣетъ, племянницѣ.

Эта женщина умереть кстати, подумалъ Розальмъ, и увидѣлъ, что изнеможенный, слѣпой старикъ едва передвигалъ ноги; его велъ прекрасный двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Онъ спѣшилъ подать просьбу и потащился въ квартиру, гдѣ занималъ одинъ уголъ. Розальмъ узналъ, что этотъ несчастливый иностранный купецъ, имѣлъ незначительную торговлю и только нажилъ небольшой деревянный домъ съ

прекраснымъ фруктовымъ садомъ, который самъ обрабатывалъ и утѣшался имъ. Богатый сосѣдъ завистливо смотрѣлъ на это мѣсто, желалъ пріобрѣсти себѣ. Старикъ слышать не хотѣлъ о продажѣ. Покупщикъ придумывалъ всѣ возможныя средства и получилъ за безцѣнокъ. Одинъ знакомецъ Редлиха (фамилія хозяина) пришелъ къ нему вечеромъ, заговорилъ о старинѣ; тотъ слушалъ съ удовольствіемъ, развеселился, велѣлъ подать бутылку вина, выпилъ лишній стаканъ, и добрый знакомецъ, рассыпаясь въ дружествѣ, упросилъ поручиться за него въ тысячи рублѣхъ на два мѣсяца. Добросердечный человѣкъ зналъ о состояніи пріятеля, охотно согласился; къ несчастію онъ не умѣлъ читать по Русски и только съ трудомъ подписывалъ свое имя и фамилію. Услужливый другъ читалъ ему что хотѣлъ и онъ, вмѣсто поручительной подписки, далъ на себя

вексель въ 10 т. рублѣй. Пришелъ назначенный срокъ, мнимый заимодавецъ протестовалъ актъ и подалъ ко взысканію.

Дѣло пошло своимъ порядкомъ. Къ Редлиху пришелъ полицейскій чиновникъ, предъявилъ вексель, спрашивалъ, имъ ли подписанъ документъ. Обманутый старикъ безъ всякаго подозрѣнія утвердилъ подпись руки и далъ въ томъ письменный отзывъ.

Черезъ два дня снова является то же лицо и спрашиваетъ: можетъ ли онъ заплатить 10 т. рублѣй? Изумленный Редлихъ не понималъ къ чему клонятся вопросы, увѣрялъ, божился, что никому не долженъ и во всю жизнь не занималъ такой суммы.

Но выходъ чиновника иностранецъ считалъ все слышанное за ошибку, но эта ошибка окончилась слишкомъ невыгодно: домъ съ садомъ продали съ публичнаго торгу, и совѣстный сосѣдъ

получилъ почти даромъ небольшой участокъ, за который прежде давалъ значительную сумму.

Неосторожный Редлихъ потерялъ зрѣніе и раззорился совершенно. Одинъ старый знакомецъ далъ ему уголъ, гдѣ онъ и внукъ достаютъ необходимое къ жизни состраданіемъ добрыхъ людей. Старикъ оплакиваетъ остатки дней своихъ, а мальчикъ начинаетъ узнавать нищету со всѣми ея пагубными послѣдствіями.

Этотъ бѣднякъ идетъ въ послѣдній разъ просить, чтобъ его помѣстили въ богадѣльню, а мальчика приняли въ казенное заведеніе.

Испытатель пошелъ далѣе, увидѣлъ множество факеловъ. Вотъ опять похороны: богатый гробъ, балдахинъ; вѣрно покойникъ въ этомъ мірѣ не составлялъ собою презрительное лицо бѣняка, иначе съ такою помпой не отправился бы въ другой, гдѣ не требу-

ютъ пышности. Я не хочу знать объ немъ — на кладбищѣ видѣлъ довольно, и ограничусь тѣмъ. А! вотъ странная противоположность: простой, черный гробъ везутъ на распускахъ въ одну лошадь, за нимъ идетъ лазаретный служитель; бѣднякъ слѣдитъ за богачемъ помѣститься съ нимъ въ одной землѣ, она уравниваетъ ихъ; а тамъ!... онъ посмотрѣлъ на верхъ... тамъ готовится встреча.... Однако жъ какое-то чувство влечетъ меня къ послѣднему; посмотримъ.... и узнаемъ, кто оставилъ этотъ свѣтъ безъ провожатыхъ и друзей.

Обратимъ очки къ предмету любопытства; сколоченныя доски не препятствуютъ увидѣть.... Онъ взглянулъ.... пошатнулся.... и закричалъ: Возможно ли? это мой тесть! въ одномъ рубищѣ, почти нагъ.... Гдѣ жъ дочь, жена, родственники... друзья?... Нѣтъ, я не вѣрю. Мафусъ показываетъ

пустой призракъ. Онъ снялъ очки, подбѣжалъ къ провожатому... Другъ мой! скажи, кто этотъ покойникъ?...

— А какой-то баронъ фонъ Штольцъ, отвѣчалъ спокойно служитель.

— Гдѣ жъ дочь? семейство?...

— А почему я знаю! старикъ умеръ въ больницѣ.... никто не ходилъ къ нему...

— Боже мой! это онъ точно! Что случилось въ семействѣ моемъ?... Несчастный баронъ!—Розальмъ забылъ всѣ огорченія и печально смотрѣлъ на трупъ тестя, спѣшилъ узнать всѣ подробности, дрожащею рукой надѣлъ очки... и магическія стекла измѣнили; онъ вытеръ ихъ, устремилъ снова взоры — вышло тоже... Проклятые очки! адское изобрѣтеніе! откройте мнѣ причину смерти тестя и участь моего семейства? Подарокъ духа не повиновался, а служитель, провожающій гробъ, увидѣвъ, что человѣкъ два раза показывался и

исчезалъ, закричалъ кучеру: пошелъ скорѣе! а то свернуть намъ шею; знать въ этомъ Нѣмцѣ нечистая сила!

Гробъ скоро удалялся. Розальмъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, не зная, что дѣлать, слѣдить ли за нимъ на кладбищѣ, гдѣ могъ увидѣть родственниковъ или знакомыхъ, и вдругъ покровитель очутился передъ нимъ.

— Мафусъ! Мафусъ! скажи, что это значитъ? Мой тесть....

— Умеръ, отвѣчалъ духъ: это весьма натурально. ...

— Я видѣлъ это; но гдѣ дочь, родственники?... Очки потемнѣли, отказались удовлетворить любопытство.

— Они свершили свое назначеніе и въ этомъ случаѣ стали бесполезны. Ступай къ заставѣ города, тамъ ожидается облако, донесетъ тебя къ дому; только дорогою не столкнись съ кѣмънибудь: ты слишкомъ разстроенъ.

— Я хочу непременно знать о семействѣ, иначе не двинусь съ мѣста.

— Послушай, Розальмъ! Черезъ двѣ недѣли ты узнаешь всѣ подробности, увидишь, сдержалъ ли я слово... Ступай, мой другъ; это необходимо къ счастью твоей жизни.... Вооружись терпѣніемъ: нѣсколько лѣтъ ты ждалъ перемѣны въ участи и четырнадцать дней долженъ провести спокойно.

Духъ скрылся, распусти съ гробомъ удалились. Розальмъ подумалъ: нечего дѣлать... надо повиноваться... иначе силою притащутъ въ домъ.... Онъ повернулъ въ небольшую улицу и увидѣлъ, что малорослый мужчина преслѣдуетъ одну жинщину, та спѣшила удалиться, знаками изъясняла страхъ и негодованіе. Розальмъ, всегда готовый къ пособію, даже въ настоящемъ разстройствѣ мыслей, удвоилъ шаги, скоро настигъ и увидѣлъ.

Племянникъ Добрынина схватилъ за руки прелестную свою родственницу. Розальмъ видѣлъ ее на похоронахъ и съ цвѣтами на кладбищѣ.

— Милая Серафима! повторялъ негодяй: зачѣмъ бѣжишь? Вспомни, я всегда любилъ тебя, старался угождать....

— Отстань, несносный человекъ! Я не терплю тебя!...

— Не терпишь! Вотъ еще новость! и совершенно не у мѣста. Вспомни... я теперь не то, чѣмъ казался прежде... я богатъ... могу озолотить тебя.... стоитъ только...

— Я презираю тобой и богатствомъ твоимъ! Оставь меня....

— Пустое... Полно, миленькая, упрямиться. Я найму карету, поѣдемъ за городъ, на Красенькой... погуляемъ...

— И ты смѣешь дѣлать такое предложеніе?

— А почему жъ и нѣтъ? У меня куча денегъ, а съ ними все возможно.

— Боже мой! произнесла дѣвица и залилась слезами: теперь я узнала, сколь презрительна бѣдность; она даетъ право, этому низкому человѣку оскорблять меня!

— А! ты начала браниться? Пстой, теперь смеркается, людей на улицъ нѣтъ, я поцѣлую тебя и насильно увезу. — Онъ схватилъ ее за руку, дѣвица вскрикнула, Розальмъ затрепеталъ отъ гнѣва, снялъ очки, толкнулъ въ грудь негодая, тотъ пошатнулся, упалъ на мостовую и ушибъ голову.

— Что это, драться? закричалъ, подымаясь, дядюшкинъ племянникъ. Ты напалъ воровски, ударилъ невзначай..... Пстой! мы раздѣлаемся. — Онъ всталъ, готовился начать ручной бой, дѣвица прислонилась къ стѣнѣ, дрожала отъ страха; вдругъ изъ-за угла выскочилъ незнакомый человѣкъ, закричалъ слѣ-

довавшимъ за собою людямъ: возьмите! возьмите его! Я все видѣлъ и слышалъ... Приказаніе исполнено, шалуна схватили, держали, а защитникъ сказалъ: проводите, сударь, дѣвицу до квартиры. Розальмъ благодарилъ незнакомца, тотъ засмѣялся, подалъ знакъ, невидимка узналъ Мафуса.

Онъ подошелъ къ Серафимѣ. Прекрасная дѣвица! позвольте быть вашимъ товарищемъ? — Серафима взглянула на Розальма, благодарила за участіе, подала ему руку — и онъ забылъ все, что видѣлъ, слышалъ и даже послѣдній случай, смерть тестя; смотрѣлъ быстро въ глаза Серафимы и началъ говорить:

— Сударыня! я васъ знаю.....

— Вы ошиблись; я васъ вижу первый разъ въ жизни.

— Не спорю; только я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на похоронахъ

родственников и съ цвѣтами на кладбищѣ.

— Можетъ статья ; я не замѣтила.

— Вы слишкомъ огорчились смертію покровителя и не обратили вниманія на стороннее, ничтожное лицо....

— Извините, сударь.... вы совсѣмъ не то, я вамъ обязана благодарностію и теперь смотрю съ удовольствіемъ.

Розальмъ пожалъ ей тихонько руку, дѣвица покраснѣла, и... не огорчилась.

— Вы давно не были въ домъ родственниковъ?

— Слишкомъ полгода. При жизни покойника я ни въ чемъ не имѣла нужды: онъ нанималъ мнѣ небольшую квартиру, а теперь я переселилась къ дальней родственницѣ, занимаю одну комнату и трудами рукъ стану доставать необходимое къ жизни.

— Прекрасная дѣвица ! я имѣю небольшое состояніе: если вамъ случится нужда, обратитесь ко мнѣ, и....

Серафима съ досадою вырвала руку отъ Розальмы и съ благородною горделивостію сказала: Милостивый государь ! я слишкомъ чувствовала вашу услугу, а теперь.... извините.... она потеряла свою цѣну....

— Вы напрасно огорчились: предложеніе мое есть даръ чистой, безкорыстной души; въ доказательство... вы меня никогда болѣе не увидите... а если не презрите дружбою, то пришлите записку. Я доставлю все, что вамъ угодно. Позвольте написать адресъ ? Карандашъ со мною.

— О, нѣтъ! нѣтъ! сказала со слезами дѣвица: это не нужно.... Я виновата передъ вами, оскорбила недовѣрчивостію.... Простите меня, великодушный человекъ ! — Она подала ему снова руку, молча довела къ своей квартирѣ и сказала: Я здѣсь живу. Участіе ваше вѣчно останется въ моемъ сердцѣ. Прощайте!

Розальмъ печально повторилъ эти слова, поцѣловалъ ея руку; Серафима не сопротивилась, посмотрѣла быстро ему въ лицо и скрылась.

Унылый молодой человекъ продолжалъ путь, думалъ о прекрасной дѣвицѣ, и вдругъ все мысли обратилъ къ смерти тестя и семейству. Коварный духъ! произнесъ онъ съ горестію: ты вѣрно скрылъ новое несчастье, и думаешь постепенно приготовить меня къ нему? Ахъ, это напрасно! я столько испыталъ, что смѣло встрѣчу и перенесу неожиданное.

— Ты напрасно огорчился, произнесъ Мафусъ. Я готовлю тебя къ счастью, о которомъ ты и думать не смѣлъ. Успокойся, другъ мой... и вѣрь словамъ моимъ... Вотъ мы подходимъ къ заставѣ; простимся на двѣ недѣли. А, кстати: ты разстался равнодушно съ Серафимою; кажется, и она посматривала на тебя дружески?

— Ахъ, Мафусъ! я постигаю твое коварство: ты съ умыслу доставилъ мнѣ случай услужить дѣвицѣ, которую за доброту я слишкомъ уважаю. Признаюсь, эта встрѣча весьма неумѣстна въ минуты, когда все мысли мои устремились къ тестю и семейству. Ты доставилъ мнѣ развлеченіе... и, къ стыду моему, признаюсь: встрѣча съ Серафимою! прервала на время горестивія мои мысли...

— Они прервутся навсегда! Теперь о томъ ни слова. Вотъ облако, спѣши домой, думай, если хочешь, о семействѣ и не забывай Серафиму... Духъ исчезъ, облако понеслось быстро. Розальмъ скоро очутился въ своемъ домѣ.

Воздушный путешественникъ долго ходилъ по комнатамъ сложивъ руки, думалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ, старался угадать объ участи семейства и причину нищенскихъ похоронъ тестя. Все означало несчастье и тревожи-

ло добрую душу Розальма. Онъ — забылъ о всѣхъ огорченіяхъ, которые перенесъ отъ Юліи и родственниковъ; желалъ ихъ увидѣть и оказать готовность къ пособію. По долгомъ размышленіи вынулъ очки, сказавъ: Можетъ статья въ отсутствіи духа онъ окажутъ мнѣ услугу, удовлетворять любопытство?... Стекла не повиновались. — Проклятые очки! да покажите мнѣ хоть что нибудь? разсѣйте грусть мою? — Стекла прояснились.... онъ увидѣлъ: Серафима вошла въ небольшую, чистую комнату, сняла сапогъ, шляпу, взглянула въ окно и со вздохомъ произнесла: Добрый, прекрасный незнакомецъ! ты удалился, и можетъ статья никогда не увижу тебя! — Розальмъ вскричалъ: Драгоценныя очки! сохраните этотъ предметъ во взорахъ моихъ, передайте слова. Вы опять потускли? Очарованіе исчезло въ минуту... Ахъ! довольно,

дополнимъ воображеніемъ то, чего вы лишили меня! Онъ улыбнулся... пошелъ въ столовую. Вечеромъ снова пустился въ мечты свои и вспомнилъ повѣсть Антона Ивановича: она развеселить и разгонитъ печальныя мысли. Онъ взялъ книгу, развернулъ и началъ читать:

»Въ 6 часовъ изволилъ пожаловать месье Пудрай съ принадлежностями своими; я сѣлъ къ зеркалу, черепаховая гребенка, ножницы и щипцы пришли въ дѣйствіе. Черныя, сухощавыя руки Француза быстро прогуливались на моей головѣ, стригли, завивали и составили огромный тупей; прическа окончилась. Косой Нѣмецъ явился съ платьемъ. Тутъ пошла работа не на шутку. Натянувъ шелковыя чулки и укрѣпивъ серебряныя пряжки къ башмакамъ, приступили къ прочей одеждѣ, наконецъ подали и мундиръ, прицѣпили шпагу. Я смотрѣлъ въ зер-

кало, не узнавалъ себя, казался прекраснѣе, и что щедрую ко мнѣ природу улучшилъ еще искусствомъ. Камердинеры, портной и парикмахеры божились, что мундиръ пристаеъ ко мнѣ, а месье Пудрай твердилъ: шляпъ неслѣзя натефайтъ, испортить калова. — Карета подъѣхала къ крыльцу, я завернулъ шаль въ большой шелковый платокъ и поѣхалъ по маршруту секретаря; взошелъ особымъ крыльцомъ, спросилъ горничную, можно ли видѣть госножу и поздравить съ днемъ ангела.

— Вы, конечно, г. Судьбинъ?

— Точно.

— Подождите минуту, я доложу...

Она возвратилась съ отвѣтомъ: барыня благодарить, она еще не одѣлась; увидѣть васъ на балу и просить пожаловать туда непременно.

— Очень хорошо! Теперь вручите госпожѣ эту мелочь, а платокъ оставьте у себя.

— Покорнѣйше благодарю, милостивый государь! Какъ она обрадуется! Ей давно хотѣлось имѣть Турецкую шаль. — Горничная кланялась, присѣдала и подошла такъ близко, что я испугался, не хочетъ ли поцѣловать меня; посмотрѣлъ пристально ей въ лицо, увидѣлъ носъ весьма похожій на журавлиный, ротъ съ отвислыми, толстыми губами, онъ простирался до ушей; эти прелести не произвели желанія къ поцѣлуямъ. Я шаркнулъ ногою, вышелъ и очутился въ приѣмной комнатѣ генерала.

Нѣсколько человекъ стороннихъ и почти всѣ чиновники изъ канцеляріи находились тамъ. Я вошелъ; всѣ обратили на меня глаза: мундиръ, золотая цѣпочка, брилліантовая булавка въ манишкѣ, отличили меня отъ другихъ. Товарищи окружили, въ намѣреніи поздравить... и секретарь сказалъ: ши..... его превосходительство первый это сдѣлаетъ.

Наконецъ отворилась дверь кабинета: вышелъ начальникъ и нѣсколько голосовъ произнесли поздравленіе. Хозяинъ благодарилъ и обратился ко мнѣ.

— Г. Судьбинъ! позвольте и мнѣ поздравить васъ взаимно. Вы чиновникъ, останетесь при мнѣ, и конечно оправдаете мой выборъ? — Тутъ превосходительный поклонился всѣмъ, посѣтителю догадались, вышли; я оставался послѣднимъ, и милостивецъ сказалъ: Антонъ Ивановичъ! вы теперь у насъ домашній человѣкъ, объедаете у именинницы. — Я благодарилъ за милость, спустился въ канцелярію, тамъ чуть меня не задушили привѣтствіями и объятіями.

Я спѣшилъ къ невѣстѣ, она приняла меня съ радостными слезами, поздравила отъ чистаго сердца и сказала: Званіе твое, одежда, не могутъ увеличить мою любовь; но я восхищаюсь ими: они сближаютъ наше счастье. Ба-

ронъ косо посмотрѣлъ на брилліантовую булавку, однако жъ обласкалъ и по наружности казался довольнымъ.

Оставивъ невѣсту, я пріѣхалъ къ князю сказать о кавалерѣ и поблагодарить отца за покровительство; оттуда вздумалъ завернуть къ пріятелямъ, блеснуть собою, и всѣ согласятся, что не забылъ смиренный домъ: надо же взглянуть на Лизу Смотритель съ женою приняли меня (или, вѣрнѣе сказать, мой нарядъ) съ глубокимъ уваженіемъ, Лиза покраснѣла и не поклонилась. — Не сердитесь на нее, сказала мать: она нездорова; всю ночь не спала, бредила: вѣрно простудилась; скоро придетъ докторъ. — Я вздохнулъ, подошелъ къ дѣвицѣ, и совѣсть шепнула мнѣ: Ты виновникъ болѣзни! Лиза оправилась и спросила: Антонъ Ивановичъ! какъ вы богато нарядились! Это мундиръ? Вы теперь чиновникъ?

— Точно, Лизавета Петровна !

— Ахъ, какъ я тому рада ! Вы теперь можете жениться ?

— Глупенькая ! сказала мать : жениться всегда можно ! За Антона Ивановича съ радостію пойдетъ благородная дѣвица.

— Точно-съ ! онъ сказывалъ мнѣ о томъ.

— Да ! въ ваши именины я пошутилъ, что намѣренъ жениться ; жаль, я еще слишкомъ молодъ для брака.

До званаго обѣда я расхаживалъ по комнатамъ, остерегался лишнимъ движеніемъ измять мундиръ и разстроить труды месье Пудрая, а въ три часа принять ласково начальникомъ. Хозяйка занималась мною, секретарь увивался, и кажется хотѣлъ влѣзть въ душу ; многіе изъ стороннихъ знакомились со мною.

Я сидѣлъ за пышнымъ, роскошнымъ столомъ. Въ половинѣ обѣда раз-

говоръ сталъ громче и общій ; всякій свободно изъяснялъ свои мысли ; мужчины судили о политикѣ, приготовленіяхъ къ Турецкой войнѣ ; женщины лепетали о модахъ, собраніяхъ, новыхъ магазинахъ и ознаменитой мадамъ Пуръ-Пуръ : она недавно пріѣхала изъ Парежа съ цѣлою стопой модныхъ рисунковъ, и такъ удачно мастерила, что старухи, надѣвъ ее платье, казались молодыми. Я слушалъ и смотрѣлъ во все стороны, видѣлъ оригинальные лица, они по древности и морщинамъ заслуживали вниманія антикварія. Они важно разговаривали между собою и страшные бросали взгляды на хорошенькія личики. Молодые женщины и дѣвицы шутили, смѣялись и тѣмъ болѣе производили угрюмость въ первыхъ ; однако и между ими оказывалась разность : пятидесятилѣтнія отдавали преимущество тѣмъ, которыя имѣли десятокъ лишнихъ, отвѣчали

имъ съ уваженіемъ, и коварно улыба-
лись, что нашли антики древнѣе себя!

Въ шесть часовъ встали изъ-за стола,
въ семь начались танцы. Хозяйка съ
сѣдымъ кавалеромъ открывала балъ;
онъ имѣлъ кривыя ноги, и едва про-
шаркалъ полонезъ. Танцы относились
къ моей части: въ первомъ экосесеъ
меня замѣтили. Дѣвицы, какъ будто
случайно, пустились со мною въ разго-
воры; одна изъ нихъ спросила: Кто
васъ училъ танцевать? — Месье Трикъ-
Тракъ, отвѣчалъ я. — Возможно ли? и
я у него училась! И я... и я... — Да вы
только одинъ мѣсяцъ, а я два года. —
Все равно, одинъ учитель, одна мето-
да. — Месье Трикъ - Тракъ сблизилъ
насъ.... скоро познакомилъ со всею
молодежью; меня наперерывъ хвата-
ли въ кадрили и мазурки.

Посмотрите, сказалъ кто-то, какіе у
насъ молодые люди!

— Превосходные, что и говорить!
перехватила супруга Степана Степа-
новича. Только жаль, что Антонъ Ива-
новичъ скоро женится. — Какъ? же-
нится? повторили протяжно нѣсколь-
ко голосовъ. — Точно! на прелестной
дѣвицѣ баронессѣ Тернезъ. — Съ этимъ
открытіемъ часть танцорокъ охолодѣла
ко мнѣ, и я подумалъ: Странно, всѣ
дѣвицы стараются отыскивать мужей —
и сердятся на мужчинъ, что онѣ всту-
паютъ въ бракъ! Что жъ тутъ дѣлать?
Нельзя жъ имъ жениться на многихъ,
хотя бъ и нашлись къ тому охотники.
Танцы окончились въ три часа; всѣ
устали, вспотѣли, бросились на дива-
ны и стулья. Люди суетились, бѣгали
съ лимонадомъ; маменьки твердили
дочкамъ: не простудитесь, не пейте
холодное.

Сестра князя, всегда готовая на вы-
думки, опустилась въ кресла и сказа-
ла: музыка умолкла, здѣсь тихо, какъ

въ пустыи; въ эту минуту я родилась. Знаете ли что? я доставлю всѣмъ новое удовольствіе. Зовите Антона Ивановича въ диванную: тамъ фортепіано и гитара; онъ поетъ чудесно, превосходно! Тутъ всѣ обратились ко мнѣ: Антонъ Ивановичъ, пойдите въ диванную! — Я отговаривался, увѣрялъ, что давно не пѣлъ, боленъ грудью. Пустое! пустое! пойдите. — Хозяйка вступилась въ общее дѣло, взяла меня за руку, повела.

— Стыдитесь, сударь! зачѣмъ упрямитесь, скрывать таланты? Посмотрите, какія милыя дѣвицы просятъ васъ....

Я взялъ гитару, вспомнилъ романсъ и запѣлъ. Всѣ слушали съ удовольствіемъ и когда окончилъ, оглушили похвалами. Я благодарилъ, принялся за другой, и теноръ мой показался необыкновеннымъ. Дочь бригадира Заржавина, дѣвица лѣтъ 18-ти, подошла ко мнѣ.

— Вы учились пѣть въ Италіи?

— Нѣтъ, сударыня, въ училищѣ, гдѣ воспитывался, у Италіанки. Я не обманулъ: Туанета способствовала обработать мой голосъ.

— Это видно! это видно! повторили окружающіе: совсѣмъ другая метода, приемы, какая сила, ловкость! а роллады.... самый нашъ лучшій пѣвецъ не посмѣетъ пикнуть при Антонѣ Ивановичѣ! Тутъ хозяйка вмѣшалась въ похвалы: Г. Судьбинъ! вы милы, любезны, услужливы, можно сказать любимецъ счастія: всѣхъ привлекаете къ себѣ! Я непременно познакомлюсь съ вашей невестою и посоветую не пускать безъ себя въ собранія; что добраго, вы вскружите всѣмъ головы! и бракъ пріостановится. — Генералъ засмѣялся, а старушки шептались въ полголоса: Ну, можно ли дѣвицамъ и молодымъ женщинамъ такъ свободно обращаться съ муши-

ною? Ахъ! въ наши времена этого не было; въ собраніяхъ сидѣли чинно, говорили мало, и по большей части — да-съ, или нѣтъ, а теперь всякая выставляетъ свое горлышко.

— Правда, сударыня Марья Савишна! точная правда: и тогда веселились, танцовали, балъ начинался минутомъ, молодежь рѣзвилась, пѣла пѣсенки, но все въ тихомолку, такъ что никто не слыхалъ.

Въ пять часовъ утра начали разѣзжаться. Хозяева благодарили меня за удовольствіе, доставленное собранію, а Степанъ Степановичъ, пожавъ руку, сказалъ: Антонъ Ивановичъ! вы славный молодецъ: всѣмъ услужили. Завтра я отозванъ обѣдать къ президенту Ханжину; у меня привычка брать съ собою одного изъ пріятелей: пріѣзжайте ко мнѣ въ три часа. Вы познакомитесь съ почтеннымъ семействомъ!

Я бросился въ постель, не могъ уснуть, думалъ о балѣ, пріемѣ и словахъ генеральши: вы любимецъ счастья! Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей. Да! я счастливъ! щедро одаренъ природою, воспитаніе и достатокъ улучшили ее. Напримѣръ — балъ! Какъ меня приняли дѣвицы! Наперерывъ спѣшили танцовать со мною! Съ какими умильными глазками подавали ручки! Стоило бѣ къ нѣсколькимъ приласкаться, и навѣрное умножилъ бы славу мою! Но гдѣ-то моя бѣглянка? не смастерила ли новый уборъ головъ моей? Нѣтъ, это невозможно! Можетъ быть, она теперь мать, и дитя... Только устрою дѣла, пушусь въ новые поиски... Я вчера пѣлъ превосходно... съ чувствомъ... Однако жъ пора уснуть... въ часъ увидѣть невесту. Ахъ, Лаура! какъ я люблю тебя!

Въ три часа г. Лазинъ съ супругою пригласили меня въ свою карету и первый мнѣ сказалъ: Въ домъ Ханжина карточная игра; князь увѣряетъ, что вы знатокъ въ этомъ дѣлѣ: попытаемъ искать счастья? Я стану помогать, только не рискуйте!

Г. президентъ человекъ среднихъ лѣтъ, благородной, величавой наружности, принялъ насъ съ уваженіемъ (кажется въ выраженіи: насъ — нѣтъ ошибки). Я составлялъ третье лицо посѣтителей. Молодая жена хозяина, устремивъ ко мнѣ черные глаза, сказала: Г. Судьбинъ! очень пріятно, что вы посѣтили домъ нашъ! Вчера на балу я познакомилась съ вами и просила мужа пригласить къ намъ.

Въ гостиной посѣтителей находилось довольно. Хозяйка суежилась всѣхъ усадить; я замѣтилъ, что у нее одна нога короче и высокой каблукъ не могъ скрыть недостатка; она ходила

скоро и часто спотыкалась, особенно когда смотрѣла по сторонамъ и забывала свой недостатокъ.

Послѣ обѣда ломберные столы развернулись: пожилыя женщины усѣлись за вистъ, молодежь пустилась въ разговоры, а тучный, одутловатый поставщикъ открылъ банкъ — человекъ десять стали пунтировать. Послѣ второй талии толстякъ сказалъ сердито: Двѣ тысячи рублей сорвано; вотъ еще столько жъ! И когда съ тѣми послѣдовала участь первыхъ, то поставщикъ отеръ съ лица потъ, вынулъ изъ — за пазухи сикурсъ — игра получила другой оборотъ: въ полчаса онъ возвратилъ сорванные банки, выигралъ пять тысячъ и басомъ сказалъ: басто!

— Прямой мужикъ! произнесъ г. Лазинъ. Антонъ Ивановичъ! положимъ двѣ тысячи рублей; я стану метать.

— Извольте, сударь; а я записывать. Этотъ трудъ оказался лишнимъ:

банкъ сорванъ; мы повторили и вышло то же.

— Досадно! Товарищъ, станемъ продолжать?

— У меня больше нѣтъ денегъ.

— Какъ вамъ не стыдно? Зачѣмъ не запаслись. Что теперь станемъ дѣлать? Сидѣть поджавъ руки? Я то же не взялъ съ собою.

Президентъ замѣтилъ неудовольствіе: Степанъ Степановичъ! вамъ съ товарищемъ не служить счастье метать? Пунтируйте, я ставлю 10 тысячъ. Господа! кому угодно?

— Вы слышали, съ нами денегъ нѣтъ!

— Какъ вамъ не стыдно! мы повѣримъ въ долгъ; выиграете — возьмете, а проиграете — получу завтра.

— На этомъ условіи съ охотою, и за товарища порука; комунибудь изъ насъ повезетъ счастье.

Президентъ усѣлся важно, какъ будто въ коллегіи за присутственнымъ столомъ, взялъ у жены руку: Дай, душенька, я поцѣлую; у тебя счастлива! — Женушка протянула объ, украдкой посмотрѣла на меня, хотѣла подойти что-то сказать, большимъ каблукомъ зацѣпилась о кресла и лбомъ стукнулась со мною. Ахъ, матушка! сказалъ съ досадою супругъ: ты шалишь не кстати; у Антона Ивановича выростетъ шишка. — Всѣ засмѣялись; а толстый поставщикъ, который послѣ объѣда выпилъ бутылку портеру и три стакана пуншту, вытащилъ изъ-за пазухи огромную серебряную табакерку, подошелъ ко мнѣ. Позвольте, я потру лобъ, шишка не вскочить. — Оставьте, сударь! закричалъ я съ досадою: держите эту вещь въ запасъ для собственнаго лба.

Счастье отказалось служить мнѣ и товарищу. Мы пили, шумѣли, спорили,

рвали съ досады карты, бросали подъ столъ, и все не переиграли фортуны. Къ 12-ти часамъ окончились невинныя забавы; я проигралъ къ первымъ двумъ тысячамъ еще четыре, а товарищъ одиннадцатъ. Онъ сердился, супруга упрасивала не возобновлять игру и ѣхать домой.

Мы оставили домъ бригадира съ неудовольствіемъ; вышли изъ кареты, и Степанъ Степановичъ сказалъ: Вы замѣтили, жена плакала? Это тревожитъ меня. Конечно, по нашему состоянію, проигрышъ пустой, да случился не кстати; дома нѣтъ денегъ, съ деревень оброки не подбѣзли, пансіонъ впередъ взять стыдно; ей Богу не знаю, что и дѣлать. Завтра пріѣдетъ президентъ, должно заплатить, а притомъ не дурно бѣ и отыграться. Любезный другъ Антонъ Ивановичъ! не выдай! Вся надежда только на васъ! Одолжите еще одиннадцатъ тысячъ; чрезъ мѣсяцъ

заплачу съ прежнимъ долгомъ. Будьте увѣрены, отслужу, вотъ вамъ моя рука!

При столь неожиданной просьбѣ я смѣшался и не зналъ, что отвѣчать. Онъ это замѣтилъ и продолжалъ: Вы задумались? Какъ вамъ не стыдно! Стоитъ только съѣздить въ банкъ и дѣло кончено. Ну, будь же другомъ! выведи изъ хлопотъ. Конечно эту малость я вездѣ достану, всякой съ охотою мнѣ услужить; но божусь! я не люблю занимать и окромъ васъ никому не долженъ. — Онъ присталъ не на шутку; я не умѣлъ или, вѣрнѣе сказать, не смѣлъ отговориться, далъ честное слово къ тремъ часамъ доставить деньги.

— Прекрасно, сударь! Вы откусаете съ нами, познакомитесь короче съ президентомъ: онъ человѣкъ честный, добрый, но чрезвычайный интересанъ! Бѣда задолжать ему: не дастъ покою

а ссориться съ нимъ нельзя, онъ имѣетъ случай, пригодится и вамъ. Прощай, любезный Антонъ Ивановичъ! до свиданья! Возьмите мою карету. А, кстатъ! не забудь четыре тысячи: я порукой за васъ!

Карета не утѣшила меня, особенно въ ночи; врядъ ли и фонарики замѣтили ее; онъ, отъ слякоти прикрывъ себя въ рогоженные пальто, заботились, чтобъ лишнее масло не влить въ шкальчики. Я возвратился домой совершенно разстроенъ. Двѣ тысячи оставилъ у президента, пятнадцать далъ слово привести къ тремъ часамъ; гдѣ взять ихъ? изъ банка? Узнаетъ баронъ, опять новая ссора. Я вспомнилъ о чиновникѣ Ловиловѣ, спросилъ объ немъ камердинера; тотъ отвѣчалъ: онъ утромъ въ десять часовъ придетъ съ купцомъ Пылинымъ.

Я бросился въ постель, долго не могъ уснуть, досадовалъ на проигрышъ

и настойчивость покровителя, а предполагаемая вновь издержки приводили въ затрудненіе, заставили подумать, что если такъ пойдутъ дѣла мои, то скоро останется малость. Тутъ я вспомнилъ совѣтъ барона, и рѣшился пятьдесятъ тысячъ вручить на сохраненіе невѣсть; я не вѣрилъ самъ себѣ и счелъ это лучшимъ средствомъ сберечь остатки.

Въ назначенный часъ явился факторъ съ покупщикомъ. Мы приступили къ дѣлу: я запросилъ сто двадцать тысячъ. Пылинъ давалъ восемьдесятъ. Искусъ Терентьевичъ вошелъ въ посредничество и мы кончили на стѣ, съ тѣмъ, чтобъ въ тотъ же день приступить къ совершенію купчей. Я требовалъ сполна деньги.

— Ваше высокородіе! отвѣчалъ покупатель съ низкими поклонами: всей суммы я теперь уплатить не въ силахъ, четвертую часть привезъ съ со-

бою, а въ семидесяти пяти не угодно ли взять вексель за вѣрнымъ поручительствомъ? Я не соглашался, требовалъ всей суммы.

Искусъ Терентьевичъ вмѣшался снова: Помилуйте, Антонъ Ивановичъ! я все устроилъ къ вашей пользѣ. Зачѣмъ такая куча денегъ? Ихъ придется положить въ банкъ. То ли дѣло, сударь, частные руки? По десяти процентовъ, вотъ извольте видѣть: за семдесятъ пять тысячъ вы получите въ годъ семь тысячъ пятьсотъ рублей процентовъ. Подумайте, это не бездѣлица.

— Что мнѣ въ процентахъ! Это мелочь; мнѣ нуженъ полный капиталъ, купить имѣніе. Я теперь не торгошъ, я чиповникъ, могу имѣть крестьянъ.

— Да вексель то же самое, что наличныя деньги; поручители извѣстны всему городу, купцы: Карпъ Сидоровичъ Хныринъ и Кузьма Савичъ Орлинъ, люди честные, капиталисты; а

если ихъ недостаточно, то я самъ готовъ поручиться: у меня на Пескахъ собственный домъ, съ большимъ огороднымъ мѣстомъ.

— А если мнѣ понадобятся деньги равнѣ срока?

— И.... сударь! какъ вамъ не стыдно! Мы знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Все, что льстило самолюбію, дѣйствовало на меня сильно. Я началъ уступать просьбамъ и скоро согласился; стряпчій подалъ заготовленное условіе, я подписалъ, взялъ деньги и Ловиловъ съ ужимкою сказалъ: При всякой продажѣ и покупкѣ посреднику платятъ десять процентовъ; изъ уваженія къ вамъ, я ограничусь только пятью. — Это мнѣ показалось слишкомъ много, я далъ ему тысячу рублей съ увѣреніемъ, что когда получу обратно капиталъ съ процентами, то изъ послѣднихъ удовлетворю. Онъ примѣтно насупился и съ неудовольствіемъ вышелъ.

— Ну, слава Богу! теперь мы съ деньгами! Пятнадцать тысячъ отвезу, девять оставлю, и такъ за Лазинымъ тридцать одна, это значитъ наличный капиталъ; по векселю семдесятъ пять, слѣдственно не много прожито; я еще слишкомъ богатъ. — Съ этой утѣшительною мыслию я навѣстилъ Лауру, вручилъ ей на сохраненіе билетъ. Она не оказала большой радости; напротивъ отецъ пришелъ въ восхищеніе, не могъ нахвалиться мною, и самъ напомнилъ о днѣ брака.

Степанъ Степановичъ изволилъ получить общій нашъ проигрышъ и, натурально, принялъ меня дружески, обласкалъ. Я за столомъ сидѣлъ возлѣ хозяйки, она сама наливала мнѣ вина; вспомнила о балѣ, божилась, что многимъ дѣвицамъ вскружилъ головы. Къ шести часамъ пожаловалъ президентъ, взялъ свой выигрышъ и съ удовольствіемъ сказалъ: Пріятно имѣть дѣло

на честномъ основаніи. Антонъ Ивановичъ! съ этой минуты вы имѣете совершенную довѣренность въ моемъ домѣ. Тутъ пріѣхали еще два знакома, мы снова принялись за карты, я проигралъ еще три тысячи, и съ обѣщаніями, дружествомъ и безъ денегъ возвратился домой.

Въ полдень присланный отъ Чистякова человекъ увѣдомилъ, что всѣ опекуны собрались и ждутъ меня для прочтенія духовной.

— Слава Богу! еще деньги... Одѣваться! Заложить рысака, ѣдемъ! Опекуны принялъ меня слишкомъ холодно: Антонъ Ивановичъ! душеприкащики собрались, мы при васъ распечатаемъ духовную; сядемте къ столу! — Онъ принесъ большой конвертъ, перекрестился, снялъ сургучъ и прочиталъ завѣщаніе.

Покойный отецъ приказывалъ извѣстныя десять тысячъ выдать мнѣ обрат-

но, чтобъ не имѣть упрека, сорокъ от-
править на родину, одну половину упо-
требить въ пользу монастыря, а дру-
гую раздѣлить между родственниками,
остальные двадцать пять положить въ
банкъ съ тѣмъ, что если я женюсь и
буду имѣть дѣтей, то по совершенно-
лѣтіи внучать, выдать имъ капиталъ;
а если останусь бездѣтенъ, употребить
на богоугодныя дѣла. Точное исполне-
ніе своей воли поручилъ Чистякову, а
въ случаѣ смерти, его наследникамъ.

Я вскочилъ съ мѣста: И мнѣ только
десять тысячъ! и то моихъ собствен-
ныхъ! Нѣтъ, господа! духовная сом-
нительна, я стану просить, и....

— Оставьте въ покоѣ кости отца!
Онъ зналъ, что дѣлалъ. Если дѣти ва-
ши достигнутъ совершеннолѣтія, то ка-
питалъ умножится почти втрое; если жъ
ихъ не будетъ, то и деньги вамъ не
нужны.

Слова Чистякова еще болѣе меня
разсердили; я кричалъ: Законный на-
слѣдникъ ограбленъ! Хорошо! я стану
жаловаться! Дайте мнѣ завѣщаніе!

— Это свѣше нашей власти; мы
документъ представимъ въ судъ, тамъ
можете получить копію; а теперь возъ-
мите свои деньги — вотъ онъ и загото-
вленная росписка, возьмите и оставьте
насъ въ покоѣ.

Я схватилъ свертокъ ассигнацій, под-
писался въ полученіи, хлопнулъ дверью,
вышелъ изъ комнаты и поспѣшилъ къ
барону. Онъ выслушалъ и сказалъ: Я
зналъ это, предупреждалъ, вы прозя-
вали. Возьмите копію съ завѣщанія;
пригласимъ стряпчаго и заведемъ про-
цессъ. — Всѣ бывшіе въ комнатѣ одо-
брили барона, одна только Лаура мол-
чала, и когда мы остались одни, стала
говорить:

— Я не понимаю, что ты отыски-
ваешь? Отецъ имѣлъ полное право рас-

полагать своимъ имѣніемъ. Умѣй только сохранить свое, а сумма, назначенная дѣтямъ, пусть спокойно лежитъ въ банкѣ. Я увѣрена, ты не выиграешь процессъ. — Дѣвица сказала правду: судъ отказалъ въ искѣ и запретилъ входить съ подобными прошеніями.

Дѣла мои шли весьма плохо, я проигралъ еще значительное количество; содержаніе прислуги, экипажей, стоило въ мѣсяцъ тысячу рублей. Весь расходъ шелъ изъ наличности, доходы съ продажей лавокъ прекратились, домъ оставался пустъ, жильцы выѣхали. Наконецъ медленная перестройка окончилась, новоселье стоило большихъ издержекъ: и по точному расчету у меня оставалось съ небольшимъ десять тысячъ, за исключеніемъ билета и долговъ, которыя считалъ вѣрными. Я не унывалъ, спѣшилъ оканчаніемъ брака, и спѣшилъ не напрасно: Лиза безпо-

коила, настаивала въ частыхъ посѣщеніяхъ. Я не зналъ какъ отдѣлаться отъ дѣвушки: она становилась въ тягость. Въ этой крайности дарилъ горничную, обѣщалъ выкупить на волю, чтобъ удерживала барышню отъ глупостей. Князь, товарищъ и совѣтникъ мой, находился еще въ худшемъ положеніи: проигралъ все наследственное свое имѣніе, полученное отъ дяди и вошелъ въ большіе долги. Общая опасность сблизила насъ болѣе; мы думали, какъ вывернуться изъ хлопотъ. Предосторожность оказалась напрасна; хитрый старикъ узналъ всѣ подробности и запретилъ Леліи всѣ сношенія съ княземъ.

Я настаивалъ, чтобъ готовили все необходимое для Лауры; баронъ не торопился, откладывалъ подъ пустыми предлогами день брака. Я сталъ догадываться, что тутъ кроется умыслъ, и конечно вредный для меня. Лаура это

подтвердила: Другъ мой! батюшка затѣваетъ что-то дурное; онъ требовалъ отъ меня билета и десяти тысячъ; я рѣшительно отвѣчала, что безъ твоего согласія не могу это исполнить. Онъ разсердился, а болѣе на сестру Лелію, что вступилась за меня. Здѣсь кроется тайна; переговоры съ княземъ, посоветуйся какъ вырвать насъ изъ дому, гдѣ готовятъ одинъ позоръ и несчастье. — Слова Лауры вышли справедливы: я съ примѣтнымъ неудовольствіемъ обратился къ барону и настаивалъ ускорить бракъ. — Не торопитесь! отвѣчалъ онъ холодно: намъ еще нужно переговорить о важномъ предметѣ, и съ этими словами оставилъ меня. Въ досадѣ я вышелъ изъ дома, и когда садился въ сани, то примѣтилъ за угломъ челоѣка: онъ старался скрыть свое лицо. Я взглянулъ быстро и узналъ кавалера.

Я увѣдомилъ обо всемъ князя. Онъ

изумился и, подумавъ нѣсколько, сказалъ: противъ насъ заговоръ; на прошедшей недѣлѣ я самъ видѣлъ кавалера: онъ, завернувъ лицо, стоялъ противу дома барона и, кажется, выжидалъ моего отъѣзда. Надо остерегаться, узнать все подробности. Завтра утромъ приступимъ вмѣстѣ къ барону; ты неоспоримое имѣешь право требовать Лауру, я Лелію; мой отецъ дозволилъ, и больше ничего не нужно. Почтенный баронъ не отдѣляется отъ насъ. Мы оставили тамъ много золота и не выйдемъ бобылями.

Въ назначенное время мы приступили къ барону. Я напомнилъ ему о началѣ знакомства, пожертвованіяхъ моихъ и о точномъ исполненіи воли его. Князь съ своей стороны напоянулъ о многомъ. Мы говорили съ жаромъ, доказывали, и наконецъ баронъ снялъ съ себя личину.

— Князь! съ вами весьма короткое объясненіе. Точно, сначала я не препятствовалъ отыскивать склонность моей дочери, но рѣшительнаго согласія не давалъ; а теперь, по необходимости, прерываю всѣ сношенія съ вами. Подумайте, чѣмъ вы станете жить? Вы проигрались совершенно, заложили все имѣніе и не имѣете возможности выкупить. Вы не увидите больше Леліи и, надѣюсь, оставите домъ мой. Съ вами кончено: теперь обращаюсь къ Антону Ивановичу.

— Я изъявилъ согласіе на бракъ вашъ съ Лаурою, въ надеждѣ, что родство со мною и невѣста перемѣнятъ ваше поведеніе; напротивъ, вышло совсѣмъ другое: вы промотали значительное имѣніе безразсудно, продали лавки, получили только двадцать пять тысячъ, а остальные лопнули. Стряпчій Ловиловъ, покупатель, поручители — без-

дѣльники; они покупку свою передали за наличный капиталъ купцу Четкину и навѣрное объявятъ себя банкротами; вы получите пять копѣекъ съ рубля; а долгъ высокаго покровителя можно записать углемъ на водѣ. Теперь у васъ остается одинъ только домъ и съ небольшимъ десять тысячъ рублей.

— Какая вамъ нужда исчислять подробности и увѣрять въ томъ, чего сами не знаете? Положимъ, пусть это справедливо; домъ мой стоитъ восемьдесятъ тысячъ, у невѣсты на сохраненіи пятьдесятъ, слѣдственно я не нищій, могу содержать жену и семейство. Всѣ ваши обдуманые извороты не даютъ права нарушить слово!

— Въ томъ-то и дѣло, любезный Антонъ Ивановичъ: я никогда не нарушалъ слова, а долженъ озаботиться счастьемъ дочери, предусмотрѣть все, что можетъ случиться. Я хочу лишить васъ возможности заложить послѣднее

имѣніе : перепишите домъ на имя не-
вѣсты — и она чрезъ недѣлю жена
ваша.

— Это лишнее. Лаура, принявъ мою
фамилію, получить и всѣ права на мою
собственность

— Совсѣмъ нѣтъ! Безъ этой осторож-
ности она получить вашу бѣдность и
обратится къ отцу просить о пособіи.

— Никогда жена моя не станетъ
протягивать рукъ , въ особенности къ
вамъ! Но если въ этомъ только заклю-
чается препятствіе , то домъ въ наступа-
ющій день будутъ принадлежать Лау-
рѣ. Теперь я переговорю съ нею.

— Нѣтъ, сударь! вы не можете ее
видѣть , и не выслушавъ отвѣта оста-
вилъ насъ.

Столь низкій поступокъ привелъ ме-
ня въ изумленіе. Я бросился за нимъ,
чтобъ удержать и заставить въ эту же
минуту объясниться; князь схватилъ
меня за руку: Антоній, остановись! ты

испортишь дѣло. Развѣ не видишь, что
баронъ закошенный бездѣльникъ? Онъ
хочетъ послѣднюю твою собственность
прибрать себѣ. Передай домъ Лаурѣ,
и прости съ нею навсегда. Тутъ на-
до выдумать поумнѣе, перехитрить об-
манщика , вырвать невѣсту , и объяс-
ниться съ нимъ безъ околичностей.
Лелія увѣрена , что онъ имѣетъ боль-
шое состояніе въ билетахъ и хо-
четъ отыгаться отъ дѣла на чужія
деньги. Прощай! я зайду къ тебѣ ве-
черомъ.

Весь день необыкновенная скука тя-
готила меня. Я думалъ обо всемъ и ни
на одной мысли не могъ остановиться:
онъ быстро измѣнялись , производили
новыя и исчезали; принимался за книж-
ку, перелистывалъ, бралъ гитару и, сдѣ-
лавъ нѣсколько аккордовъ, клалъ на
мѣсто. Слова барона означала безстыд-
ное коварство и дерзость. Съ новымъ
препятствіемъ невѣста казалась мнѣ

милѣ. Пробило девять часовъ, князь не прѣзжалъ; я приказалъ людямъ никого не впускать, за исключеніемъ товарища, бросился въ постель не съ тѣмъ, чтобъ уснуть, а предаться снова размышленіямъ, и вдругъ услышалъ за дверью произительныя женскія голоса: Пустите насъ, пустите! онъ дома; если нѣтъ, мы запремся и станемъ ждать!

Я вскочилъ, отперъ дверь, и Лиза съ служанкою вбѣжала въ комнату. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ: блѣдное лицо, растрепанныя волосы, испугъ, дикій голосъ привели меня въ трепетъ; дѣвица бросилась въ кресла и не могла говорить.

— Лизанька! что съ тобою случилось? Зачѣмъ пришла сюда? Ты дрожишь отъ страха?

— Да-съ! Она сбросила салопъ.

— Маменька узнала любовь мою къ вамъ, и что я ни за кого не хочу идти замужъ, кромѣ васъ.

— Лиза! что ты сдѣлала? Куда мнѣ скрыть тебя? Отецъ узнаетъ — возьметъ силою.

— Ахъ! нѣтъ! нѣтъ! спрячьте подалѣе, здѣсь много мѣста; маменька не сыщетъ....

— Хорошо, а что далѣе?

— Боже мой! что далѣе? Завтра женитесь на мнѣ и дѣло кончено; не то маменька выцарапаетъ вамъ глаза, разорветъ ротъ....

— Полно, полно, успокойся.

Я задумался и вдругъ услышалъ голосъ князя: Пустите меня, не то вышибу дверь! Мнѣ должно съ нимъ видѣться! — Онъ вошелъ, спальня находилась возлѣ кабинета. Что за чертовщина! продолжалъ князь: здѣсь пусто; гдѣ онъ? А... вотъ фуражка, бекешъ, шуба; дома....

Лиза вздрогнула, Арина залѣзла подъ кровать; я шепнулъ: не бойся, молчи, — и вышелъ изъ спальни.

— Антоній! ты прядешся? и въ какое время? Намъ угрожаетъ несчастіе. Э..... братъ! посмотри на меня? Ты встревоженъ! ... блѣденъ ... Что это значить?

— Ахъ, другъ мой! я въ хлопотахъ! ужасныхъ хлопотахъ!

— Говори скорѣе.

— Нельзя, это тайна..... и.....

— И вѣрно въ этой спальнѣ? — Онъ отперъ дверь, Лиза закричала, Арина служила отголоскомъ барышнѣ.

Изумленный князь посмотрѣлъ на оробѣвшую Лизу. Товарищъ! откуда эта дѣвушка? кто она?

— Ты испугалъ ее! Пойдемъ въ другую комнату, все узнаешь.

Я рассказалъ происшествіе, онъ пожалъ плечами. Шалунъ! шалунъ! что ты напроказилъ? и въ какое время?

— Дѣло не о времени; научи, какъ пособить?

— Напротивъ, время намъ драгоцѣнно; но прежде отвеземъ дѣвушку въ надежное мѣсто. Ты услышишь странную новость; мы потеряемъ невѣсть, если упустимъ время.

— Возможно ли?.....

— Очень; бери жъ свою красавицу; ѣдемъ!

Я старался успокоить Лизу, увѣрилъ, что пришедшій человекъ другъ мой, принимаетъ участіе въ насъ и просилъ скорѣе ѣхать съ нами. Дѣвица противилась, упрашивала оставить у себя, утромъ обвиняться; я доказывалъ о невозможности исполнить это въ столь короткое время и сказалъ, если станемъ мѣшкать, то отецъ и мать прибѣгутъ сюда и тогда будетъ худо. Последнее убѣжденіе имѣло успѣхъ: она схватила салопъ, завернула голову платкомъ и вышла, служанка за нею.

Я посадилъ Лизу съ собою въ сани,

князь взялъ Арину, пустился впередъ, мы за нимъ.

Подъѣхавъ къ модному магазину, князь вышелъ; минутъ черезъ пять возвратился. Антоній! ступай, веди свою Дульценю! — Я взялъ Лизу за руку, товарищъ шелъ впереди; во дворъ у небольшой лѣстницы дѣвушка встрѣтила насъ со свѣчею, привела въ одну чистую комнату. Лиза дрожала отъ страха, Арина подобно куклѣ на пружинахъ двигалась, озиралась какъ сычъ на всѣ стороны — и тутъ пожаловала хозяйка квартиры.

— Вотъ, мадамъ! барышня и служанка: они проведутъ у васъ ночь; завтра пріѣдемъ за ними. Князь шепнулъ мнѣ, я вынулъ изъ бумажника пятьдесятъ рублей и подалъ услужливой мадамъ.

— Цакорна васъ блакатаримъ! Пусть ношуютъ котъ пять ношь, только сдѣ-

лайте, што бѣ все пыль тиха, карошъ; мой шеншинъ шестна, сперекаитъ репутасьонъ. Она подошла къ Лизѣ. Какой карошенькой мадемоазель. Не плашь красавицъ, стесь путить пакойна; савтра месье притетъ за фамъ; прафа! эта прекрасна марьяшъ, мой люпитъ такая.....

Въ домѣ моемъ все было покойно; ожидаемые гости не пожаловали. Князь вынулъ изъ кармана записку, развернулъ и читалъ;

»Отецъ — если можно дать ему это названіе — предалъ меня съ Лаурою на жертву врагамъ вашимъ. Кавалеръ разбогатѣлъ — умершій дядя оставилъ ему большое наследство; онъ увѣдомилъ о томъ барона; далъ честное слово помочь ему въ дѣлѣ и получилъ дозволеніе навѣщать тайно домъ нашъ. Злодѣй воспользовался корыстолюбіемъ отца, очернилъ Антонія, увѣрилъ, что онъ разорился и имѣетъ короткое зна-

комство съ какою-то дѣвушкою. Послѣ васъ пришелъ и кавалеръ, заперся въ кабинетъ съ батюшкою. Я подкралась, услышала часть разговора: онъ настаивалъ, взять у Лауры билетъ и деньги и что отвезетъ ее со мною въ надежное мѣсто, чѣмъ прекратятся посѣщенія ваши, и что одинъ изъ убійцъ, раненый въ саду, проситъ моей руки. Они говорили много, всѣ слова означали предательство. Съ уходомъ кавалера батюшка бросился къ сестрѣ, требовалъ билета и денегъ. Къ счастью я успѣла предупредить и спрятать предполагаемую имъ добычу. Лаура отвѣчала смѣло, что собственность Антонія возвратила ему. Баронъ пришелъ въ необыкновенный гнѣвъ, угрожалъ сестрѣ всемъ, что только могъ придумать, и заперъ въ особую комнату. Я оставлена на свободѣ и вмѣстѣ въ неволѣ; людямъ приказано смотрѣть за нами; однако жъ я нашла средство двоихъ

склонить на свою сторону и достала ключъ отъ запертой двери къ освобожденію сестры. Теперь вамъ все извѣстно! Если ты и Антоній любите насъ, то спасайте несчастныхъ; завтра въ 9 часовъ вечера приготовьте лошадей, везите куда угодно: мы вручаемъ вамъ судьбу жизни, въ увѣренности, что ваши сердца и долгъ чести скажутъ: теперь настало время то и другое выручать.»

— И такое предательство можетъ существовать въ мірѣ! вскричалъ я въ изступленіи. Меня ограбить, отнять Лауру или, вѣрнѣе, продать презрительному шпиону, убійцѣ! Этой выдумки и самъ адъ позавидуетъ!... Нѣтъ, почтенный баронъ! нѣтъ! этому.....

— Зачѣмъ горячиться? Старый плутъ не стоитъ мщенія; застывающая въ немъ кровь обратилась въ ядовитую матерію! Онъ скоро погибнетъ; кавалеръ солгалъ о наслѣдствѣ и не имѣ-

еть возможности помочь ему — онъ извѣстенъ всѣмъ : и пособіе негодя послужить только ко вреду ; онъ рѣшился похитить дѣвицъ, украсть твои деньги и, въ случаѣ неудачи, всю вину обратить на барона. Теперь оставимъ до времени бездѣльниковъ и приступимъ къ главному. Я получилъ дозволеніе на бракъ съ Лелією, ты возмешь отъ своего начальства ; въ 9 часовъ вечера мы увеземъ дѣвицъ и прямо въ церковь : ты знаешь, окликъ сдѣланъ, насъ обвинчаютъ безъ затрудненія. Я привезу двухъ свидѣтелей, ты сдѣлай то же : вели заложить въ парныя сани рысака съ надежной пристяжной, возьми на случай вѣрныхъ людей. Съ этимъ распоряженіемъ мигомъ ускоримъ, привеземъ женъ домой, а на другой день порадуемъ барона, что удачно пристроилъ дочерей.

— Прекрасно, другъ мой ! Завтра всѣ наши желанія свершатся. Одна-

ко жъ подумаемъ, что дѣлать съ Лизою?

— А вотъ: утромъ ты не ѣзди къ ней ; у меня есть одинъ знакомецъ, большой чудакъ : онъ имѣетъ страсть услуживать всѣмъ, особенно въ сердечныхъ дѣлахъ : я дамъ ему записку къ Лизѣ, что ты посылаешь за мѣсто себя друга, а самъ хлопчешь о приготовленіи къ браку. Эта записка можетъ пригодиться на случай ; рука не твоя, барышня и служанка такъ глупы, что вѣрно не замѣтили дома, въ который привезены ; повѣрять проказнику, тотъ въ сумерки отвезетъ ихъ къ себѣ, вечеромъ мы обвинчаемся и подумаемъ какъ Лизу отправить къ отцу. Теперь все улажено, осталось только заботиться объ успѣхѣ. Барону не придетъ въ голову, что приготовленъ ему праздникъ, на которомъ онъ займетъ значительную ролю.

Поступокъ барона казался мнѣ столь низокъ , что едва заслуживалъ вѣроятія ; Лиза приводила въ жалость. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей ; а Саша ? несчастная Саша , гдѣ ты ? Перенесла ли измѣну мою , или преждевременная смерть истребила прекрасное существо твое ? Оставь меня , ужасная мысль.... не смущай въ минуты счастья ! Лаура замѣнить потерю , образуетъ новую жизнь , научить искать счастье въ семейномъ кругу , искать счастье въ добродѣтели. Такъ думалъ я , и какое-то предчувствіе шептало : мечтатель!... близится роковая минута жизни твоей!

Я послалъ за Лестовымъ и другимъ товарищемъ ; они съ охотою согласились раздѣлить опасность со мною ; утромъ получилъ дозволеніе на бракъ , приступилъ къ распоряженію ; осмотрѣлъ лошадей , сани , приказалъ двумъ

надежнымъ служителямъ слѣдовать за мною и приготовить наемную пару для товарищей. Въ 8-мъ часу надѣлъ мундиръ , взялъ шпагу и ожидалъ князя ; онъ не замѣшкался , пріѣхалъ съ двумя пріятелями. Мы для смѣлости выпили по нѣсколько стакановъ шампанскаго , и всемъ поѣздомъ пустились къ назначенному мѣсту.

Не доѣзжая къ дому барона остановились , просили товарищей ожидать , подошли къ калиткѣ и прислонились къ забору. Прошло нѣсколько минутъ и князь замѣтилъ , что изъ ближняго переулка какой-то человекъ осторожно вышелъ и смотрѣлъ на домъ барона. Это подозрительно ! шепнулъ товарищъ : прижмемся плотнѣе къ забору.

Вотъ пробило и 9 часовъ ; въ домѣ казалось все тихо , огни затушены и ночной фонарь не освѣщалъ дворъ (чего прежде не случалось) и вдругъ услышали шорохъ. Сильно забилося во мнѣ

сердце; я подошелъ къ калиткѣ, замѣтилъ двухъ женщинъ; онѣ приближались. Князь! идутъ; прикажи подѣхать....

— Постой! можно ошибиться; сани близко отсюда. Шаги по хрупкому снѣгу стали слышнѣе... и Лаура съ сестрою вышли на улицу. — Антоній! князь! гдѣ вы? произнесли робко дѣвицы. — Здѣсь! здѣсь! отвѣчалъ товарищъ и побѣжалъ за санями.

— Лаура! Лелія! пойдѣмъ въ эту сторону, тамъ друзья наши!

— Ахъ! побѣжимъ! здѣсь страшно.... мы замѣтили изъ окна людей въ переулкѣ; пойдѣмъ! и... съ этими словами нѣсколько человекъ подбѣжали къ намъ. — Держите женщинъ! раздался голосъ: я узналъ кавалера.

Четверо схватили дѣвицъ; тѣ произнесли крикъ и старались вырваться изъ рукъ хищниковъ; я бросился къ

нимъ и закричалъ: Прочь, бездѣльники! я переколю васъ за дерзость!

— А! наконецъ ты мой! теперь не уйдешь! сказалъ кавалеръ. Держите женщинъ! повторилъ онъ людямъ, а съ нимъ мы раздѣлаемся! — Эй другъ! давай! уходимъ негодяя! — Тутъ онъ и товарищъ кинулись на меня съ обнаженными шпагами. Я сбросилъ шубу, встрѣтилъ смѣло убійцъ и сталъ защищаться. Въ эту минуту подбѣжали князь, Лестовъ, а за ними и остальные съ экипажемъ.

Я прислонился къ забору, отбивалъ удары, товарищъ устремился на сообщника кавалера. Мы начали жестокой бой, а Лестовъ съ людьми выручилъ дѣвицъ: наемные бездѣльники не смѣли защищаться и разбѣжались. Мы дрались долго; противникъ князя упалъ: кавалеръ, увидѣвъ, что остался одинъ, началъ отступать къ калиткѣ (конечно, съ намѣреніемъ бѣжать). Лестовъ за-

мѣтилъ, сталъ у входа и сказалъ: Продолжай! мы не вмѣшаемся въ дѣло, хотя имѣемъ полное право исколотъ тебя какъ бандита! — Соперникъ, увидѣвъ невозможность уйти, бросился ко мнѣ съ отчаяніемъ. Антоній! повторялъ князь: не щади убійцу! Баронъ усиливается отнять невѣсть нашихъ. Услышавъ о новой опасности, я удвоилъ силы; соперникъ не успѣвалъ отбивать удары и, проколотый, упалъ на снѣгъ; кровь хлынула изъ раны; онъ не произнесъ ни слова....

При началъ роковой сшибки баронъ выбѣжалъ съ людьми, выхватилъ Лауру, тащилъ въ комнаты; товарищи наши заслонили ему дорогу и старались освободить дѣвицу.

Съ пораженіемъ кавалера князь повторялъ: дѣло кончено! беремъ невѣсть и скачемъ!

— Стойте! кричалъ баронъ: стойте! Не смѣйте прикасаться къ моимъ дочерямъ!

Не теряя времени, мы бросились къ людямъ барона, грозили всѣхъ переколотъ, если не оставятъ дѣвицъ; тѣ съ робостію отступили. Я поднялъ безчувственную Лауру, баронъ подбѣжалъ ко мнѣ. Прочь! закричалъ Лестовъ: прочь, старый разбойникъ! Посмотри... (онъ указалъ на кавалера съ товарищемъ), посмотри на жертвы свои! ограничься ими и не губи дочерей своихъ!

— Ъдемъ! повторялъ князь. Я вижу вдали народъ, онъ скоро соберется сюда; насъ замѣтятъ.

Я взялъ Лауру въ сани, оправилъ на ней салопъ и держалъ; князь Лелію, товарищи заняли свои мѣста, и мы пустились. Отѣхавъ далеко, князь остановился.

— Антоній! что мы станемъ дѣлать? Лелія безъ чувствъ!

— Лаура то же! отвѣчалъ я.

— Надо привести ихъ въ память, оправить платье, волосы...осмотрѣть, нѣтъ ли на насъ крови... Куда намъ завернуть?

— Ко мнѣ! ко мнѣ! сказалъ Лестовъ: моя квартира недалеко — и по дорогѣ.

Мы согласились, пріѣхали къ воротамъ дома; дурная погода, снѣгъ и вѣтеръ намъ способствовали; прохожихъ случилось мало. Дѣвицы непримѣтно внесены въ комнаты. Мать и сестра товарища въ испугъ встрѣтили гостей. Узнавъ о необыкновенномъ случаѣ, принялись помогать оледенѣвшимъ отъ холода и страха бѣглянкамъ. Я съ княземъ вышелъ въ комнату Лестова, мы осмотрѣли одежду — крови на себѣ не нашли, а только на шпагахъ. Заботами хозяекъ дѣвицы оправились. Товарищъ повторялъ: должно торопиться, десятый часъ въ половинѣ. Мы пустились въ церковь. Священникъ ожи-

далъ; дѣвицы дрожали; блѣдныя, безмолвныя, болѣе походили на мертвецовъ, чѣмъ на невѣсты. Народу собралось довольно; всѣ съ удивленіемъ смотрѣли и конечно многіе догадались, что свадьба скрытная и невѣсты краденныя.

Сильно забилося у меня сердце, когда произнесъ клятву въ вѣчной любви и вѣрности; какой-то таинственный голосъ отзывался въ душѣ моей, что кратковременное счастье скоро разрушится слезами.

Мы взяли новобрачныхъ за руки, повели къ санямъ, уговорились ѣхать къ Лестову и посоветоваться о наступающемъ днѣ. Это не бездѣлица, началъ князь: должно подумать о послѣдствіяхъ. Кавалеръ упалъ, не произнесъ ни слова: вѣрно получилъ сильную рану; мой соперникъ стоналъ, только я увѣренъ, что нанесъ ему тоже сильный ударъ. Теперь они взяты; если могли

отвѣчать, то спрошены; баронъ, можно побожиться, станетъ увѣрять въ неизвѣстности происшествія; а если откроетъ имена наши, то утромъ или ночью пожалуютъ къ намъ гости и потребуютъ къ отвѣту. Надо внушить людямъ, что имъ говорить; иначе можемъ разбиться въ отвѣтахъ и въ правомъ дѣлѣ навлечь подозрѣніе. Мы позвали служителей, настроили какъ отвѣчать и увѣрять, что насъ поняли, спѣшили отправиться по домамъ. Восклицаніе Лауры насъ остановило.

— Ахъ, Боже мой! ридикюль съ деньгами и билетомъ пропалъ!

— Можетъ статья, ты выронила въ саняхъ?...

— О, нѣтъ! нѣтъ! когда вы бились и насъ выручали изъ рукъ хищниковъ, то прибѣжалъ батюшка, бросился прямо ко мнѣ, спросилъ, гдѣ деньги? Я въ испугъ показала ему ридикюль, онъ выхватилъ изъ моихъ рукъ и по-

ложилъ къ себѣ за пазуху; тутъ я лишилась чувствъ и что послѣ происходило — не знаю. Лаура залилась слезами: Боже мой! какъ я несчастна! Съ первымъ шагомъ въ домъ мужа, приношу печаль и разореніе! Я старался успокоить ее, увѣрять, что никогда не вспомню о потерѣ.

— Полноте сестрица плакать! сказалъ князь: это вздоръ; деньги конечно пропали, а билетъ вы получите; другъ нашъ Лестовъ утромъ явится первый въ банкъ, объявить о пропажѣ, покажетъ нумеръ, и кто придетъ съ нимъ, тотъ будетъ задержанъ.

Лаура встала съ мѣста. Хорошо! кто придетъ, того задержать, спросятъ; онъ скажетъ, что получилъ билетъ отъ барона, и я должна вооружиться противъ отца? Это ужасно! — Она бросилась къ сестрѣ, онъ объ проливали слезы душевной скорби и со слезами простились. Лестовъ поѣхалъ съ нами. Мы скоро

очутились въ домѣ. Прелестная супруга вошла въ свои комнаты; небольшой ужинъ стоялъ на готовѣ, прислуга съ удивленіемъ посматривала на госпожу свою — имъ казалось страннымъ, что одну дѣвицу я наканунѣ отвезъ и возвратился съ женою. Я не забылъ совѣты свояка, приказалъ какъ отвѣчать незваннымъ гостямъ, если они станутъ ломиться въ комнаты. Лестовъ взялъ нумеръ билета и простился съ нами.

Прелестная Лаура ожидала меня въ спальнѣ. Я забылъ ужасное происшествіе, забылъ весь міръ, и въ объятіяхъ милой жены наслаждался счастіемъ своимъ! передавалъ ей мысли, восторги, надежды; она отвѣчала ласкамъ и со вздохомъ произнесла: такъ! мы счастливы; но долго ль это продолжится? Мы не избежимъ отвѣта; насъ могутъ разлучить.

— Никогда! никогда! пока дышу,

не разстанусь съ тобою; одна смерть разлучить насъ!

Въ восемь часовъ раздались многіе голоса и шумъ. Лаура спала крѣпко; я всталъ, тихонько вышелъ въ гостиную, подошелъ къ двери и услышалъ крикъ зрителя съ женою; они требовали впустить ихъ немедленно ко мнѣ; камердинеръ и вся дворня увѣряла, что я уѣхалъ далеко по важному порученію отъ начальства и чрезъ нѣдѣлю возвращусь. Спросите, говорилъ мальчикъ, дворника и сосѣдей: они видѣли, какъ товарищи провожали барина. Смотритель, оставивъ жену, пошелъ за справками, скоро возвратился и сказалъ: онъ точно уѣхалъ, и вѣрно увезъ съ собою Лизу? Пойдемъ домой, подумаемъ, что дѣлать.

Я возвратился къ женѣ, она проснулась. Мы условились весь день оставаться дома и, въ случаѣ нужды, черной лѣстницей пройти въ садъ, а за

калиткою имѣть наготовѣ парныя сани. Все утро мы провели въ страхъ и ожиданіи. Я замѣтилъ, что Лаура, скрывая свою робость, усиливалась меня ободрить; ласки ея не могли заставить забыть о настоящемъ положеніи. Лиза угрожала новой отвѣтственностію и первые дни брака Лаура могла обратиться въ дни горести и раскаянія, что повѣрила мнѣ судьбу жизни своей.

Въ три часа человекъ доложилъ о пріѣздѣ Лестова. Мы вскрикнули отъ радости, и бросились на встрѣчу къ нему.

— Другъ мой! что слышно о нашемъ дѣлѣ?

— Много! очень много! — Всѣ въ городъ толкуютъ объ немъ; слухи какъ будто летятъ изъ дома въ домъ и составили необыкновенное происшествіе. Многіе увѣряютъ, что десять человекъ изранены и переколоты, убійцы скрылись за городъ, и....

— Баронъ, вѣрно, открылъ насъ?

— Совсѣмъ нѣтъ! онъ поступилъ слишкомъ осторожно. Слушайте и не перебивайте:

— Почти съ разсвѣтомъ я пріѣхалъ въ банкъ, объявилъ о пропажѣ и подаль номеръ; въ десять часовъ явился какой-то иностранецъ съ билетомъ и бланковою надписью, его задержали, отвели въ присутствіе, спросили, отъ кого полученъ билетъ? Онъ наименовалъ барона Тернеза. Мнѣ велѣли подать прошеніе по формѣ, а иностранецъ посланъ съ чиновникомъ въ полицію. Я послѣдовалъ за ними, сталъ ожидать прібытія твоего тестя; онъ не замѣшкаться и на вопросы отвѣчалъ спокойно: что билетъ принадлежитъ Лаурѣ и по случаю брака съ чиновникомъ Судьбинымъ, она просила размѣнять; а бланкъ сдѣланъ самимъ женихомъ. Это конечно; теперь слушайте: Только мы ус-

пѣли уѣхать, какъ собралось множество народа; полиція приступила къ розыску; кавалера нашли безъ чувствъ; онъ и товарищъ его докторами перенесены въ домъ барона; сдѣлавъ перевязку, объявили, что рана весьма опасна и больной не долженъ говорить, а въ противномъ случаѣ не отвѣчаютъ за жизнь. Это послужило къ вашей пользѣ; раненый остался не спрошенъ и до времени точная причина неизвѣстна. Баронъ отвѣчалъ смѣло, что о происшествіи неизвѣстенъ; на шумъ за воротами дома не выходилъ, а про увозъ дочерей не упомянулъ ни слова; люди показали согласно съ господиномъ; — онъ такъ отвѣчалъ осторожно, такіе ставилъ промежутки, что при надобности можетъ дополнить слова свои. Онъ принимаетъ все возможное участіе въ раненомъ, не отходитъ прочь отъ постели и, разумѣется, не безъ умысла,

а въ надеждѣ, что больной умретъ или, получивъ возможность отвѣчать, скроетъ общее ихъ преступленіе.

— И тогда мы останемся безопасны?...

— Нѣтъ! это не поможетъ: узнаютъ о побѣгѣ дочерей, узнаютъ о женитьбѣ, разочтутъ время и часы, въ которые пріѣхали къ вѣнцу; сомнѣніе обратится на васъ; но теперь нельзя сказать рѣшительно, по дождемъ отвѣта или смерти товарища кавалера. Вотъ вамъ самое вѣрное извѣстіе; вечеромъ постараюсь узнать, что произошло послѣ и въ ту же минуту прискачу съ отвѣтомъ.

Едва Лестовъ окончилъ рассказъ, какъ отворилась дверь, Лаура вскрикнула: сестра! и Доротея очутилась предъ нами. Она обняла Лауру, привѣтствовала меня и начала говорить: батюшка извѣстенъ о бракѣ, весьма доволенъ имъ и прислалъ вамъ прощенье.

— Прощенье? за что?

— Вы увезли Лауру, князь Лелію, обвинялись тайно!

— Это произошло отъ необходимости. Лелія слышала разговоръ барона съ кавалеромъ и мы вырвали невѣсть нашихъ изъ рукъ похитителей.

— Я спѣшила сюда увѣдомить о многомъ; здѣсь сторонній человѣкъ....и....

— Это нашъ другъ, говорите при немъ смѣло, онъ знаетъ всѣ подробности и первый вырвалъ Лауру изъ рукъ хищниковъ.

— Нѣтъ, Антоній! во всякомъ случаѣ между родственниками сторонній становится лишнимъ. Прощай! Вечеромъ увидимся. — Лестовъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ.

— Сестрица! теперь мы одни; продолжайте.

— Батюшка велѣлъ вамъ сказать, что настало время примириться, забыть о

прошедшемъ и подумать, какъ избавиться отъ послѣдствій. Билетъ и деньги онъ точно взялъ отъ сестры, а зачѣмъ — скажетъ самъ; вы должны, если спросить, отвѣчать, что документъ подарили невѣсть съ бланковою подписью.

— Прекрасно! мнѣ лгать на себя и жену?

— Выслушайте: это необходимо, чтобъ скрыть вчерашній случай; раненый находится въ полной волѣ барона, онъ навѣрное скажетъ по его желанію и начнетъ тѣмъ, что вечеромъ у воротъ дома внезапно напали на него и кавалера нѣсколько не извѣстныхъ человѣкъ, товарища и его ранили, обобрали вещи и деньги; васъ никто изъ стороннихъ не видалъ, и такъ самый важный случай останется скрытъ.

— Очень хорошо; а какъ же утаить нашъ бракъ? Въ церковь собралось до-

вольно людей, многіе догадались, что невѣсты увезены; молва разнесется, дойдетъ къ слѣдователямъ; разочтутъ время и часы, когда мы пріѣхали вънчаться.

— Все придумано: батюшка скажетъ, что за два дня отпустилъ дочерей гостить къ теткѣ, ей поручилъ отправить къ вънцу, а самъ по болѣзни не могъ при томъ находиться.

— А если люди обнаружатъ противное?

— Они приготовлены къ отвѣтамъ; что случилось во дворѣ и за воротами, не скажутъ ни слова; вчера на вопросы они отозвались, что не слышали шума и не выходили изъ дома. Я вамъ передала мысли батюшки, продолжала Доротея: они означаютъ только осторожность на непредвидимый случай; а если раненый умретъ, то и распоряженія останутся не нужны, что ему отвѣчать.....

— Я увижусь съ княземъ, посоветуюсь; намъ должно согласиться и дѣйствовать взаимно. Потрудитесь пожаловать вечеромъ; забудьте привести деньги — они принадлежатъ Лаурѣ, теперь необходимы намъ, и тогда получите отвѣтъ.

— Какое условіе! Баронъ скоро навѣститъ домъ вашъ и доставитъ деньги.

Лаура удерживала сестру объдать, та отговорила, что должна спѣшить съ отвѣтомъ, и родныя сестры простились весьма холодно.

Мы замѣтили скрытность въ Доротей, новое коварство, и поспѣшили къ князю. Тутъ свиданіе означилось родственной любовью и откровенностію. Я рассказалъ о странномъ посѣщеніи сестры и намѣреніяхъ барона. — Нѣтъ, братецъ, на то нельзя рѣшиться! отвѣчалъ товарищъ. Положимъ: соперникъ мой умретъ безъ спроса, а тайны все не унесетъ во гробъ съ собою — молва

въ городъ обратитъ вниманіе слѣдователей къ нашему браку, примутся за людей и насъ обнаружатъ. Въ захватъ билета и денегъ ты можешь согласиться съ барономъ, а на счетъ кавалера остерегись: должно спасать себя и женъ, а не человека, который искалъ намъ гибели, смерти и вовлекъ въ ответственность. — Тутъ князь подалъ мнѣ знакъ, я догадался, вышелъ съ нимъ въ другую комнату. Теперь, другъ мой, поговоримъ объ Лизѣ. Знакомецъ мой распорядился удачно: въ десять часовъ вечера привезъ дѣвушку въ закрытомъ возкѣ въ свою квартиру, въ потьмахъ ввелъ въ комнату, никуда не выпускалъ; бѣглянки не знаютъ, гдѣ и въ какихъ домахъ они скрывались. Этимъ вечеромъ въ подобномъ экипажѣ онъ завезетъ ихъ въ кондитерскую, уверить, что ты пріѣдешь за ними, непримѣтно выйдетъ и запискою уведомить отца, чтобъ поспѣшилъ взять

дочь. Вотъ мои успѣхи! Теперь хлопочи самъ, помирись съ родителями, иначе можетъ возникнуть новое дѣло и столкнуться съ начатымъ.

Лелія въ свою очередь рассказала сестрѣ, что отецъ князя весьма огорчился, узнавъ о бракѣ и послѣдствіяхъ; онъ позволилъ сыну жениться, только не скрытно, но убѣжденный просьбами сына, ея слезами, простилъ ихъ.

Въ слѣдующій день мы ничего не слышали объ дѣлѣ, а на третій поздно вечеромъ вбѣжалъ къ намъ встревоженный Лестовъ и сказалъ: я принесъ непріятное и вмѣстѣ полезное извѣстіе:

— Въ сумерки услышали стонъ и крикъ въ комнатѣ раненаго; докторъ находился въ другой, поспѣшилъ къ нему, страдалецъ сидѣлъ на постелѣ и съ ужасомъ произносилъ: »Спасите меня отъ убійцы! Почувствовавъ облегченіе, я уснулъ и вдругъ какой-то человекъ малаго роста, въ маскѣ, началъ

раздвигать перевязку; я проснулся, при свѣтѣ лампы замѣтилъ у него пузырь рекъ, онъ готовился влить жидкость въ мою рану. Я схватилъ руку незнакомца, закричалъ, онъ испугался, выронилъ склянку и убѣжалъ. Вотъ она! посмотрите! « — Медикъ поднялъ съ полу маленькій стеклянный сосудъ и нашелъ въ немъ ядъ, перевязалъ снова несчастливца, увѣдомилъ о томъ слѣдователей; тѣ собрались немедленно. Раненый произнесъ твердымъ голосомъ: Теперь ничто не заставитъ меня молчать; чувствую, послѣднее предательство барона стоитъ мнѣ жизни; употребимъ ее на доброе дѣло и раскаяніе. Пошли-те скорѣй за княземъ и Судьбинымъ; я при нихъ открою важную тайну, очищу мою совѣсть и безъ ропота покорюсь моей участи. Прикажите смотрѣть за барономъ.

— Эти слова я слышалъ отъ доктора, извѣстилъ князя, поспѣшилъ

къ вамъ. Теперь сообразись съ доносомъ умирающаго, не щади изверга, спасай себя и Лауру. Прощай, Антоній! прощай, другъ мой! будь твердъ, не унывай, ставь меня и другихъ въ свидѣтели.

Едва Лестовъ вышелъ и полицейскій майоръ очутился въ домъ: Антонъ Ивановичъ! одѣвайтесь! Ёдемте со мною!

— Куда и зачѣмъ?

— Послѣ узнаете! Ёдемъ; минуты для васъ драгоцѣнны.

Приготовленная къ тому Лаура безъ робости одѣлась и сказала: Я ѣду съ мужемъ. Черезъ полчаса мы находились въ домъ тестя, своякъ съ женою были уже тамъ; насъ ввели въ комнату раненаго, онъ обратилъ къ намъ томные взоры и началъ говорить:

»Въ эту минуту вышелъ отъ меня священникъ; я раскаялся въ дѣлахъ моихъ, душевно примирился съ врагами, готовлюсь предстать къ суду не-

бесному и предъ страшной этой минутой открываю тайну: она послужитъ къ пользѣ вашей и успокоитъ мою совѣсть.

»Кавалеръ искалъ любви Лауры, Судьбинъ получилъ преимущество. Въ одну ночь злодѣй уговорилъ меня съ другимъ пріятелемъ похитить дѣвицу — это случилось въ саду — и вышла ошибка: мы Лелію сочли за Лауру, втроемъ устремились лишить князя жизни; Антоній выручилъ пріятеля, ранилъ кавалера и меня. Съ тѣхъ поръ мщеніе поселилось въ немъ; онъ искалъ погибели соперника, рѣшился на доносъ, не получилъ успѣха, и прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ — вкрался снова въ довѣренность барона, узналъ о согласіи на бракъ дочерей, увеличилъ домогательства, уговорилъ отца выманить у Лауры билетъ и деньги, дѣвицъ отдать ему; увѣрилъ, что женится на младшей, а я на Леліи. Въ самый день

условія узналъ, что соперники получили позволенія жениться, чрезъ лазутчика вывѣдалъ въ домъ князя и Судьбина, въ какой церквѣ и въ какое время назначенъ свершиться бракъ. Съ этимъ открытіемъ поспѣшилъ къ барону: коварный старикъ далъ слово схватить дѣвицъ, когда они выйдутъ за ворота, въ надеждѣ, что Лаура билетъ и деньги имѣла еще при себѣ. Окончивъ съ предателемъ родныхъ дѣтей, онъ увѣдомилъ меня, что настало время истребить Антонія, князя, воспользоваться дѣвицами, значительною суммою и обмануть Тернеза; пріискалъ двухъ убійцъ и четырехъ человекъ, чтобъ увезти невѣсть вашихъ въ приготовленное мѣсто. Мы собрались въ переулкъ, ожидали своей жертвы, и когда дѣвицы вышли за ворота, а князь побѣжалъ за санями, то бросились съ наемщиками на Судьбина; но высшее правосудіе опредѣлило иначе: двое

убійцъ, увидѣвъ множество людей, убѣжали; кавалеръ упалъ, а я раненъ смертельно.

» Слова мои о несчастномъ случаѣ открываютъ, что я съ кавалеромъ готовились свершить злодѣяніе по внушенію барона, а соперники защищали жизнь свою. Теперь осталось докончить: меня принесли въ эту комнату; баронъ не отходилъ отъ постели и когда оставался одинъ со мною, то просилъ сложить убійство на неизвѣстныхъ людей, увѣрялъ, что дочерей взялъ изъ дому Судьбина, отвезъ къ теткѣ, оставилъ на мою волю вступить въ бракъ съ Лелією, или Лаурою — и двадцать пять тысячъ рублей въ приданое. Чувствуя приближеніе смерти, въ послѣдніе часы несчастной моей жизни я не соглашался; это, безъ сомнѣнія, послужило ему поводомъ желать моей смерти. Я кончилъ, и еще повторяю: князь и Антоній не винов-

ны.» Тутъ онъ обратилъ къ намъ потусклые глаза свои и продолжалъ ослабѣвающимъ голосомъ: »Простите меня... не проклиняйте памяти... отпустите безъ злобы въ путь, ужасный преступникамъ.»

Мы содрогались, слушая слова умирающаго, невольно пролили слезы сожалѣнія и благодарности къ непостижимому Промыслу. Онъ вразумилъ чловѣка, привелъ къ раскаянію и облегчилъ участь нашу.

— Господа, что вы на это скажете? спросилъ одинъ изъ слѣдователей.

— Умирающій сказалъ точную правду; мы защищали жизнь свою, а что прежде и послѣ происходило — не знаемъ, отвѣчалъ князь.

— И вы можете уличить въ томъ барона?

— По необходимости, въ защиту себя и женъ нашихъ!

— Какъ, женъ? развѣ вы обвѣнчались? Баронъ не упоминалъ о томъ.

— Изъ словъ несчастливца видно, что онъ думалъ обмануть его и заставить отвѣчать по своему желанію.

— Это новое и важное обстоятельство! Вы оба на службѣ, мы отправимъ васъ къ начальству и попросимъ завтра прислать сюда; а вы, милостивыя государыни (онъ оборотился къ сестрамъ), можете ѣхать домой; васъ пригласятъ въ другое время.

— Я ѣду съ мужемъ, отвѣчала Лелія.

— И я! повторила Лаура: мы клялись имъ вѣчной любовью, вѣрностію, и такъ радости и горести должны переносить вмѣстѣ.

— Похвальная приверженность! и состоятъ въ полной вашей волѣ; помедлите нѣсколько. Онъ написалъ двѣ бумаги, запечаталъ, одну отдалъ маіору, а другую какому-то чиновни-

ку; первый отправился со мною въ канцелярію, а второй повезъ князя къ его полковнику.

Въ 12 часовъ по полуночи начальникъ готовился почивать и чрезвычайно изумился позднему нашему прибытію; взялъ секретный конвертъ, распечаталъ и, прочитавъ, съ изумленіемъ сказалъ:

— Антонъ Ивановичъ и князь надѣлали проказъ, ранили двухъ человѣкъ, увезли дѣвицъ. Это удивительно, почти невѣроятно и слишкомъ огорчаетъ меня! — Онъ пристально посмотрѣлъ на Лауру и продолжалъ: Сударыня! въ первые дни брака вы слишкомъ несчастливы!

— Я не ропщу на судьбу свою, отвѣчала жена: участь мужа нераздѣльна съ моею.

— Позовите секретаря! онъ еще въ канцеляріи. — Тотъ немедленно пришелъ, узналъ о случаѣ — и не менѣе начальника удивился. Послѣдній про-

должалъ: весьма сожалью о несчастіи вашемъ, всѣми силами постараюсь защитить, а теперь подумаемъ, что съ вами дѣлать? Вы арестантъ и должны оставаться при канцеляріи; отпустите супругу домой.

— Нѣтъ! я останусь съ нимъ.

— Сударыня, это невозможно!

— Напротивъ, это добрая моя воля; отвѣтственность я должна раздѣлить съ нимъ!

Начальникъ пожавъ плечами, вышелъ съ секретаремъ въ кабинетъ и минутъ черезъ десять возвратился: Сударыня! я отпускаю мужа вашего домой съ тѣмъ, чтобъ завтра утромъ въ восемь часовъ явился сюда.

Секретарь проводилъ насъ до экипажа, увѣрялъ, что начальникъ принимаетъ въ насъ живое участіе и поможетъ.

Мы возвратились, довольные началомъ, думали, что и конецъ послужить въ нашу пользу, — а только без-

покоились, что должны уличать барона.

Въ шесть часовъ утра постучались къ намъ въ двери; я всталъ и мальчикъ шепнулъ: Пожалуйста, сударь, скорѣе: васъ спрашиваютъ. — Лаура встревожилась; я просилъ ее успокоиться, не выходить изъ спальни, поспѣшилъ въ залъ — и встрѣтилъ весьма непріятное лицо.

Смотритель съ гнѣвомъ расхаживалъ по комнатѣ, знаками изъявлялъ нетерпѣніе, тростью стучалъ въ полъ и, увидѣвъ меня, началъ: Автонъ Ивановичъ! вы долго заставили себя ждать; негодяи слуги не хотѣли обо мнѣ доложить.

— Они правы — еще рано; я спалъ.

— И вы можете спать спокойно? Совѣсть не тревожитъ васъ?

— Что это значить?

— Самая малость! За мое къ вамъ усердіе, услуги, хлѣбъ-соль, вы свели

съ ума дѣвицу, дали письменное слово жениться, увезли изъ дому, державъ въ скрытномъ мѣстѣ — въ заперти, обвѣнчались съ другою! Что вы на это скажете?

Необходимость заставила меня прибѣгнуть къ изворотливымъ отвѣтамъ. — Петръ Васильевичъ! это странный вопросъ: что мнѣ отвѣчать? Скажите, какую дѣвицу я увезъ? и....

— А! вы думаете увернуться? Нѣтъ, сударь! я чиновникъ, извѣстенъ начальству и чести своей дешево не продамъ!

— Разумѣется, не все торгуютъ ею!

— Еще вамъ повторяю: вы обманули дочь мою, увезли и женились на другой!

— Полноте шутить! Лизавету Петровну я не увозилъ, а женился на дочери барона Тернеза, въ чемъ никто препятствовать не могъ.

— Я, сударь! я имѣлъ полное право, и теперь въ моей волѣ расторгнуть

бракъ! Мнѣ извѣстно, что вы съ товарищемъ ранили двухъ человекъ, одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ, находитесь подъ судомъ, стоитъ подать прошеніе... и.... послѣднія слова онъ произнесъ съ крикомъ.

— Если вамъ угодно, чтобъ я слушалъ, то говорите тише; жена моя можетъ услышать, испугаться....

— Я стану кричать! кричать во все горло! Пусть она проснется и услышитъ о низкомъ вашемъ поступкѣ....

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу оставить домъ мой....

— Мнѣ оставить домъ, гдѣ дочь моя.... Нѣтъ! я останусь здѣсь, приглашу полицію, покажу мѣсто, гдѣ вы скрывали дѣвицу; васъ допросятъ.... вы скажете, въ какихъ домахъ она проводила двѣ ночи.

— На что жъ меня спрашивать? Если увѣрила дочь, что увезена мною,

то навѣрное знаетъ куда, и въ какихъ мѣстахъ ночевала. Спросите ее.

Съ отвѣтомъ моимъ смотритель замолчалъ; я воспользовался тѣмъ: Послушайте, сударь! зачѣмъ шумѣть и горячиться? Садитесь, мы здѣсь одни, станемъ говорить откровенно: дочери вашей я не увозилъ, не давалъ ей слова жениться и никто доказать о томъ не можетъ.

— А мы представимъ доказательства самыя удовлетворительныя, напримеръ письмо руки вашей.... да объ этомъ поговоримъ послѣ; а теперь извольте исполнить мое требованіе.

— Какое?

— Немедленно пріѣхать ко мнѣ, признаться во всемъ, дать обязательство расторгнуть первый бракъ, жениться на моей дочери, или.....

— Или.... назначить ей приданое? Теперь скажу на отрѣзъ: къ вамъ я не поѣду, признаваться не въ чемъ, и

имѣвъ жену, нельзя жениться на другой; а если дочь ваша сказала что нибудь излишнее и шутки мои выставила въ дурномъ видѣ, чтобъ поступокъ свой своротить на меня, то въ такомъ случаѣ, собственно изъ уваженія къ вамъ, я готовъ сдѣлать пожертвованіе: пріищите жениха, я дамъ приданое.

— А велико ль это приданое? и въ чемъ состоитъ?

— Въ томъ, что могу дать не разстроивъ себя.

— То есть, бросите какую нибудь малость? Нѣтъ! это совсѣмъ не то: выйдетъ ли дочь моя замужъ — еще неизвѣстно. Вы должны обеспечить всю жизнь ея, или.... да что терять слова напрасно! ѣдьте; въ моей квартирѣ условимся, не то.....

— Можете дѣлать все, что вамъ угодно. Извините, я спѣшу въ канцелярію; мы еще найдемъ время перегово-

ворить и окончить миролюбно. Прощайте!

Я вышелъ въ другую комнату; смотритель бѣжалъ за мною; къ счастью, я успѣлъ запереть дверь и тѣмъ избавить отъ ужасной новости Лауру. Неугомонный гость шумѣлъ, кричалъ, поносилъ меня ругательствами и, выходя изъ дому, повторялъ: прошеніе! въ этотъ же день подамъ прошеніе осрамлю негодяя и поставлю на своемъ.

Лаура спрашивала, кто приходилъ и зачѣмъ? Я отвѣчалъ увѣрительно: чиновникъ изъ канцеляріи; мы разсуждали о нашемъ дѣлѣ. — Она повѣрила и, признаюсь, я находился въ большомъ смущеніи; по словамъ смотрителя видѣлъ, что онъ слишкомъ настойчивъ и требованія свои распространить до безконечности, что въ настоящемъ моемъ положеніи исполнить не имѣлъ возможности.

Въ назначенное время я пріѣхалъ въ канцелярію, уговоривъ Лауру остаться дома. Начальникъ приказалъ отправиться къ слѣдователямъ съ откомандированнымъ чиновникомъ; своякъ находился уже на мѣстѣ. Мнѣ объявили, что раненый умеръ, подтвердивъ при баронѣ слышанныя нами слова; дали заготовленные вопросы, размѣстивъ по разнымъ комнатамъ. Я писалъ отвѣты до четырехъ часовъ, старался смягчить выраженія на счетъ тестя, но и самыя умѣренные были слишкомъ достаточны къ обвиненію. По ссылкѣ моей записали имена товарищей нашихъ и всѣхъ служителей, назначивъ явиться въ слѣдующій день. По окончаніи отвѣтовъ секретарь объявилъ, что князь будетъ содержаться въ другомъ мѣстѣ, а я въ канцеляріи, и до снятія всѣхъ допросовъ никого къ намъ не допускать. Разлука съ женами насъ сильно огорчила, и какъ

слѣдователи оставались къ просьбамъ непреклонны, то мы и отправились по назначенію.

Депутатъ мой привелъ меня прямо въ комнаты начальника. Онъ изволилъ кушать и на слова чиновника, вмѣсто приглашенія отобѣдать, отвѣчалъ съ гнѣвомъ: Пусть ждетъ въ канцеляріи! Тамъ встретили меня совсѣмъ иначе: за мѣсто учтивости и дружбы оказалась холодность, равнодушіе, а многіе изъ товарищей не хотѣли говорить со мною. Я посмотрѣлъ на нихъ и подумалъ: кажется, все люди походятъ на моего тестя и смотрителя: въ счастіи друзья, а въ несчастіи враги. Черезъ часъ меня позвали къ начальнику. Онъ обратилъ ко мнѣ строгій, испытующій взоръ, осмотрѣлъ съ головы до ногъ, какъ будто увидѣлъ въ первый разъ, и началъ, потирая руки: Г. Судьбинъ! дѣла ваши слишкомъ важны; вы и шалунъ своячекъ ранили двухъ человѣкъ:

они умерли. Васъ станутъ судить. Скажите мнѣ откровенно: нѣтъ ли за вами еще другихъ проказъ?

Я рѣшительно отвѣчалъ: нѣтъ!

— Лжете, сударь! загремѣлъ онъ: вы шалунъ, самый развратный молодой человѣкъ! вы употребили возло мое довѣріе, очернили мѣсто и товарищей своихъ! Смотритель Занозинъ приходилъ ко мнѣ съ женою, рассказавъ, что вы обѣщали жениться на его дочери и обманули! Я сначала не вѣрилъ, но доказательства и улики оказались слишкомъ достаточны. Что вы на это скажете?

Оскорбленный словами, пріемомъ начальника, и что онъ не дождавъ отвѣта началъ обвинять, я смѣло возразилъ: Дочери смотрителя никогда не увозилъ, дѣвушки этой не искалъ, а напротивъ она сама гонялась за мною.

— Полноте хвастать и брать лишнее на себя! Надъ вами шутили, а вы подумали, что всѣмъ женщинамъ вскру-

жили головы! Теперь дѣло не въ томъ; смотритель увѣряетъ, что вы дали слово жениться на его дочери, увезли ее, скрывали въ разныхъ мѣстахъ и пользуясь тѣмъ, обвинялись съ другою, предъ самымъ бракомъ бились на шпагахъ. Подумайте, сударь! это не бездѣлица. Пожалѣйте себя и супругу вашу.

Я вышелъ; секретарь пригласилъ меня въ свою комнату, увѣрялъ въ участіи, пособіи, утѣшалъ, и . . . тутъ пожаловалъ къ намъ Степанъ Степановичъ.

— Г. Судьбинъ! сказалъ онъ съ суровымъ видомъ: что вы надѣлали съ княземъ? Увезли дѣвицу, ухаживали двухъ человекъ Побойтесь Бога! можно ли такъ проказить? Васъ засудятъ.

— Что жъ дѣлать! Несчастный случай вовлекъ насъ; мы невиновны: выслушайте....

— Что слушать! я знаю всѣ подробности... дѣло самое скверное. Я слишкомъ огорченъ вами, и только по привязанности къ семейству князя, взялъ на себя хлопоты, и начну тѣмъ: развяжитесь съ смотрителемъ; онъ требуетъ двадцать пять тысячъ; конечно, сумма значительная, да нечего дѣлать: должно рѣшиться; иначе выйдетъ плохо — два дѣла столкнутся вмѣстѣ и бѣда.

— Запозинъ проситъ слишкомъ много. Чтобъ избавиться домогательства вздорнаго старика, я готовъ дать ему десять тысячъ рублей и то не прежде, какъ соберу часть долговъ.

— Вздоръ, сударь! вы можете занять, заложить домъ; смотритель ждать и уступить не согласится.

— Въ такомъ случаѣ я прошу покорно выдать ему назначенную мною сумму изъ денегъ, которыя имѣлъ честь вручить вамъ.

При этихъ словахъ милостивецъ мой покраснѣлъ и съ досадою сказалъ: О! о! сударь! я вижу, вы мастера только на пакости, а объ дѣлѣ не имѣете понятія. Онъ вышелъ въ другую комнату и секретарь присталъ ко мнѣ: Ну, если въ вашей головѣ хоть золотникъ мозгу? Можно ли такъ отвѣчать чловѣку случайному, требовать, чтобы онъ платилъ за ваши проказы?

— Вы, конечно, не вслушались; я не требовалъ платить за меня, а только просилъ выдать Занозину 10 т. — Это составить менѣе третьей части суммы, которую онъ долженъ мнѣ.

— Полноте срамиться! и въ какое время? Защита необходима вамъ, а Степанъ Степановичъ имѣетъ вездѣ случай, упросить.....

— Знаю; онъ обѣщалъ мнѣ заплатить, вы тому свидѣтель! и я обратился къ нему съ просьбою.

— Вы настоящій ребенокъ: вамъ обѣщали заплатить — мало ли что обѣщаютъ!... Положимъ, вы получите долгъ, только умѣйте во время напомнить; узнайте, не разстроится ли тѣмъ покровитель. Вы оказали услугу, то должны и поддержать ее. Повѣдмте къ вамъ, возьмемъ деньги, возвратимся и дѣла пойдутъ на ладъ!

— Божусь вамъ, теперь только у меня пять тысячъ!

— Полноте, бѣда родить деньгу, а съ вами случились двѣ, и каждая составляетъ не бездѣлицу. Можно изворотиться, занять, дайте довѣренность на имя супруги, она заложитъ домъ...

— Не сказать ли ей, по какому случаю?

— О, нѣтъ! такія излишества не говорятъ женамъ. Послушайте, мы теряемъ время на пустяки: смотритель вридетъ сюда вечеромъ съ дражайшею по-

ловиной, а у нее горлышко громче трубы. Рѣшайтесь, Антонъ Ивановичъ!

— Я сказалъ, что денегъ не имѣю, а заложить домъ въ частныя руки не намѣренъ. Если смотритель придетъ сюда, пошлите за мною; я заставлю его молчать, не испугаюсь крика вздорной женщины, и помирюсь съ ними дешевле.

— Дѣлайте что вамъ угодно, отвѣчалъ съ досадою секретарь: намъ все равно; только послѣ не раскаявайтесь. Ступайте за мною. Онъ возвысилъ голосъ: Г. экзекуторъ! вотъ вамъ чиновникъ Судьбинъ: извольте содержать его подъ арестомъ и лишите средствъ имѣть стороннія сношенія.

— Очень хорошо! Куда прикажете помѣстить?

— Возлѣ сторожевской, есть небольшая комната....

— Тамъ темно, нѣтъ печки... и холодно....

— Что вы толкуете? Не ваше дѣло разсуждать. Прощайте, сударь! сказалъ секретарь. Вы не озябнете, завернитесь въ шубу; въ ваши лѣта грѣетъ кровь и замѣнитъ печку. — Онъ вышелъ съ язвительною улыбкой, а экзекуторъ проводилъ меня въ назначенную квартиру, заперъ дверь и приказалъ сторожу смотрѣть за мною.

И вотъ я запертъ, въ темной, сырой каморкѣ, или чуланѣ. Я съ досады началъ ходить въ прекрасной гостиной и въ темнотѣ стукнулся лбомъ о большой гвоздь, на которомъ сторожа вѣшали свою одежду. Черезъ часъ времени гнѣвъ мой утихъ; я опомнился и сталъ разсуждать о невыгодномъ положеніи, настойчивости покровителя и дерзости секретаря. Последній съ черною душею, имѣлъ сходство съ остатками чернилъ: они, ставъ негодны для письма, марали руки тому, кто по неосторожности прикасался къ нимъ. — Я

терзался, что лишенъ свободы и не могу видѣть Лауру. Эта мысль произвела досаду; я сталъ кричать и бранить виновниковъ моего несчастія. Бездѣльникъ сторожъ отперъ дверь и сказалъ: Перестаньте сударь, шумѣть; услышитъ г. экзекуторъ, выйдетъ худо. — Убирайся съ нимъ къ чорту! Принеси сюда свѣчку, бумаги и чернилъ: мнѣ нужно писать. — Извольте о томъ просить г. экзекутора. — Такъ ступай къ нему, скажи, что я приказалъ. — Полноте, сударь, арестованные чиновники не приказываютъ, а просятъ. — Отвѣты недоя еще болѣе меня разсердили; я бросился къ нему, задѣлъ неосторожно, кажется отвѣсилъ пощечину; онъ, захлопнувъ дверь, пустился съ жалобою и г. экзекуторъ пожаловалъ на расправу.

— Что это, Антонъ Ивановичъ? Вы начали драться? Это дурно... Я доложу....

— Извольте.... только прикажите сторожу обращаться въжливѣе, испол-

нять мои приказанія: мнѣ нужно писать, а онъ....

— Совершенно правъ и безъ позволенія секретаря не смѣлъ принести бумаги.

Узнавъ, что гнѣвъ мой бесполезенъ, — я утихъ и просилъ доставить нужныя вещи.

Чрезъ четверть часа принесли огарокъ свѣчки, маленькій запачканный столъ и все нужное для письма. Я смѣлъ и подумалъ, чѣмъ начать? Увѣдомить ли Лауру объ арестѣ и что ранѣе вечера не возвращусь домой — я надѣялся выпросить эту милость... и тутъ пришла мнѣ счастливая мысль — требовать отъ Искуса Ловилова десять тысячъ рублей. Я схватилъ перо, написалъ къ нему, чтобъ эту сумму доставилъ непременно вечеромъ въ канцелярію. Окончивъ первое посланіе, принялся за другое и подумалъ: Лаура можетъ пріѣхать ко мнѣ, узнать подробности; тутъ из-

мѣнивъ первое намѣреніе, просилъ ее оставаться дома, не унижать себя предъ людьми, которые казались друзьями, и увѣрялъ, что безъ всякихъ просьбъ скоро получу свободу. Запечатавъ письма, просилъ эзекутора отправить и послать въ трактиръ за обѣдомъ. Последнее приказаніе исполнилось скоро; сторожъ думалъ, что и ему достанутся лакомые кусочки. . . .

Сидя въ каморкѣ, я сталъ придумывать средства увидѣть Лауру, недопустить къ ней смотрителя: съ разлукою, она казалась еще милѣе; я страшился, чтобы, узнавъ объ Лизѣ, она не обратила любовь въ холодность и презрѣніе. Я вздохнулъ и продолжалъ горестныя размышленія. Лаура сказала правду: бракъ ознаменованъ кровью и предвѣщаетъ несчастіе: оно началось — я лишенъ свободы, въ этой западнѣ все огорчаетъ и влечетъ къ разоренію. Я завернулся въ шубу, легъ на голой ска-

мейкѣ и сказалъ: дождусь утра, стану просить начальника; онъ сжалятся надо мною. Эта утѣшительная мысль не уменьшила тоски и перенесла къ прошедшей жизни; позднее раскаяніе не могло облегчить моей участи.

Посланный въ домъ возвратился, подалъ мнѣ письмо; я вскочилъ съ лавки, сорвалъ печать, развернулъ и читалъ:

»Милый, единственный другъ! Мы разлучены; предчувствіе свершилось: несчастіе постигло насъ — и страшная мысль, что ты вовлеченъ мною, терзаетъ меня! Два раза я прѣзжала въ канцелярію, чтобъ увидѣться съ тобою; мнѣ рѣшительно отказали; обратилась къ сестрѣ — она не въ лучшемъ отъ насъ положеніи. Князь заботится объ сынѣ; успѣха не видно; все означаетъ продолжительную разлуку. — Ахъ! я не знаю, могу ли перенести горесть мою и рѣшилась просить твоего начальника — это послѣдняя надежда;

впрочемъ, что ни случится, я всегда и вездѣ послѣдую за тобою. Не унывай, милый другъ! излишнимъ отчаяніемъ увеличимъ страданія мои. Ахъ! они и такъ безпредѣльны: не видѣть тебя, значить не существовать на свѣтѣ. Прощай! Я употреблю все, чтобъ увидѣться съ тобою.

Я поцѣловалъ записку. Ахъ! если бѣ Лаура знала настоящую причину моей горести, всѣ подробности, то страстная любовь ея превратилась бы въ ненависть. Я взялъ первое положеніе и вечеромъ подали мнѣ огромный пакетъ отъ Ловилова.

Что это? По толщинѣ конверта можно судить, что онъ наполненъ ассигнаціями. Спасибо Ловилу, честный человекъ! сдержалъ слово. Я распечаталъ и вмѣсто билетовъ увидѣлъ вѣдомости, а на верху небольшую записку.

»Милостивый государь Антонъ Ивановичъ!

»Съ душевнымъ прискорбіемъ имѣю честь увѣдомить ваше высокородіе, что должника вашего, порукъ и меня постигло величайшее несчастіе. Возьмите трудъ прочесть вѣдомости четвертый и пятый нумеръ: онѣ откроютъ вамъ бѣдственную участь нашу; мы всѣ обливаемся слезами и просимъ Господа, да укрѣпитъ сердца наши и поможетъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и глубочайшею преданностію честь имѣю пребыть — низжайшимъ и покорнѣйшимъ слугою, Искусъ Ловиловъ.»

— Что это значитъ? Прочесть скорѣе. Я остановился на четвертомъ номерѣ:

«.....года.....дня.....купцы: Кирила Пылинъ, Карпъ Хныринъ и Козьма Оралинъ объявлены негостыми должниками. Учрежденный надъ ними конкурсъ вызываетъ всѣхъ кредиторовъ и должниковъ, чтобы немедленно явились Рождественской части.... квартала въ домъ Замарашкина

къ главному куратору купцу Грабилкину. »

У меня задрожали руки. — Прекрасно! всѣ банкроты. Посмотримъ пятый номеръ:

»Той же части и квартала съ публичнаго торгу продается за долги имѣніе титулярнаго совѣтника Искуса Ловилова, деревянный одноэтажный домъ съ двумя окнами на улицу, тремя во дворъ и огороднымъ мѣстомъ; подъ нимъ и всемъ строеніемъ имѣется земли 128 квадратныхъ сажень.»

— Бездѣльникъ! и эта дрянь находилась у меня въ обезпеченіи? Баронъ сказалъ правду — меня жестоко обманули. Вотъ плоды мой вѣтренности! Разбойники ограбили и въ какое время?... когда я самъ гибну и нуждаюсь въ деньгахъ! Семдесятъ пять тысячъ лопнули; что мнѣ дѣлать? Размѣнять послѣдній билетъ, это значитъ ограбить себя, жену... и насытить алчность

враговъ своихъ. Нѣтъ! не дамъ имъ ни полущки, и дверь каморки отворилась — вошелъ секретарь.

— Антонъ Ивановичъ! надумались ли вы? Г. Лазинъ очень огорченъ вами: милость и расположеніе заступника, вы упрямствомъ и неумѣстною скупостію разстроили. Запозинъ подалъ формальное прошеніе. Подумайте, сударь! это не бездѣлица, вовлечетъ въ большія непріятности. Вы писали къ супругъ, должнику; вѣрно получили деньги?

— Вотъ они! Я подалъ ему вѣдомости.

— Какой низкой поступокъ! сказалъ секретарь. Васъ обманули; очень жаль. Не унывайте! мы поможемъ, станемъ хлопотать; впрочемъ это не мѣшаетъ, вы можете изворотиться и

— По обоимъ дѣламъ я правъ, стану самъ защищать себя, а теперь прошу доложить начальнику, чтобъ дозволилъ мнѣ видѣться съ женою.

— Невозможно, сударь! онъ слишкомъ огорченъ вами; притомъ супруга можетъ встрѣтиться съ смотрителемъ, онъ не выходитъ отсюда, перескажетъ все. Еще совѣтую, какъ другъ, кончите съ нимъ миролюбно.

— Назначенныя деньги я готовъ отдать и

— Стыдитесь, сударь! вы должны всемъ жертвовать семейному счастью. Помните, вы разлучены съ прелестною, молодого женой, она страдаетъ, ждетъ и можетъ

— Ахъ! не терзайте меня, доложите и тогда

— Одинъ только Степанъ Степановичъ можетъ удовлетворить ваше желаніе; вспомните, какъ съ нимъ поступили?

— Онъ требовалъ невозможное, я просилъ моей собственности; кажется, тутъ нечемъ огорчаться.

— Вы судите весьма странно, непонимаете дѣла; съ вашимъ образованіемъ это непростительно. Человека можно оскорбить однимъ неумѣстнымъ словомъ. Степанъ Степановичъ сказалъ: я ошибся въ Судьбинѣ, зашелъ съ нимъ далеко; теперь заложу имѣніе, отдамъ ему долгъ и пусть меня болѣе не знаетъ. Подумайте, онъ упрямъ, настойчивъ, вы лишаетесь покровителя въ самое критическое время.

На всѣ домогательства пріятеля я остался непреклоннымъ. Мы кончили разговоръ, онъ вышелъ съ досадою. Наступила ночь, сторожъ изъ милости принесъ соломенный тюфякъ и запачканную подушку; я легъ, завернувшись пубой и сонъ отказался сопутствовать мнѣ.

Какая противоположность отъ прошедшей ночи! На роскошномъ пуховикѣ, съ милою женою, я наслаждался счастіемъ, думалъ, это продолжится на-

всегда.... А здѣсь, въ сырой, холодной камеркѣ, я только переносился мыслями къ Лаурѣ, дому, друзьямъ; думалъ, что всѣ оставили меня, а отдаленный бой часовъ, казалось, означалъ вѣчность. Ахъ! я узналъ, какъ продолжительны минуты несчастія!

Предъ утромъ, мучимый бессонницею, я уснулъ; въ десять часовъ оставилъ мягкое ложе. Сторожъ принесъ мнѣ чай, не въ серебряномъ самоварѣ, а въ простомъ мѣдномъ чайникѣ, съ чашкою безъ ручки. Я пилъ горячую жидкость и увѣрился, что нужда имѣетъ свои права, заставляетъ дорожить тѣмъ, что прежде презирали. Насталъ день, никто не посѣтилъ меня. Сторожъ принесъ обѣдъ; я снова просилъ бумаги; онъ отвѣчалъ, что секретарю это не угодно. Такъ прошли трое сутокъ. Я приходилъ въ отчаяніе, стучалъ кулаками въ дверь, чтобъ вышибить ее и бѣжать изъ проклятаго мѣста.

Пришелъ экзекуторъ, приказалъ повелительно не шумѣть и на вопросы объ Лаурѣ отвѣчалъ: Прошу не обременять меня пустяками — съ вами запрещено говорить. Тутъ я узналъ дружбу людей, проклиналъ роковую минуту и пагубную мысль, когда вздумалъ оставить первое сословіе, считалъ всѣхъ предателями и въ этомъ предположеніи ошибся: одинъ изъ товарищей приказалъ сторожу отнести конвертъ на почту, отперъ мою дверь и сказалъ: вотъ записка и бумага, у васъ есть карандашъ: пишите къ начальнику; я доставлю. Онъ вышелъ, я прочиталъ:

»Просите увольненія отъ службы. Васъ переведутъ въ другое мѣсто; тамъ увидите Лауру и друзей вашихъ. Чистяковъ.«

Благодѣтельный человѣкъ! ты не забылъ меня.... Ахъ! я напрасно ропталъ: есть люди, есть чувства состраданія. Я написалъ къ начальнику, что прошу

одной только милости — переговорить съ нимъ; добрый товарищъ взялъ записку и чрезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ экзекуторъ, сказавъ: Пожалуйте скорѣе на верьхъ.

Я не ждалъ повторенія, оправилъ кое-какъ на себѣ платье и пошелъ. Начальникъ принялъ меня безъ гнѣва, спросилъ кротко, гдѣ и какъ содержусь. Я увѣдомилъ о стѣсненномъ моемъ положеніи; онъ пожалъ плечами и съ участіемъ отвѣчалъ: Мое приказаніе пересолили; теперь знаю тому причину. Извольте, я облегчу участь вашу. Что вы еще скажете? — Благо-склонный пріемъ ободрилъ меня: я говорилъ съ нимъ безъ робости и просилъ объ увольненіи.

— Это значитъ выключить васъ изъ службы? Нѣтъ! это послужитъ ко вреду. Оставайтесь здѣсь; г. Лазинъ не обезпокоитъ: я отказалъ ему отъ дому; съ секретаремъ короткая расправа,

а смотрителю я возвратилъ прошеніе — оно слѣдуетъ къ другому суду. Не унывайте! все пойдетъ къ лучшему; я защитникъ вашъ. — Изумленный внезапною милостію начальника, я не находилъ словъ благодарить; онъ шепнулъ что-то экзекутору, тотъ подаль мнѣ знакъ, вышелъ со мною и сказалъ: вамъ назначили чистую, покойную комнату, дозволяютъ писать къ семейству и видѣться съ супругою.

Я обнялъ экзекутора; въ ту же минуту написалъ къ Лаурѣ, что жду ее съ нетерпѣніемъ. Въ новой квартирѣ нѣсколько товарищей вошли ко мнѣ и услышавъ о неожиданной милости, стали обращаться по прежнему.

Участіе начальника оживило меня; въ большой, чистой комнатѣ, я расхаживалъ длинными шагами, старался привести разстроенныя мысли въ порядокъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Лауры, и вдругъ закадычный другъ мой,

секретарь, съ покраснѣлыми щеками, запыхавшись, вошелъ ко мнѣ.

— Антонъ Ивановичъ! что вы писали къ начальнику? кто доставилъ записку?

— За милость — я не плачу предательствомъ!

— Вѣрю! это похвально, означаетъ благородство вашихъ мыслей, а все мнѣ должно знать содержаніе записки, объ имени, кто смѣлъ.... Повѣрьте, все клонится къ пользѣ вашей.

— Благодарю, и не могу удовлетворить любопытства.

— Помилуйте, Антонъ Ивановичъ! я за васъ перенесъ неудовольствіе, лишился милости начальника; онъ самъ приказалъ помѣстить васъ возлѣ сторожевской, никого не допускать, а теперь сердится! Вотъ каково исполнять въ точности приказанія! Божусь, я душевно скорбѣлъ о томъ, просилъ, хотѣлъ доставить записку — меня преду-

предили — вѣрно скрытнѣй недоброжелатель. Вы долго разговаривали наверху.... можно ли знать о чемъ?

— Нѣтъ! это осталось между нами.

— Вы просили объ увольненіи? Подумайте! васъ нельзя уволить съ чистымъ аттестатомъ: вы подѣ судомъ; васъ выключать изъ службы. Не подавайте просьбы, оставайтесь съ нами: Степанъ Степановичъ будетъ хлопотать.

— Потрудитесь сказать ему, что не нуждаюсь въ такомъ пособіи; защитникъ мой — начальникъ!

Секретарь напрасно истощался въ краснорѣчіи, дружествѣ и обѣщаніяхъ — я не открылъ разговора и товарища, который оказалъ мнѣ истинную услугу. Федоръ Степановичъ понялъ, что связи его съ покровителемъ Лазинымъ мнѣ извѣстны; скрывая досаду, рассыпался въ учтивостяхъ; онъ вышелъ съ увѣреніемъ, что станетъ часто навѣщать меня.

Этотъ день я провелъ спокойнѣе; двое изъ товарищей обѣдали со мною; сторожа, какъ угорѣлые, бѣжали по первому приказанію. Наступилъ вечеръ, Лаура не прѣзжала; сомнѣніе поселилось во мнѣ. Я послалъ еще записку, увѣдомилъ о покровительствѣ начальника и просилъ поспѣшить свиданіемъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что г-жи нѣтъ дома. Я подумалъ, что она у сестры; не получила первое письмо. Пробыло 9-ть часовъ; за мѣсто Лауры прибылъ Чистяковъ.

Я бросился къ истинному другу семейства, заплакалъ отъ радости. Добрый человѣкъ съ чувствомъ принялъ мой восторгъ, отворотился и отеръ слезы.

Первый вопросъ мой былъ о женѣ.
— Свояченица ваша Лелія нездорова, старый князь удержалъ Лауру при сестрѣ; она тамъ почуетъ.

— И не хотѣла нѣсколько минутъ посвятить мужу? Я жду съ нетерпѣніемъ, считаю минуты, а она.....

— Не знаетъ о перемѣщеніи вашемъ; мы слышали о томъ въ вечеру; какой-то незнакомый человѣкъ доставилъ мнѣ записку, я поспѣшилъ сюда и не захалъ къ князю; потерпите до утра.....

Я вздохнулъ, повѣрилъ и рассказалъ опекуну, что со мною случилось, не утаилъ ни одной подробности, о дочерѣ смотрителя, дуелѣ, словомъ: полное происшествіе — и мысли мои передалъ Чистякову.

— Намъ это все извѣстно, и ваша супруга Онъ не докончилъ.

— Знаетъ обо всемъ? спросилъ я поспѣшно.

— Нѣтъ! ... она только трудно скрыть, не тревожьтесь! мы приняли осторожность.

Сбивчивые отвѣты опекуна казались мнѣ подозрительны. Я домогался узнать,

не известна ли Лаура о семействѣ смотрителя? Онъ утвердительно сказалъ: нѣтъ; перемѣнилъ матерію, началъ, чтобъ увольненіемъ отъ службы остановиться, избѣгать явной ссоры съ секретаремъ, и покровительства г. Лазина; онъ нашелъ случай къ значительнымъ людямъ, станетъ дѣйствовать въ мою пользу — и совокупился съ княземъ, который заботился о сынѣ. Тутъ Чистяковъ увѣдомилъ, что въ домъ моемъ сдѣлалъ новое распоряженіе, уменьшилъ квартиру Лауры и съ флигелемъ отдалъ въ наймы. Переговоривъ о всемъ нужномъ, опекунъ простился со мною. Я просилъ его немедленно ѣхать къ князю и привезть ко мнѣ жену. Онъ рѣшительно сказалъ, что долженъ отправиться къ смотрителю, условиться съ нимъ и прекратить дѣло. — Прощайте, Антонъ Ивановичъ! подождите до утра. Совѣтами и распоряженіями опекуна я остался доволенъ; касательно жъ Лау-

ры находился въ сильномъ безпокойствѣ. Прошла несносная, продолжительная ночь, наступило утро, полдень — прелестной жены моей нѣтъ! Я впалъ въ тоску, товарищи старались развлечь, я казался глухъ къ убѣжденіямъ и нѣмъ для отвѣтовъ. Въ часъ пріѣхалъ Чистяковъ, и на вопросъ объ Лаурѣ отвѣчалъ: Она отправилась съ отцемъ князя къ одному изъ слѣдователей и скоро навѣститъ васъ. — Очень хорошо, любезный Прохоръ Ѳомичъ; вы успокоили меня. Теперь скажите объ смотрителѣ? — Я видѣлся съ нимъ, говорилъ подробно, увѣрилъ, что бракъ вашъ съ баронессою разрушить невозможно, и если не оставить своей просьбы, то получить гораздо менѣе, и очернить только невинную дочь свою. Онъ казался поклоннымъ къ миру — и вдругъ пожаловалъ г. Лазинъ съ секретаремъ; онъ вышелъ съ ними въ особую комнату, чрезъ часъ возвратился

и сказалъ: я подамъ прошеніе, если Судьбинъ не согласится съ Степаномъ Степановичемъ, то не отстану отъ иска: пусть пропадетъ дочь; пусть ничего не получу, по крайности докажу мальчишкѣ, что со мною нельзя шутить. Я понялъ въ чемъ дѣло и что почтенный покровитель съ секретаремъ держатся пословицы: съ бѣгучаго волка схватить клочекъ шерсти. Они считаютъ васъ погибшимъ и стараются вымучить послѣднее. Секретарь встрѣтилъ меня здѣсь на крыльцѣ и просилъ не сказывать вамъ, что видѣлся со мною у смотрителя. Остерегитесь, не вѣрьте двуличному человѣку, и.... дверь отворилась — Лаура очутилась предо мною.

Я вскрикнулъ отъ радости, бросился къ ней — и отступилъ нѣсколько шаговъ: круглое, полное лице ея осунулось, блѣдность замѣнила румянецъ, глаза опухли и едва сохранили первое подобіе свое.

— Лаура! милая Лаура! что сдѣлалось съ тобою? Ты совершенно измѣнилась.... Ты больна? Не могла перенести несчастія и разлуки?....

— Да.... отвѣчала она съ одышкою: душевная скорбь превозмогла тѣлесныя силы. — Она сѣла на стулъ, я схватилъ горячую ея руку, приложилъ къ устамъ моимъ; она отдернула и слезы полились изъ глазъ ея.

— Что это значить? ты выхватила отъ меня руку, ласкамъ отвѣчаешь холодностію и слезами?... Неужели любовь твоя съ несчастіемъ моимъ измѣнилась?

— Нѣтъ! она непремѣнна! Она составляла блаженство моей жизни и — приводитъ къ могилѣ.....

— Лаура! слова твои.....

— Проистекаютъ отъ сердца. Садись и выслушай; свидѣтель нашъ истинный другъ твой, онъ зналъ все; при немъ я смѣло могу открыть мою душу!

Она замолкла, кажется собиралась съ мыслями и начала : Дѣвица , которая забыла себя, покорилась одной страсти, сама назначаетъ несчастіе свое; это случилось со мною. Помнишь роковую ночь, въ которую ты спасъ князя отъ убійцы? Помнишь Китайскій домикъ? Я все простила тебѣ , вѣрила , страсть омрачила разсудокъ мой, въ глазахъ твоихъ находила миръ и счастье жизни. Приведи на память отчаянную битву съ кавалеромъ и бракъ нашъ; съ этой минуты, превышая слабыя силы женщины , произнесла клятву и всѣ горести забыла, какъ тяжкій сонъ; у сердца твоего старалась скрыть несчастіе , готовое обрушиться на насъ; всѣ мысли и чувства обратила въ одну любовь ! Ахъ ! я дышала ею и въ пламенномъ воображеніи мечтала только о будущемъ , и вдругъ счастье и надежды мои исчезли; насъ разлучили; я бросилась въ канцелярію, просила, плакала:

мнѣ отказали, не допустили. — Съ стѣсненнымъ сердцемъ возвратилась въ домъ , въ твердой надеждѣ , слезами вымолить свободу, или дозволеніе остаться съ тобою. Прошла ужасная ночь , я спѣшу изъ комнаты, встрѣчаю незнакомыхъ людей; человекъ преклонныхъ лѣтъ сказалъ мнѣ съ дерзостію : остановитесь ! я смотритель Занозинъ...и....

— Боже мой ! вскричалъ я: ты видѣла смотрителя ? . . . Предчувствіе мое свершилось ! теперь все открыто.

— Да, онъ съ женою рассказалъ мнѣ... Ахъ, Антоній ! я не въ силахъ повторить пагубныя слова Оправясь отъ внезапности , я стала утверждать , что это постыдная ложь ; спрашиваю людей, они молчатъ — и молчаніемъ подтверждаютъ ужасную для меня тайну. Не могу выразить, что чувствовала тогда: я оцѣпенѣла и только помню, что смотритель требовалъ за безчестіе , а въ противномъ случаѣ клялся погубить

тебя, отыскать еще какую-то дѣвушку Александру, которую ты скрываешь. Жестокій человѣкъ не тронулся моимъ положеніемъ и, кажется, радовался терзаніямъ! — Они ушли, я почувствовала припадокъ, увидѣла около себя докторовъ, отвергнула пособія и только думала о своемъ горѣ. Эта мысль поразила меня. Что жъ я могу ожидать дальѣе, если самое начало ознаменовалось измѣною?

Слезы прервали рассказъ. Я бросился къ ногамъ ея: Лаура! милая Лаура! виновникъ терзается слезами твоими, готовъ жизнію искупить горестъ твою, только выслушай: поступокъ мой слишкомъ увеличенъ; выслушай оправданіе, и обвиняй!

— Что слушать? зачѣмъ обвинять? Наканунъ брака ты увезъ дѣвушку и....

— Нѣтъ! все несправедливо, увеличено; выслушай.....

Лаура отерла слезы и продолжала: зачѣмъ оправданіе? Я спѣшила сюда не съ тѣмъ, чтобъ увеличить горестъ твою, упрекать въ измѣнѣ, напоминать клятвы, исчислять мои жертвованія — нѣтъ! я не за тѣмъ спѣшила видѣть тебя! Смотритель требуетъ денегъ; отецъ возвратилъ мнѣ билетъ; возьми, удовлетвори алчность презрительныхъ людей, продай домъ, все имѣніе; я не боюсь бѣдности, не стану роптать, не обременю тебя излишествомъ: я потеряла все и ничего болѣе потерять не могу. Мнѣ осталась одна могила, а чтобъ опустить въ землю трупъ мой, небольшія надобны издержки.

Лаура умолкла. Въ эти минуты я постигъ преступленія мои: потерянная совѣсть вступила въ права свои. Я не смѣлъ поднять глазъ на оскорбленную женщину, не находилъ словъ къ оправданію. Добрый Чистяковъ вступился за меня. Сударыня! онъ раскаялся

чистосердечно; простите молодому человеку, простите мужа, позвольте ему оправдаться.

Слова опекуна произвели успѣхъ; я началъ говорить: Лаура! я погубилъ тебя! цвѣтушія дни твои омрачилъ горестію; вѣтренность, свобода, пагубные случаи ввергнули меня въ пропасть. Теперь нѣтъ болѣе тайны — я достоинъ ненависти и презрѣнія. — Я рассказалъ о Сашѣ и Лизѣ, чѣмъ окончилась привязанность къ одной и какъ случай меня сблизилъ съ другою. Теперь, Лаура, все тебѣ извѣстно! Я не смѣю увѣрять въ будущемъ, не смѣю повторить клятвы — измѣннику не вѣрять — и ограничусь тѣмъ, что за первую слезу твою окончу пагубную жизнь.

Лаура отерла слезы, дружески подала мнѣ руку. Антоній! прошедшее невозможно: подумаемъ о настоящемъ, а тамъ . . . я не жалуюсь на участь

свою, безъ ропота покорюсь ей; прости! завтра увидимся.

Я обнималъ милую жену, осыпалъ поцѣлуями блѣдныя щеки; она отвѣчала моимъ ласкамъ; Чистяковъ улыбался, съ умиленіемъ смотрѣлъ на несчастную жертву, которую я погубилъ въ весеннемъ цвѣтѣ жизни ея.

Мы простились; я остался одинъ, имѣлъ время обдумать настоящее. Болѣзнь Лауры, неизвѣстность, чѣмъ окончится участь моя, все тревожило меня, все предвѣщало гибель и правосудное наказаніе небесъ! Я видѣлъ пороки мои въ точномъ видѣ, судилъ объ нихъ одинъ, безъ ложныхъ друзей и льстецовъ — ни что не препятствовало мнѣ смотрѣть глазами безстрастія и увѣриться, что жизнь моя составляла одно игрище страстей.

Лаура навѣщала меня ежедневно, съ утра до вечера не разлучалась со мною; возвышенная душа ея не мстила за измѣ-

ну. Дѣло тянулось шестой мѣсяцъ; отыскивали двухъ наемныхъ убійцъ и всѣхъ прикосновенныхъ людей. Съ княземъ я не видался, одна Лаура, Чистяковъ и Лестовъ утѣшали меня; первая пересиливала самую природу, чтобъ скрыть изнеможеніе свое; она увядала какъ прекрасный цвѣтокъ послѣ бурной осенней ночи.

Такъ протекали дни мои. Утро я встрѣчалъ въ надеждѣ увидѣть Лауру; видѣлъ, прижималъ къ груди — и совесть терзала меня: блѣдныя щеки ея безъ словъ укоряли виновника. Въ ночи мрачныя думы не смыкали глазъ моихъ, часто оставлялъ изголовье омоченное слезами; здоровье примѣтно истощалось, я сталъ нелюдимъ, запиралъ дверь комнаты, чтобъ товарищи не входили ко мнѣ — въ особенности секретарь; все становилось несносно и предвѣщало близость ужасной минуты въ моей жизни — и вотъ она наступила.

Посѣщенія Лауры прекратились. Чистяковъ увѣдомилъ, что дѣло мое съ княземъ приходитъ къ окончанію, и въ пользу нашу, — но члены присутствія, чтобъ избѣгнуть клеветы въ излишнемъ снисхожденіи, запретили на время видѣться съ женою. Эти слова Лаура подтвердила запиской. Я повѣрилъ, цѣловалъ буквы и замѣтилъ, что дрожащая рука означала ихъ. Всякій почти день я получалъ письма, и не радовался — они становились слабѣе въ выраженіи и самомъ почеркѣ; я догадывался о несчастіи, и опекунъ съ Лестовымъ не могли увѣрить въ противномъ. Около мѣсяца жестокая неизвестность терзала меня и надежды исчезали.

Въ одно утро вошелъ ко мнѣ начальникъ; это утро — и въкъ Мафусалла не можетъ истребить изъ памяти! — Онъ съ участіемъ началъ говорить: Антонъ Ивановичъ! вы ослабли духомъ, совершенно измѣнились, нездоровы, от-

вергаете пособія? Это непростительно. Мужинъ неприлично унывать. Вы тоскуете о разлукѣ съ супругою и болѣзнь ея; что жъ дѣлать? все зависитъ отъ Бога! Помните, въ похороны отца вы скучали и—время истребило горестныя впечатлѣнія. — Онъ сѣлъ на стулъ и продолжалъ: Точно, жена ваша нездорова. Хотите ли повидаться съ нею въ своемъ домѣ?

Обративъ къ нему глаза наполненные слезами, я благодарилъ за неожиданную милость.

— Я васъ отпущу, только дайте слово возвратиться вечеромъ.

— Я не употреблю во зло милость начальника; а если не вѣрите, то пошлите за присмотромъ.

— Это лишнее. Онъ произнесъ громко: Господа! пожалуйста! — Чистяковъ и Лестовъ вошли.

— Я поручаю вамъ Судьбина; поѣзжайте съ нимъ въ домъ, распоряди-

тесь по произволу. Онъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ.

Я посмотрѣлъ на друзей моихъ. Что это значитъ? къ чему такая скрытность? Слова начальника весьма странныя...

— Пользуйтесь снисхожденіемъ; ѣдемъ, супруга ожидаетъ.

— Ахъ! поспѣшимъ, поспѣшимъ! Съ какимъ восторгомъ я поцѣлую милую Лауру! Вчера вы мнѣ сказывали, что ей лучше?

— Да... отвѣчалъ протяжно Лестовъ; ты самъ увидишь.

Мы сѣли въ наемную карету. Скоро я увидѣлъ домъ свой, выскочилъ изъ экипажа; Лестовъ спѣшилъ за мною, Чистяковъ не успѣвалъ бѣжать. Мы входимъ, человекъ и горничная дѣвушка встрѣчаютъ съ печальными лицами; послѣдняя сказала: тише, она уснула; докторъ запретилъ будить и самъ введетъ Антона Ивановича.

— Боже мой! какая предосторожность. Я не разбужу, взгляну на сонную; пусти меня. Последнія слова произнесены громко; колокольчикъ зазвенѣлъ въ спальнѣ.

— Она проснулась, сестрица даетъ знакъ, сказала горничная. Подождите минуту, я доложу г. доктору; онъ ждетъ. Я посмотрѣлъ на товарищей, они молча опустили глаза къ полу. Отворилась дверь, медикъ подошелъ ко мнѣ. Антонъ Ивановичъ! я долженъ предупредить, супруга ваша слишкомъ слаба; войдите осторожно и отчаяніемъ своимъ не ускорите....

— Смерти? произнесъ я съ трепетомъ — и вошелъ въ спальню.

И что жъ? могу ли выразить чувства мои? Лаура блѣдная, изнеможенная, едва имѣла дыханіе; при входѣ моемъ подняла померкшіе глаза свои, протянула руку и слабымъ голосомъ произнесла: Милый Антоній.....

Я бросился на колени: Въ какомъ видѣ встрѣчаю тебя! Ты жертва преступленій моихъ! Я убійца твой!

— Нѣтъ, отвѣчала она твердымъ голосомъ. Силы въ ней возбудились, лицо получило живость; она поднялась на постель и продолжала: При самомъ рожденіи назначена и минута смерти моей; я не виню тебя.

Докторъ подошелъ и повторялъ: Успокойтесь! сильное движеніе и разговоръ опасенъ для васъ.

— Знаю, и въ послѣднія минуты жизни хочу бесѣдовать съ мужемъ. Встань, милый другъ! садись возлѣ меня.....

— За полчаса вышелъ духовникъ мой; я примирилась со всеми, умоляла Творца простить въ слабостяхъ, нераздѣльныхъ съ существомъ нашимъ. Теперь прощусь съ тобою, съ вѣрою, что встрѣчу тебя въ лучшемъ мірѣ.....

— Лаура! я послѣдую за тобою!..

— Нѣтъ! живи; недолго мнѣ осталось насладиться зрѣніемъ твоимъ, — сомкнутся глаза, все скроется, но черты твои перейдутъ въ душу мою: она вознесется къ вѣчному милосердію и станетъ молить, чтобъ не оставило тебя.

Напрасно медикъ и все окружающіе упрашивали прекратить разговоръ; она продолжала:

— Друзья! чувствую, это послѣднія слова мои; не лишайте утѣшенія передать ихъ существу, которое предпочитала жизни; они необходимы къ спокойствію его. Антоній! помнишь ужасный вечеръ, какъ ты подвергалъ жизнь свою опасности, и спѣшилъ со мною къ олтарю? — Въ то самое время я почувствовала измѣненіе въ силахъ. — Насталъ день, лучъ надежды оживилъ меня; насъ разлучили и безпокойство начало истощать меня. Я страдала и душевная скорбь превозмогла силы.

Мы увидѣлись, я огорчила тебя невольно, раскаялась въ томъ, у сердца твоего находила отраду. Мы стали неразлучны и я въ радости обманывала себя. Болѣзнь возобновилась въ полной силѣ. Двѣ недѣли назадъ сестра открыла мнѣ, что участь наша рѣшена: ты и семейство мое погибли. Страшная вѣсть поразила меня; мнѣ казалось, что я виновница общему несчастію. Эта мысль лишила бодрости, надежды и приблизила къ гробу. Друзья окружили меня съ истиннымъ участіемъ, подали надежду видѣться съ тобою; я рѣшительно отказалась и думала: можетъ статься страданія мои продолжатся долго; зачѣмъ же ему исчезать со мною? Увижусь съ нимъ, когда наступитъ послѣдній часъ. Другъ мой! онъ насталъ; ангелъ смерти невидимо паритъ надо мною.... Прими послѣдній вздохъ мой! Для этой минуты я только удерживала жизнь мою.

Дрожащими руками я поддерживалъ Лауру; грудь ея колебалась слабо, дыханіе становилось рѣже, сердце переставало биться. Я чувствовалъ, какъ смертная дрожь пробѣжала по тѣлу ея. Прошло нѣсколько минутъ — комната, наполненная людьми, казалась могилою—все утихло, ожидало.... и вдругъ голосъ Лауры привелъ всѣхъ въ содроганіе. Антоній! произнесла она громко: Антоній! прости!.. Я рознялъ мои руки, голова ея опустилась на подушки; она еще вздохнула, обратила ко мнѣ глаза, и чистая душа ея оставила прекрасную земную оболочку свою!

Съ послѣднимъ словомъ Лауры я закричалъ дикимъ голосомъ, бросился въ кабинетъ мой, схватилъ кинжалъ, одна секунда... и самоубійца совершилъ бы въполнѣ участь свою! Меня схватили, вырвали оружіе; я упалъ и лишился памяти.

Не помню, сколько прошло времени

въ положеніи близкомъ къ смерти. Иногда я приходилъ въ чувства, открывалъ глаза; мнѣ казалось, что вижу Лауру, слышу послѣднія слова; тутъ я боролся съ смертію, призывалъ ее какъ даръ небесный! Въ одно утро я совершенно опомнился, чувствовалъ жестокую боль въ рукахъ, ногахъ и во всемъ корпусѣ, началъ подыматься и увидѣлъ, что ремнями привязанъ къ желѣзной кровати. Два человѣка сидѣли возлѣ; я просилъ освободить мои руки; одинъ изъ нихъ выбѣжалъ изъ комнаты и скоро возвратился съ докторомъ. Слава Богу! насилу мы дождались этой минуты, сказалъ онъ. Антонъ Ивановичъ! васъ развяжутъ, если перестанете вырываться и бить сторожей. Что вы теперь чувствуете?

Я посмотрѣлъ на медика, окружающихъ, узналъ комнату, въ которой находился подъ арестомъ и просилъ освободить меня отъ ремней.

Меня развязали: я сталъ приводить на память все, что со мною случилось, и вскричалъ: Лаура! тебя нѣтъ! Пустите, пустите меня къ ней! Усиливался встать; докторъ сказалъ: лежите, или . . . онъ указалъ на ремни.

— Зачто меня вязать? мнѣ должно похоронить жену. Съ этими словами вошелъ начальникъ; я обратился къ нему: Добрый покровитель мой! возвратите мнѣ свободу. Нѣсколько часовъ назадъ я лишился Лауры: я приготавливаю могилу, похороню; не лишите меня послѣдней отрады.

— Антонъ Ивановичъ! придите въ себя; желаніе ваше происходитъ отъ забытія и не можетъ свершиться; сядь-мая недѣля, какъ вы лишились супруги.

— Зачѣмъ такъ жестоко издѣваться надъ горестію моею? Недавно я видѣлъ ее, она лишилась жизни на рукахъ моихъ.

— Совсѣмъ! нѣтъ! Съ послѣднимъ вздохомъ Лауры вы пришли въ изступленіе, схватили кинжалъ, чтобъ лишить себя жизни; васъ обезоружили, старались возвратить разсудокъ; сильная горячка воспламенила кровь, и вы по необходимости перемѣщены сюда; приставили надежныхъ людей, три доктора пользовали и къ общему удовольствію достигнули своей цѣли. Теперь предоставимъ времени и усердію возвратить вамъ совершенное здоровье.

Съ этими словами я опомнился, крупныя слезы облегчили стѣсненную грудь мою; имъ не препятствовали, а только наблюдали, какое произведутъ дѣйствіе.

Я плакалъ и повторялъ: Я видѣлъ смерть ея, слышалъ послѣднія слова; жестокіе! вы лишили меня послѣдней отрады — опустить мою Лауру въ мо-

гилу и умереть съ нею! Ахъ! состраданіе ваше превосходитъ самую жестокость. Скажите, точно ли семь недѣль я лишился жены и разсудка? Я сталъ ослабѣвать; докторъ сказалъ: это самое лучшее время: пошлите скорѣй за родственниками и друзьями; съ нимъ послѣдуетъ летаргическій сонъ.

Вечеромъ громкій разговоръ вывелъ меня изъ усыпленія. Я открылъ глаза — увидѣлъ князя, Делію, Чистякова и Лестова; они съ радостію спѣшили обнимать меня. При взглядѣ на друзей, я пришелъ совершенно въ себя и при всемъ изнеможеніи старался отвѣчать усердію ихъ.

Я просилъ Лестова разсказать всѣ подробности о смерти Лауры; онъ подтвердилъ слова начальника о времени, когда свершилось несчастіе, и что только сильныя, рѣшительныя средства возвратили меня къ жизни.

Я слушалъ, немогъ отвѣчать на вопросы, разсѣянные мысли собиралъ къ одному предмету — Лаурѣ. Медикъ вышелъ непримѣтно, и скоро возвратился съ начальникомъ.

— Антонъ Ивановичъ! Вы теперь совершенно безопасны; молодость, крепкое сложеніе превозмогли болѣзнь. Вы слышали разсказъ родственника и конечно вполне постигли невозвратную потерю свою — точно невозвратную: вы лишились нѣжной, прелестной супруги; она любила васъ страстно... Я думаю, это несчастіе превышаетъ всѣ, которыя случились съ вами и могутъ случиться?

— Ничто не можетъ меня болѣе поразить: смерть Лауры притупила мои чувства къ радости и горести... Мой удѣлъ и отрада — одна смерть!....

— Разумѣется, благородная, а не та, на которую вы рѣшались.

— Я не понимаю васъ. Я видѣлъ кончину жены, и смерть во всякомъ видѣ покажется мнѣ драгоценнымъ даромъ небесъ: она соединитъ меня съ Лаурой!

— Согласенъ съ вами: лучше умереть, чѣмъ страдать во всю жизнь: У насъ война; на полъ чести можно кончить дни со славой, или въ новыхъ подвигахъ забыть свою потерю.

— Первое я приму съ восторгомъ, второе невозможно.

— И такъ вы можете оставить столицу, домъ, друзей, отправиться въ армию.

— Съ охотою!

— Мнѣ пріятна рѣшительность ваша. Не смущайтесь, призовите на помощь мужество и думайте только объ Лаурѣ. Дѣло ваше рѣшено: князь лишенъ одного чина, а вы, въ званіи простаго воина, должны возвратить потерянной.

При окончательныхъ словахъ окружающіе приблизились ко мнѣ, ожидали, какое онъ произведетъ дѣйствіе....

Я перекрестился и отвѣчалъ: Теперь мнѣ все равно: званіе, богатство — этотъ чадъ началъ исчезать, когда вступилъ въ эту комнату! Благодарю васъ; эта внезапность дѣйствительнѣе всей медицины. Я скоро оправлюсь. Лаура! милая жена! я скоро соединюсь съ тобою!

Начальникъ вышелъ и докторъ сказалъ: мы съ намѣреніемъ поразили васъ внезапно; если бъ вы совершенно оправились, то новое несчастіе лишило бъ васъ разсудка или жизни, а въ настоящемъ положеніи принято хладнокровно и послужило къ пользѣ.

Я согласился съ докторомъ — философомъ, онъ дѣйствовалъ надъ силою чувствъ, и любопытствовалъ узнать объ участи барона.

Своекъ удовлетворилъ любопытство. Страніемъ покровителей, мы еще до-

вольно счастливо выпутались изъ опасности : въ чинъ подпоручика я могу возвратить потерянный, а ты еще скорѣе ; новое начальство наше знаетъ, что мы не преступники и несчастнымъ случаемъ вовлечены въ отвѣтственность. Баронъ лишенъ правъ состоянія, имѣніе, домъ назначенъ въ продажу, а вырученныя деньги обратятъ въ пользу семействъ, которыя имъ разорены. Онъ съ женою сосланъ въ дальній Сибирскій городокъ ; Доротея, уличенная во многихъ преступленіяхъ, на поселеніе; сообщники барона опубликованы вредными людьми и высланы изъ столицы ; словомъ, этотъ пагубный домъ не существуетъ болѣе. Въ этомъ ужасномъ домъ мы, увлеченные молодостію, коварствомъ, всѣми средствами обольщенія, разорили себя и, къ удивленію, гдѣ другіе находили одинъ позоръ и нищету, мы отыскали счастье—Лауру и Лелію. Но ахъ! это счастье скоро

обратилось въ гибель, предательство, лишило тебя жены, я потерялъ имѣніе и окончилъ слишкомъ постыдно для фамиліи моею.

Разсказъ князя произвелъ сильное впечатлѣніе надо мною; докторъ замѣтилъ и совѣтовалъ прекратить разговоръ.

Я остался одинъ, просилъ удалить караульных — и обширное поле открылось воображенію моему вспомнить о прошедшемъ и устроить себя въ настоящемъ ; но одна только мысль о Лаурѣ занимала меня : мнѣ казалось, что видѣлъ ее, слышалъ послѣднія слова, чувствовалъ еще бѣненіе сердца. Въ этихъ мысляхъ я погрузился въ забытіе и снова Лаура мечталась въ полномъ блескѣ красоты своей; обманчивый сонъ обольщалъ чувства мои, исчезъ, я проснулся и видѣлъ одиночество свое!

Я сталъ примѣтно оправляться; друзья навѣщали всякій день. Чистяковъ увѣдомилъ, что денегъ осталось не много. Дѣло, Занозинъ, болѣзнь моя, смерть жены требовали большихъ издержекъ. Потеря имѣнія не стоила мнѣ вздоха. Я благодарилъ опекуна за усердіе и далъ ему довѣренность на управленіе дома.

Начальникъ, съ своей стороны, развлекалъ грусть мою новыми надеждами; я увидѣлъ въ немъ человека съ чувствами и благородствомъ души; къ несчастію онъ, подобно другимъ, окружилъ себя недостойными людьми, излишнимъ довѣріемъ затмилъ и терялъ достоинство свое.

Я выздоровѣлъ совершенно и пламенное мое желаніе свершилось: я спѣшилъ увидѣть могилу Лауры, домъ барона, садъ, бесѣдку и мѣсто, гдѣ она простилась со мною навсегда. — Князь и Лестовъ были спутниками въ

печальномъ пути моемъ. Я бросился къ памятнику, цѣловалъ буквы, означающія имя ее, горячія слезы мои согрѣли холодный камень; въ саду барона привѣтствовалъ мѣста украшенныя ею, воспоминалъ любовь, восторги и передавалъ деревьямъ горестъ мою; они были обнажены, потеряли зелень и до времени оставались въ мрачномъ видѣ. Ахъ! безмолвные свидѣтели блаженства моего! наступить весна — вы получите новую жизнь, счастливая чета отыщетъ прохладу въ тѣни вашей, а теперь я подобенъ вамъ, холоденъ, мраченъ, безъ жизни, со мною нѣтъ Лауры! И вотъ я очутился въ комнатѣ, въ которую послѣ вѣнча привелъ супругу — и лишился ее! Тутъ воспоминаніе едва не лишило меня снова разсудка; я бросился на колѣна, плакалъ, снялъ со стѣны миниатюрный портретъ ея, говорилъ съ нимъ, цѣловалъ и помѣстивъ на груди своей,

сказалъ: Пойдемъ со мною! Если роковая пуля поразитъ меня, тогда взгляну на черты твои и съ восторгомъ понесусь отыскивать тебя въ вѣчности.

Настало время проститься со всѣми. Чистяковъ далъ мнѣ двѣ тысячи рублей и, въ случаѣ надобности, обѣщался присылать изъ доходовъ дома. Онъ продалъ экипажи, вещи, обратилъ все въ наличность и тѣмъ сохранилъ остатокъ отъ большаго имѣнія. Я благодарилъ начальника за милость, простился съ товарищами по службѣ и безъ досады съ секретаремъ; разлука съ Лестовымъ и опекуномъ коснулась моему сердцу: одинъ замѣнялъ мнѣ отца, второй брата, дѣлилъ со мною бурныя дни юности и въ несчастіи оставался непремѣннымъ другомъ.

Въ одной повозкѣ съ родственникомъ мы прибыли на Турецкую границу. Полковникъ принялъ насъ благосклонно, помѣстилъ въ одну роту;

его предупредили о насъ; онъ забылъ наши проступки, видѣлъ только несчастливыхъ и обращался со мною какъ съ роднымъ.

Милость начальника, перемѣна жизни, новые предметы, довольство, не измѣнили грусти моей: я скучалъ, казался нелюдимомъ, убѣгалъ новыхъ знакомцевъ и только изъ приличія иногда съединялся съ ними и въ веселомъ кругу казался еще скучнѣе. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ военныхъ дѣйствій; они начались, слава готовилась увѣнчать новыми лаврами храбрыхъ сыновъ Россіи: толпы Турокъ бѣжали отъ малаго количества героевъ.

Въ первомъ сраженіи я стоялъ въ рядахъ за княземъ. Началась перестрѣлка; сердце забилося во мнѣ, только не отъ робости, я прижалъ портретъ къ сердцу моему; безцѣнный другъ! покажи мнѣ путь, по которому отыскать тебя! Я вызвался въ охотники, съ

стрѣлками подбѣжалъ къ самымъ окопамъ непріятеля; сильный громъ раздался, огненные жерла съ пламенемъ извергали смерть; пули свистали; я не дрогнулъ и, ободряемый офицерами, бросился съ товарищами въ Турецкія толпы; штыки наши проложили путь по трупамъ ихъ и обратили въ бѣгъ. Сраженіе окончилось побѣдою; я не получилъ раны; это увеличило дерзость мою. Князь оказалъ равное мужество и полковникъ отдалъ вамъ полную справедливость.

Сшибки случались часто, имя мое стало извѣстно. Ахъ! никто не зналъ причину самоотверженія! Меня произвели сержантомъ, это служило лѣстницей къ офицерскому чину. На поздравленіе будущихъ товарищей я отвѣчалъ горькою улыбкой; я искалъ не ченовъ, а сажени земли.

Мы штурмовали крѣпость; въ зводѣ, въ которомъ я находился, поручика

убили: я оставался старшимъ, по первому сигналу пошелъ на приступъ. Мы побѣжали близко, и пуля влетѣла въ грудь мою. Лаура! произнесъ я: мы скоро будемъ неразлучны! съ горяча, не чувствуя боли, не смотря на кровь, текущую изъ раны, я приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу, добрался къ верху; два сабельные удара — одинъ въ голову, другой въ плечо, встрѣтили меня; избѣгая третьяго, я собралъ остатки силъ, прокололъ Турка штыкомъ; другіе бросились ко мнѣ, товарищи взбѣжали на верхъ стѣны и выручили меня.

Я опомнился, увидѣлъ, что лежалъ въ палаткѣ, возлѣ князя; онъ получилъ рану въ руку, и хотѣлъ говорить со мною. Полковой лекарь закричалъ: молчите! Судьбинъ потерялъ много крови, два часа не имѣлъ перевязки; разговоръ и движеніе могутъ стоить ему жизни.

Такъ я раненъ не смертельно? Спросилъ я медика. — Очень опасно, а вылечить надѣюсь. . . . Лаура! подумалъ я: еще не прошелъ часъ съединиться съ тобою!

Нѣсколько дней я лежалъ безъ движенія; глубокая рана въ головѣ упорствовала пособіямъ медицины. Я не стоналъ, не просилъ о скорѣйшемъ пособіи и только жалѣлъ, что каска помѣшала сабельному удару опуститься глубже. Полковникъ навѣщалъ меня и въ одинъ вечеръ съ радостію произнесъ: Эй товарищъ! выздоравливай. Поздравляю, ты за храбрость произведенъ прапорщикомъ. — Я благодарилъ добраго начальника, и чинъ не утѣшилъ меня.

Послѣдовало перемиріе. Меня съ другими ранеными офицерами отправили на самую границу, въ небольшомъ городкѣ помѣстили въ покойную квартиру, дали надежнаго деньщика,

онъ и фельдшеръ присматривали за мною; три мѣсяца прошло и раны мои не закрывались. Лекаръ удивлялся медленному излеченію; я зналъ одинъ тому причину и не хотѣлъ открыть о ней. Потеря въ большомъ количествѣ крови ослабила мои силы, а всегдашняя мысль объ Лаурѣ произвела родъ забытія; мнѣ казалось, что она приходила ко мнѣ; открывалъ глаза и видѣлъ у окна женщину — это встревожило воображеніе и увеличило горестъ.

Въ одно утро деньщикъ сказалъ мнѣ: Баринъ! посмотрите, кто-то положилъ на столъ чистое новое бѣлье, корпію и бинты.

— Кто принесъ? Узнай, заплати; ты знаешь, у меня есть деньги.

— Я, сударь, никого не видалъ; вѣрно это случилось, когда ходилъ въ рынокъ за покупкой провизіи для обѣда....

Я посмотрѣлъ — бѣлье новое, тонкое и сложенное въ лучшемъ видѣ.

Странно! здѣсь городъ небольшой, никто меня не знаетъ, не ходитъ — одинъ только лекаръ, ему незачѣмъ таяться — дѣлать издержки, онъ не богатъ, живетъ однимъ жалованьемъ и знаетъ, что я не нуждаюсь пособіемъ.

Прошло еще нѣсколько дней! всякое утро и вечеръ показывалась женщина у окна квартиры, а иногда въ углу комнаты. Встревоженный видѣніемъ, я не могъ опредѣлить, точно ли это призракъ, живое существо, или разстроенное воображеніе, всегдашняя мысль объ Лаурѣ производить мечты? Я колебался открыть о томъ медику, избѣгая насмѣшки. Полковой лекаръ, чело-вѣкъ лѣтъ тридцати, былъ добръ, весельчакъ, старателенъ и зналъ свое дѣло; изъ всѣхъ раненыхъ усердствовалъ мнѣ болѣе, навѣщалъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ; иногда обѣдалъ; я считался богатымъ офицеромъ. Въ вечернія посѣщенія, окончивъ перевяз-

ки, приказывалъ деньщику подать ему бутылку вина, или сахару, лимонъ и коньякъ, составлялъ пуншъ — и со вторымъ стаканомъ доказывалъ: что этотъ напитокъ необходимъ — предъ сраженіемъ, послѣ битвы, въ радости и горѣ. — Представьте себѣ, вы идете въ дѣло, и очень пріятное — убивать людей, которыхъ не знаете и никогда не видали; въ такомъ случаѣ этотъ единственный напитокъ возвышаетъ духъ, придаетъ куражъ. Сраженіе кончилось, хватите стаканчикъ и живѣе чувствуете оказанную вами храбрость. Вы веселы — пуншъ умножитъ радость; скучны — съ третьимъ пріемомъ ложитесь спать и засыпаете горе.

Въ одинъ вечеръ я встревожился необыкновенно; деньщикъ ушелъ на почту, узнать, нѣтъ ли писемъ отъ Лесто-ва или Чистякова, и вдругъ женщи-на, покрытая вуалью, съ прекраснымъ ребенкомъ на рукахъ, входитъ въ ком-

нату, становится, возлѣ постели. Я вздрогнулъ, хотѣлъ закричать, и посѣтительница исчезла. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ деньщика — онъ возвратился, и на вопросъ: не замѣтилъ-ли женщины, которая приходитъ ко мнѣ скрытно, онъ примѣтно оробѣлъ и оправясь божился, что никакой не видалъ. Отвѣтъ умножилъ мое безпокойство; я почувствовалъ сильную боль въ ранахъ; пришелъ медикъ, осмотрѣлъ и сказалъ: Антонъ Ивановичъ! вамъ стало хуже, вѣрно тоска снова овладѣла вами, скоро три мѣсяца пользую васъ и успѣхъ не отвѣчаетъ усердію. — Онъ перевязалъ раны, прописалъ микстуру, велѣлъ подать, по обыкновенію, кипятку съ принадлежностями, сѣлъ возлѣ кровати и началъ говорить.

»Князь, родственникъ вашъ, уведомилъ меня о причинѣ всегдашней грусти вашей. Я руководствовался тѣмъ, расположилъ способъ леченія и успѣха не ви-

жу. Разскажите мнѣ сами, мы потолкуемъ, если нужно, поплачемъ вмѣстѣ, и скажемъ: что было, то прошло, а что впередъ случится, все хорошо. Не унывайте молодой человекъ! въ сраженіяхъ вы презирали смерть, теперь мужайтесь, преодолевайте себя; не тотъ герой, кто не шадитъ жизни, а тотъ, кто побѣждаетъ страсти свои. Скорбь есть тоже болѣзнь: если питать ее, она обратится въ страсть и покоритъ разумъ волю своей.

Веселость медика, доброта и усердіе сдѣлали меня откровеннымъ. Я самъ желалъ передать ему чувства и открытіемъ тайны души искать утѣшенія.

Я началъ разсказъ съ училища, Туанеты. Прекрасно! закричалъ лекаръ: прекрасно! Славная женщина! Если она занеможетъ, ей пропишутъ двойную порцію! Ну, сударь, далѣе, далѣе.... Начало превосходно, вѣрно ко-

нецъ не подгадить. — Я продолжалъ матерію и коснулся къ Сашѣ... — Чортъ меня возьми! перебилъ собесѣдникъ: миленькая дѣвушка, прелесть.... Онъ повторилъ глотокъ въ полстакана. Люблю слушать такіе проказы, люблю, если эти овечки попадаютъ волкамъ, разумеется не тѣмъ, которые терзаютъ, а иначе.... Ба! да вы вздохнули?... Вѣрно, жаль стало Саши!

— Да, любезный Василій Ивановичъ! (имя товарища). Я часто думаю о ней; неизвѣстность участи беспокоитъ; мнѣ приходитъ мысль: если бъ я любилъ ее постоянно, сохранилъ вѣрность, то несчастіе не постигло бъ меня.

— Безъ сомнѣнія.... Продолжайте!

Я довелъ рѣчь къ важнѣйшимъ происшествіямъ жизни, къ Лаурѣ, дуэль, браку и смерти ея.

Хирургъ поставилъ стаканъ, отеръ слезы и сказалъ: Удачное начало кон-

чилось дурно. И такъ это одинъ только предметъ всегдашней горести вашей?

— Да! Лаура занимаетъ всѣ мысли, всегда и вездѣ образъ ее преслѣдуетъ меня.... и теперь....

— Что такое теперь?....

Я остановился, и только по сильному убѣжденію лекаря, продолжалъ: Не знаю, болѣзнь, разстроенное воображеніе, или въ самомъ дѣлѣ несуществующее въ порядкѣ вещей смущаетъ меня. Я рассказалъ о призракѣ....

— Призракъ въ женскомъ видѣ? странно!... Вы разсмотрѣли это таинственное существо? Хороша ли она собою?

— Лицо ея всегда закрыто. Въ этотъ день она подошла къ моей кровати съ ребенкомъ, прекрасное дитя....

— Ребенокъ? Это цѣлая исторія — удивительное дѣло! Любовь начинается какъ будто шутя, иногда скоро, часто продолжительно, и всегда оканчивается

ребенкомъ. Такъ она подходила къ самой постелѣ? Бѣдняжка! жаль, что вы больны, я думаю, она лучше бѣ хотѣла видѣть васъ здоровымъ, приласкать, разумѣется сказать нѣсколько словъ и только

— Василій Ивановичъ! вы шутите; я думаю иначе: это непостижимое существо есть моя Лаура — она приходитъ бесѣдовать со мною.

— Все Лаура . . . а почему жѣ не Саша? Вы, сударь, бредите! Мертвыя молодыя женщины не приходятъ къ мужчинамъ — особенно къ мужьямъ; что имъ дѣлать съ ними? Если бѣ старухи! это дѣло другое: я думаю, они и на томъ свѣтѣ ни кому не даютъ покою! Скажите, ваша проказница вѣрно одѣлась въ бѣлое платье, саванъ распустила волосы

— Нѣтъ, въ обыкновенномъ, простомъ платьѣ.

— Глупенькая! и нарядиться не умѣла! Теперь все знаю; вы скоро будете здоровы — бѣлье, корпія, бинты ускорятъ излеченіе. Послушайте: если она пожалуетъ сюда, не зѣвайте! схватите, увѣрьтесь, имѣетъ ли она тѣло и кости; если нѣтъ, то скажите: чуръ меня! а въ противномъ случаѣ придержите; Стѣпка (деньщикъ) сбѣгаетъ за мною: мы сдѣлаемъ анатомію шалунѣ. Однако жѣ, слушая васъ, я поплакалъ, развеселился; въ такомъ расположеніи духа закушу и за здоровье живой красавицы примусь за второй стаканъ.

— Добрый, веселый медикъ отужиналъ, кончилъ послѣднюю порцію и сказалъ: Прощайте, сударь! Вы извѣстный храбрецъ — пули вамъ кажутся орѣшками, а сабельные удары производятъ небольшое раздраженіе въ членахъ; вы подеретесь и съ мертвецами. Смотрите жѣ, если она придетъ, схватите....

и вы скоро будете здоровы; теперь я увѣренъ въ томъ.

Разсказъ о несчастіяхъ произвелъ во мнѣ удовольствіе, шутки Василия Ивановича развеселили, я уснулъ крѣпко; пробудился, и увидѣлъ на столѣ небольшую фарфоровую вазу съ прекрасными цвѣтами; позвалъ деньщика, спросилъ: кто принесъ цвѣты?

— Не знаю, сударь! Я ходилъ за сливками къ чаю, возвратился и увидѣлъ эту штучку на столѣ.

— Странно! удивительная тайна! Кто принимаетъ во мнѣ участіе? Я думалъ о непостижимой женщинѣ, терялся въ догадкахъ; медикъ прервалъ мои размышленія.

— Василий Ивановичъ! посмотрите, цвѣты на моемъ столѣ: неизвестно кто ихъ принесъ; я спалъ крѣпко.

— Прекрасный букетъ! Какой запахъ! Хорошо, что я не гомеопатъ, а то они полетѣли бъ за окошко. Те-

перь осмотримъ ваши раны.... Слава Богу! лучше! гораздо лучше! Еще нѣсколько такихъ подарковъ—и вы здоровы. Ну, я перевязку кончилъ; теперь подумаемъ, кто строитъ такія проказы? Осмотримъ вазу. А!... вотъ двѣ буквы: А и М. Не Андрей ли Максимычъ, нашъ фельдшеръ, пустился въ любезности? Нѣтъ! онъ три дня лежитъ съ похмѣлья. Не можете ли вы сами узнать, кто оказываетъ услуги?

— Нѣтъ, Василий Ивановичъ! тайна для меня непостижима. — Медикъ удалился, я сталъ думать и всѣ мысли обратилъ къ Лаурѣ и незнакомкѣ. Я увѣрился, что разсудокъ мой въ совершенномъ порядкѣ, и всѣ эти случаи не есть игра воображенія. Прошло три дня, мнѣ становилось лучше, призракъ не показывался; я сталъ думать о немъ, ожидать.... Въ четвертыя сутки Василий Ивановичъ позволилъ мнѣ сидѣть, выпивать по двѣ рюмки вина и увѣ-

рилъ, что скоро стану ходить. Наступилъ вечеръ и время перевязать раны; медикъ не приходилъ; я послалъ за нимъ деньщика, остался одинъ.... Вдругъ отворилась дверь—входитъ незнакомка: вуаль покрывала лицо ея, она держала на рукахъ ребенка; я взглянулъ быстро, она придвинулась ближе; робость моя исчезла.

— Таинственная женщина! скажи, кто ты?

Она молчала.

— Ахъ! сними покрывало! Не мучь меня! позволь узнать, кто принимаетъ участіе въ судьбѣ моей?

Она отдернула вуаль — и что жъ? върить ли глазамъ? Саша стояла предо мною!

Я вскричалъ громко: Саша! ты ли это? или обольстительная мечта явилась въ образѣ твоёмъ?

Тутъ вбѣжалъ медикъ. — Крезусъ! удивительный крезусъ! славный пере-

ломъ болѣзней! повторялъ онъ. Вотъ, сударь, и призракъ! Какой же миленькій! и не одинъ—съ товарищемъ—мальчикомъ... Мальчишка — плутишка, ты прекрасенъ!

Я смотрѣлъ, не понималъ, что со мною дѣлается и сказалъ: Не вѣрю... ты не Саша.....

— Точно я! повторила она: а это сынъ вашъ!

— Сынъ мой? Боже! если это мечта, продолжи ее.... Сынъ мой? Нѣтъ! не мечта, точно Саша предо мною!—И ты пришла отыскивать меня?

— Успокойтесь, перебилъ Василій Ивановичъ: я перевяжу раны; незнакомка подождетъ.

— Дайте мнѣ взять ребенка — и...

— Послѣ, послѣ; я въ минуту окончу. Слушайтесь, лягте. — Онъ принялся за свое дѣло. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Сашу, мальчика, онъ протягивалъ ко мнѣ ручонки. Теперь пус-

кай они говорятъ, а вы только слушайте, сказалъ лекаръ: я здѣсь лишній.

— Саша! разрушь мое очарованіе, скажи, какимъ случаемъ ты очутилась здѣсь? Точно-ли этотъ мальчикъ принадлежитъ мнѣ? Помнишь, ты оставила меня, измѣнила.

— Никогда! произнесла съ чувствомъ ескорбленная дѣвушка: предательство чуждо мнѣ; — ребенокъ вашъ! возьмите.

Я взялъ малютку, поцѣловалъ, посадилъ на постель; онъ лепеталъ: папа, папа. Я обнялъ мать и со вздохомъ повторилъ: ты измѣнила мнѣ?

— Нѣтъ! Сирота, воспитанная въ ничтожествѣ, всегда имѣла возвышенную душу. Выслушайте, и потомъ обвиняйте.

Я взялъ ее руку, помѣстилъ возлѣ себя, просилъ удовлетворить мое любопытство. Саша начала:

— Антонъ Ивановичъ! вспомните прошедшее и неогорчайтесь моими слова-

ми; вспомните, теперь говорить вѣрный другъ, а не та Саша, которая по неопытности покорила желаніямъ вашимъ! Узнавъ о бракѣ съ баронессою, всѣ горести я похоронила въ душѣ своей; благородная горделивость возбудила во мнѣ твердость: я не хотѣла васъ видѣть, унижаться, плакать и слезами упрекать въ измѣнѣ. Я продала всѣ излишнія вещи и съ деньгами скрылась: наставало время получить названіе матери; я рѣшилась на этотъ поступокъ для ребенка, а въ случаѣ его смерти — возвратитъ вашу собственность. Я содержала себя и это невинное твореніе трудами рукъ своихъ. Бракъ вашъ свершился; въ презрѣннѣйшей оставленной, не роптала на судьбу свою, и вдругъ слышу о несчастномъ случаѣ: бѣгу въ домъ вашъ, узнаю подробности; сердце мое облилось кровію.... Я увѣрена, что страдала не менѣе васъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ вы лиши-

лись супруги, званія, разстроились и отправлены въ армію. Съ этимъ извѣстіемъ я пришла къ Чистякову, принесла ему девять тысячъ, просила переслать къ вамъ. Онъ принялъ меня ласково, отказался взять деньги и дозволилъ навѣщать. Черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ самъ — и со слезами увѣдомилъ, что вы опасно ранены и тоска о супругѣ препятствуетъ выздоровленію. Я затрепетала отъ ужаса, и вдругъ странная, рѣшительная мысль поселилась во мнѣ. Помните, начальникъ внезапно извлекъ васъ отъ болѣзни? Я подумала: почему жъ и мнѣ не имѣть успѣха? Положимъ, онъ погубилъ меня, истребилъ изъ памяти, сердца; но дитя.... О! эта мысль оживила меня. Вотъ спѣшу къ Чистякову, передаю ему мысли: онъ удивился рѣшительности, одобрилъ и способствовалъ къ отъѣзду. Окончивъ продолжительный путь, я пришла къ ва-

шему доктору, открыла мое намѣреніе; онъ съ радостію согласился, уговоривъ деньщика способствовать мнѣ. Я приходила къ окну вашей квартиры, иногда въ комнату, принесла бѣлье, и наконецъ этотъ букетъ. Благодарю Бога! пламенное мое желаніе свершилось: вы скоро будете здоровы.

— Антонъ Ивановичъ! я сказала все; не осуждайте мой поступокъ, не подумайте, что страсть заставила отыскивать васъ! Нѣтъ! вашъ сынъ — онъ спѣшилъ со мною избавить васъ отъ смерти.

Дѣвушка умолкла; слезы осѣнили щеки ея.

— Милая, добрая Саша! ты опять со мною? Чѣмъ вознаградить любовь, пожертвованія твои? Теперь мы.... Нѣтъ! нѣтъ! никто не замѣнитъ мнѣ Лауру!...

Она поспѣшно отерла слезы и съ твердостію отвѣчала: Я это знаю; спѣ-

шила сюда показать сына; для него вы должны сохранить дни свои. — Этимъ наградится усердіе мое; тѣмъ окончу всѣ желанія мои.

— Я огорчилъ тебя — имя Лауры невольно вылетѣло изъ устъ моихъ. Я смотрѣлъ пристально на дѣвушку: — она не измѣнилась, все была прекрасна и какое-то благородство придавало новую прелесть полному, румянному лицу ея. Другъ мой! согласишься со мною: я оплакиваю Лауру, я видѣлъ въ ней необыкновенную женщину: она любила меня.

— Точно, вы правы; я сама проливали слезы непритворной горести, узнавъ о кончинѣ ея; забыла соперницу, видѣла жертву несчастія. Не спорю, она любила васъ и, какъ образованная дѣвица, умѣла сильнѣе привлечь и выражать чувства свои.

— Чувства ее согласовались съ твоими, въ нихъ не было притворства.

Но обратимся къ прошедшему. Ты внезапно скрылась.... Ахъ! если бѣ знала, какъ это поразило меня. Я приходилъ въ отчаяніе, отыскивалъ милую бѣглянку и конечно бѣ нашелъ, если бѣ....

— Если бѣ не бракъ вашъ и несчастный случай.... Они истребили меня изъ памяти вашей.

— Нѣтъ, божусь тебѣ, ты постоянно находилась въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ же отворотилась отъ меня, вырвала руку, потупила глаза? Постои! вотъ заступникъ! Милое дитя, проси мать, чтобъ простила меня. — Малютка задепеталъ: мама, мама, и ласкался ко мнѣ.

Саша придвинулась ближе, опустила голову на раненое плечо мое; я обнялъ милую гостью; мальчикъ карабкался къ намъ на колѣни и голосъ медика вывелъ насъ изъ усыпленія.

— Теперь я вижу, этот призракъ составленъ изъ тѣлеснаго вещества и иначе бѣ рассыпался отъ прикосновенія. — Онъ принесъ ребенку лакомство и погремушку. — Мальчикъ слѣзъ съ постели и началъ играть. — И такъ, Антонъ Ивановичъ! продолжалъ весельчакъ: вы теперь здоровы; скоро отправитесь въ полкъ; кому оставите Александру Матвѣевну и мальчишку шалуна? Ахъ, Господи! какъ онъ похожъ на васъ: иной подумаетъ, что вы отецъ ему.

Саша покраснѣла; я отвѣчалъ: они останутся здѣсь. Если возвращусь изъ арміи, то поспѣшу съ ними на родину. Любезный Василій Ивановичъ! вы знаете повѣсть моей жизни; слышали объ этой дѣвушкѣ?

— Какъ же! мнѣ показалось, что вы отречетесь отъ нее. Я такъ теперь веселъ, что останусь съ вами ужинать. — Это не помѣшаетъ, говорите

свободно, даже поцѣлуйтесь: медицина тому не препятствуетъ.

Я не спускалъ глазъ съ Саши, ласкалъ мальчика, бралъ на руки, иногда прижималъ милую гостью къ груди своей — она не противилась и только не отвѣчала ласкамъ моимъ. Василій Ивановичъ принялся за второй пріемъ, для перемѣны съ ромомъ, и сказалъ: готовъ спорить со всеми, что самый ученѣйшій врачъ изобрѣлъ эту спасительную микстуру! Александра Матвѣевна! вы улыбнулись? Извольте, я докажу это логически: микстуру составляютъ изъ разныхъ веществъ, травъ, кореньевъ, ядовитыхъ частицъ и всякой дряни; здѣсь то же самое — только въ лучшемъ видѣ: дунайская вода, сахарный тростникъ, цитронная кислота и ямайскія капли. Однако жъ мы закалялись; теперь девять часовъ, простимтесь съ больнымъ. Позвольте проводить васъ до квартиры?

Я разцѣловалъ ребенка; простился съ Сашей, остался одинъ и думалъ о странномъ случаѣ, неизмѣнной приверженности дѣвушки: всѣ воспомина- нія начальной любви нашей пришли на память; вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей. Лаура! я измѣняю тебѣ! Нѣтъ! ты не потребуешь излишней жертвы! Я все сдѣлалъ, искалъ смерти, черты твои похоронилъ въ сердцѣ моемъ; а теперь долгъ, честь, дитя влекутъ меня къ первому предмету..... Успокойся, прекрасная! она имѣетъ твою душу: мы станемъ вспоминать о тебѣ, станемъ вмѣстѣ плакать объ Лаурѣ!

Саша и маленькій Антонъ съ утра до вечера находились со мною. — Первая скоро забыла мою измѣну и нашла нѣжную струну въ моемъ сердцѣ, напоминала объ Лаурѣ, питала мою горестъ и стала необходима. Василій Ивановичъ веселилъ шутками, радовался любви нашей, и что самыя ужасныя

случаи въ жизни нашей, потерявъ свою силу, оставляютъ одно воспоминаніе. Это весьма натурально: вы не забыли супруги, думаете объ ней, скучаете; показывается дѣвица столь же прекрасная, добра, привязана къ вамъ — и вы, потерявъ Лауру, находите въ ней Александру.

Раны мои стали заживать; я спѣшилъ отправиться къ арміи и получилъ извѣстіе отъ князя, что война окончена и заключенъ миръ. Я замѣтилъ въ письмѣ родственника неудовольствіе и узналъ тому причину: онъ проигралъ послѣднія деньги, поссорился съ товарищами и получилъ приказаніе оставить службу.

Съ окончаніемъ войны я вздумалъ возвратиться на родину. Саша съ восторгомъ одобрила мое намѣреніе. Я подалъ прошеніе къ отставкѣ и скоро съ пенсіономъ за неизлѣчимыя раны получилъ увольненіе.

Со слезами я простился съ добрымъ медикомъ моимъ, положилъ ему въ руку двѣсти рублей; онъ сначала обидѣлся, не хотѣлъ принять; я напомнилъ ему, что онъ женатъ, имѣетъ дѣтей. — Да, ваша правда; я Малороссъ, жена и малютки живутъ въ Полтавѣ, такъ отошлите туда мою благодарность. Спасибо! Полковой лекаръ въ армейскомъ полку рѣдко имѣетъ такіе бенефисы! — Онъ поцѣловалъ меня и провожалъ нѣсколько верстъ за городъ.

Вотъ я возвратился въ столицу, на мѣсто счастья и бѣды моихъ; спѣшу въ домъ — и вмѣсто строенія вижу одинъ заборъ; спрашиваю въ мелочной лавкѣ, получаю отвѣтъ: что сильный пожаръ истребилъ нѣсколько домовъ и мой сталъ жертвою пламени. Саша заплакала, я вздохнулъ и приказалъ вести насъ къ Чистякову.

Добрый опекунъ принялъ насъ съ восторгомъ, обнималъ меня, благода-

рилъ Сашу, оказывалъ радость отца, который, считая сына потеряннымъ, нечаянно встрѣтился съ нимъ. Онъ увѣдомилъ, что мѣсто сгорѣвшаго дома продалъ, и весь капиталъ состоитъ въ 30-ти тысячахъ. Я поспѣшилъ къ Лестову; встрѣча соответствовала взаимной дружбѣ.

Чистяковъ открылъ мнѣ необходимыя подробности. — Туанета овдовѣла, чрезъ шесть недѣль обвѣнчалась съ молодымъ иностранцемъ; мужъ чрезъ мѣсяцъ обобралъ ее, уѣхалъ за границу и оставилъ въ совершенной крайности. Лизу удачно выдали замужъ и вмѣсто полученныхъ отъ меня 10 тысячъ дали только пять; Искуса Ловилова за разные бездѣльничества заключили на два года въ тюрьму, а должника моего Пылина и порукъ, какъ злостныхъ банкротовъ, сослали на поселеніе.

Опекунъ совѣтовалъ устроить планъ моей жизни, отыскалъ выгодный домъ,

на Пескахъ; я купилъ, женился на Сашѣ, и въ самой умѣренной жизни отыскалъ покой и отраду, которыхъ не находилъ въ шумномъ, роскошномъ свѣтѣ. Саша стала опытною хозяйкой и лишнія деньги пустила въ оборотъ.

Въ семейномъ кругу я забылъ всѣ мечтательныя виды свои: блескъ, чины, шумъ свѣта, и съ горестію вспоминалъ о бурной юности моей. Лаура осталась незабвенна, мысль объ ней сдружилась со мною. Я часто ходилъ къ могилѣ, бесѣдовалъ съ нею; Саша плакала со мною. Я думалъ, что между живымъ и мертвымъ существомъ раздѣлялась любовь моя. Двадцать лѣтъ протекали дни мои въ мирѣ, они казались скоротечны и снова стали продолжительны: я лишился жены. Кажется, смерть завидовала мнѣ и преслѣдовала неумолимо. Я оплакалъ невозвратную потерю и занялся участіемъ дѣтей — сынъ поступилъ на службу и

довольно счастливо; двухъ дочерей выдалъ замужъ. Утѣшаясь внучатами, каждую недѣлю навѣщаю кладбище, приношу душевную дань двумъ подругамъ моей жизни. Лестовъ остался непрѣмьнымъ другомъ, своякъ разстроился въ имѣніи и съ женою уѣхалъ навсегда въ небольшую деревушку свою. Я живу одинъ, старость приблизилась, часто открываются раны и беспокоятъ. Отъ скуки или бездѣлья познакомился съ сосѣдями; иногда навѣщаю съ ними винный погребокъ, гдѣ и началъ читать исторію моей жизни. — Она кончена. — Желая, чтобъ пороки и несчастія мои послужили спасительнымъ примѣромъ молодымъ людямъ, особенно въ сословіи, которое я столь безразсудно оставилъ. Они прочтутъ и увидятъ, сколь не прочны удовольствія жизни, если не имѣютъ основаніемъ добродѣтели.

Благодарю, Мафусъ! повесть Судьбина то же испытаніе: въ ней выставлены лица, весьма схожія съ тѣми, которыя видѣлъ посредствомъ магическихъ очковъ. — Молодой человекъ, любимецъ счастья, показался въ свѣтъ обманчивымъ путемъ; окруженный мнимыми друзьями, ввѣрялся имъ не обдумавъ послѣдствій; они пользовались избыткомъ, видѣли въ немъ источникъ, готовый разливаться къ удовлетворенію собственныхъ желаній своихъ. Скоро эти друзья, какъ дождевые пузыри, съ первыми лучами солнца исчезали. Быстрыми шагами онъ шелъ по скользкому пути жизни; все льстило ему, подавало надежду и успѣхами обратило въ дерзость. Наконецъ все измѣнилось — настали мрачные дни; онъ съ ужасомъ вспомнилъ о бурной юности и поздно, обманутый людьми, преслѣдуемъ врагами, увидѣлъ льсте-

цовъ въ обнаженномъ видѣ. Пожалѣемъ Судьбина и согласимся, что при всѣхъ несчастіяхъ онъ имѣлъ въ Чистяковѣ покровителя, а въ Лестовѣ вѣрнаго товарища, любилъ двухъ прелестныхъ женщинъ, оскорблялъ ихъ жестоко, онъ страдалъ и сохранилъ къ нему вѣрность до гроба. Въ этомъ отношеніи я не могу сравниться съ Судьбинымъ: онъ любилъ, измѣнялъ и ему платили постоянствомъ; я любилъ только одну, и та наполнила горестію дни мои. Ахъ, Мафусъ! развяжи узелъ моей жизни: ты познакомишь меня съ людьми, возврати дѣтей, свободу — и коварство свѣта не устраситъ меня!

Однако жъ подумаемъ, что теперь дѣлать? Какая-то необыкновенная сила влечетъ меня въ столицу, духъ ранѣе четырнадцати дней не посѣтитъ; зачѣмъ онъ не оставилъ меня въ городѣ? Я могъ бы еще употребить очки, взглянуть на новые предметы. Что смот-

рѣть? Я видѣлъ добрыхъ и злыхъ, умныхъ и безумныхъ; они вообще производили во мнѣ состраданіе; одни умъ употребляли во зло, другіе, лишась его, искажали существо человѣка. Я видѣлъ лесть, обманъ, предательство во всѣхъ отношеніяхъ: за что жъ мнѣ роптать на судьбу? Что случилось со многими, то вышло и со мною — съ тою разницею, что одни сами отыскивали свою гибель, а я по неопытности и случайно подвергся ей. Пойду въ библіотеку, не отыщу ли книгъ, чтобъ развлечь свои мысли и развеселиться.

Онъ взялъ нѣсколько экземпляровъ, перелистывалъ, положилъ и со вздохомъ сказалъ: Что читать? Я видѣлъ въ натурѣ дѣйствіе страстей, неоспоримыя истины: зачѣмъ ихъ отыскивать въ сомнительныхъ предположеніяхъ? Теперь 11 часовъ, лягу спать; утромъ пушусь стрѣлять волковъ — они здѣсь размножились и стали такъ дерзки, что днемъ

таскаютъ овецъ. Право, это странно: алчные, кровожадные звѣри бросаются на добычу, рвутъ ее на части и подерутся между собою; при видахъ корысти и раздѣлъ, я не замѣтилъ такой умѣренности въ людяхъ.

Прошло семь продолжительныхъ дней, и чѣмъ болѣе сближалось время къ появленію Мафуса, тѣмъ Розальмъ становился нетерпѣливѣе; волки перестрѣляны, остатки разбѣжались, мѣсто ихъ заняли сосѣди.

Всякая пословица большею частію имѣетъ свое значеніе отъ истины; на примѣръ: »земля слухами полна.« Эту пословицу испыталъ Розальмъ: пронесся слухъ, что онъ разбогатѣлъ, имѣетъ отличный столъ и превосходныя вина; сосѣди спѣшили съ нимъ дружиться и хотя нѣсколько лѣтъ не заѣзжали къ бѣдняку, удалялись какъ отъ чумы, а тутъ наперерывъ спѣшили къ нему въ домъ.

Первый посѣтитель рослый, дюжій дворянинъ; онъ прокутилъ большую часть имѣнія, поселился въ небольшой деревушкѣ, она по ничтожности своей уцѣлѣла отъ продажи. Сосѣдъ, г. Тузиловъ, пріѣхавъ къ Розальму, и, какъ водится, спросивъ о здоровьѣ, пустился въ разговоръ, завелъ рѣчь о собакахъ, лошадяхъ, и потомъ увѣдомилъ, что имѣетъ жену, шестерыхъ дѣтей, они живутъ съ нимъ вмѣстѣ, становятся въ тягость, и по деревенскому обыкновению, безъ приглашенія, остался обѣдать, ужинать и ночевать.

Вторымъ посѣщеніемъ удостоила сосѣдка, г. Погремушкина. Она пріобрѣла славу знаменитой свахи; услышавъ, что Розальмъ разбогатѣлъ, живетъ одинъ и считавъ его холостякомъ, предложила свои услуги — и невѣсту Горланину: вдовушка, по увѣренію свахи, имѣла 100 душъ, сорокъ одинъ годъ и всѣ пріятности дѣвицы въ шестнадцать лѣтъ.

Вотъ пожаловалъ и уѣздный докторъ съ маленькою головою и огромнымъ брюхомъ; онъ по близости вскрывалъ мертвое тѣло, и мимоѣздомъ завернулъ къ сосѣду предложить свое знакомство и искусство — послѣднее испытали многіе покойники, которыхъ онъ лечилъ. Ученый мужъ присѣлъ къ столу, началъ кушать за троихъ, а пить за шестерыхъ; утоливъ наскоро требованіе желудка, сталъ доказывать, что умѣренность въ пищу, а особенно въ питье, есть лучшее средство сохранять здоровье. Къ нему присосѣдился землемѣръ, и когда медикъ твердилъ объ умѣренности, то онъ кричалъ: вздоръ, сударь! вздоръ! я съ утра до ночи брожу въ поляхъ и лѣсахъ съ астрелябією, цѣпью и саженью, всегда имѣю при себѣ провизію, особенно витейную; въ холодную, сырую погоду она согрѣваетъ, лѣтомъ поддерживаетъ силы и внутренней теплотой выгоняетъ вредныя испарины.

Изъ почтенныхъ собесѣдниковъ болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе господинъ Линдоровъ, малорослый худощавый человѣкъ лѣтъ въ шестьдесятъ; онъ пріѣхалъ въ крытомъ возкѣ или, вѣрнѣе сказать, въ законопаченномъ; чтобъ сохранить себя отъ холоду, надѣлъ двѣ медвѣжьи шубы, одну задомъ напередъ, чтобъ не простудить грудь, а вторую обыкновеннымъ порядкомъ; на головѣ имѣлъ ватный колпакъ и теплую шапку, ноги упряталъ въ длинныя мѣховыя сапоги. Съ приходомъ въ переднюю, два человѣка насилу его выпутали изъ медвѣжьихъ шкуръ. Онъ пожаловалъ къ самому обѣду и просилъ хозяина назначить ему теплую комнату, гдѣ не простудясь можить переодѣться. Чрезъ часть времени г. Линдоровъ вышелъ, причесанъ, опрысканъ духами и разрумяненъ, поклонился всѣмъ съ ловкостію, сказалъ нѣсколько словъ, посмотрѣлъ чистъ ли

стулъ, и сѣлъ. Докторъ увѣдомилъ хозяина, что этотъ престарѣлый ребенокъ искалъ славы артиста, въ домашнихъ театрахъ занимаетъ роли любовниковъ и поетъ. Въ одной оперѣ разстроилъ грудь, простудился, охрипъ; сталъ лечиться, и какъ за визиты платилъ романсами и нотами, то по совѣту медиковъ отправился въ деревню на годъ, лѣтомъ пользоваться воздухомъ, бродить по долинамъ, лѣсамъ и восхищаться природою, а зимой, какъ медвѣдю въ берлогѣ, лежать въ теплой комнатѣ, тѣмъ поправить пискливый свой теноръ и улучшить физическія недостатки.

Розальмъ безъ помощи магическихъ очковъ разсмотрѣлъ всѣхъ посѣтителей, и только изъ приличія не препятствовалъ имъ оставаться въ домѣ.

Вотъ насталъ и осьмой день скуки и неудовольствія хозяина; гости веселились, шумѣли; звонкій голосъ г-жи

Погремушкиной разливался на подобіе колокольчика; докторъ хотѣлъ всѣхъ личить, землемѣръ чертилъ каракули на стѣнахъ, а Линдоровъ распѣвалъ разные куплеты изъ оперъ. Къ счастью, г-нъ Тузилинъ осушилъ нѣсколько стакановъ съ пуншемъ, начиналъ дремать и повелительно приказывалъ не шумѣть; длинныя руки и огромныя кулаки заслужили всеобщее уваженіе, особенно въ г. Линдоровъ: при первомъ словѣ дюжаго сосѣда, онъ переставалъ пѣть и забивался въ уголъ.

Наконецъ показалось новое лице — Теодоръ. Розальмъ бросился къ нему на встрѣчу, обнялъ, повелъ въ кабинетъ, спрашивалъ когда оставилъ домъ скорби, и что съ нимъ случилось.

Теодоръ, привѣтствуя хозяина съ чувствомъ благодарности, снѣшилъ удовлетворить любопытство.

» Два дня какъ я получилъ свободу и мысль о Рудольфѣ и Кларѣ посели-

лась во мнѣ. Бѣжать къ нимъ, отмстить — стоило нѣсколькихъ минутъ. — Я приблизился къ пагубному дому, вспомнилъ вашъ совѣтъ и слова: эти люди столь презрительны, что не стоятъ и мщенія. Я пошелъ къ одному пріятелю и услышалъ странную новость. Черезъ нѣсколько дней послѣ брака Рудольфа съ Кларою, одинъ молодой человѣкъ навѣстилъ ихъ, за столомъ неумышленно сказалъ, что былъ въ домѣ умалишенныхъ, видѣлъ меня и описалъ весь ужасъ моего положенія. Внезапный рассказъ сильное произвелъ вліяніе надъ Кларою: она впала въ задумчивость, тоска и раскаяніе овладѣли ею. Рудольфъ, замѣтя перемѣну жены и явную къ нему холодность, принялъ это слишкомъ горячо, сталъ укорять въ первой любви; та не таилась, открыла свободно свои мысли и что совѣсть терзаетъ ее. Тутъ начали происходить частыя ссоры; кроткая въ дѣвицахъ

Клара, ставъ женщиною, перемѣнила нравъ свой; ни въ чемъ не уступала мужу. За неудовольствіями послѣдовала ревность; Рудольфъ часто запиралъ жену, та называла его мучителемъ, тираномъ и на зло ему обращалась свободно съ молодыми людьми, которыхъ Рудольфъ не терпѣлъ. Домашнія неудовольствія кончились весьма невыгодно для супруговъ: мужъ сталъ суровъ, сварливъ, ко всякой бездѣлкѣ придирался, а Клара, отъ безпрестанныхъ слезъ и угрызенія совѣсти, получила признаки чахотки. Доктора навѣщаютъ ее и тѣмъ болѣе ожесточаютъ Рудольфа: онъ, вмѣсто любви молодой, прекрасной жены, увидѣлъ въ ней сварливую, больную женщину. Въ заключеніе узнавъ, что я скоро получу свободу, увезъ Клару въ деревню, гдѣ и держитъ за присмотръ, чтобъ она не бѣжала и не увидѣлась со мною. Вотъ, что мнѣ раз-

сказывалъ пріятель. Я пролилъ слезы душевной горести объ участи измѣнницы, далъ ему довѣренность возвратить мою собственность, и поспѣшилъ къ вамъ.»

— И поступилъ весьма благоразумно. Будь доволенъ, ты слишкомъ отмщенъ: семейственный раздоръ есть величайшее зло и несчастіе, послѣднее ни съ чѣмъ сравнить не можно. Въ болѣзни, бѣдности, мы еще имѣемъ надежду, что первая пройдетъ, а вторая измѣнится; но тутъ совсѣмъ другое — смерть посѣщаетъ однажды, оканчиваетъ всѣ горести наши, — и такъ Рудольфъ съ Кларою, въ ожиданіи ее, должны терзаться, что сами виновники несчастіймъ своимъ.

— Правда, я отмщенъ, но мести не утѣшаетъ меня: еще Клара не истреблена изъ сердца, еще воображеніе наполнено ею . . .

— Опять мечты и Клара! Ты услышишь объ Юліи, и согласишься, что я болѣе претерпѣлъ; но время и разсудокъ превратили любовь въ одно презрѣніе.

Прошло четырнадцать дней, настало утро; парныя сани вѣзжаютъ во дворъ, выходитъ молодой человѣкъ, Розальмъ вскрикиваетъ отъ радости и бѣжитъ къ нему на встрѣчу.

— Покровитель мой! ты сдержалъ слово!

— Да! отвѣчалъ Мафусъ: я спѣшилъ замѣнить твоихъ гостей и провести съ тобою часъ времени.

— Только часъ? а тамъ....

— Тамъ еще увидимся, и ты болѣе не найдешь во мнѣ надобности.

— Напротивъ, во всю жизнь мою стану призывать тебя, просить совѣтовъ, исполнять приказанія...

— Это лишнее! Посмотри, тройка мчится, новый гость спѣшитъ сюда.

Кибитка остановилась. Дворянскій засѣдатель вбѣжалъ въ комнаты, обнялъ хозяина и радостно сказалъ: Поздравляю! вы свободны, можете и должны посѣлится въ столицу. Прошеніе на имя г. Н. произвело чудесную перемѣну въ судьбѣ вашей.

— Мое прошеніе?....

— Точно, сударь! вотъ и отвѣтъ....

Изумленный Розальмъ не понималъ, что говорятъ ему, посмотрѣлъ на духа и услышалъ: Тутъ нечему дивиться; распечатайте конвертъ.

Розальмъ исполнилъ и читалъ;

»Молодой человѣкъ! несчастія ваши извѣстны мнѣ; я удостовѣрился въ истинѣ. Враги ваши получили достойное наказаніе. Г-ну Д. дорого стоила ошибка и коварство женщины. Я заступилъ его мѣсто и жду васъ. Не подумайте, что я по родству принимаю участіе: нѣтъ! вы правы и должны получить удовлетвореніе.

— Возможно ли? мой родственникъ на мѣстѣ г. Д. . . . О, Мафусъ! — Онъ подошелъ къ нему, съ слезою благодарности пожалъ руку и сказалъ: прошло четырнадцать мучительныхъ дней и быстро насталъ окончательный несчастіямъ моимъ.

Изумленные гости, при имени г. Н., соскочили съ мѣстъ своихъ, пустились въ поздравленія, смотрѣли съ почтеніемъ на Розальма. Медикъ сказалъ: Радуюсь и душевно жалѣю, что мнѣ не удалось лечить столь добраго и почтеннаго сосѣда, а г. Линдоровъ далъ честное слово сочинить куплеты и воссѣть славу знаменитаго изгнанника!

Розальмъ благодарилъ шумную компанію, просилъ на прощаньи отобѣдать съ нимъ, не жалѣть вина, и вышелъ съ Мафусомъ въ особую комнату.

— Добрый покровитель мой! я увѣренъ, что всѣмъ обязанъ тебѣ; но ска-

жи какъ это случилось? Что значить прошеніе, перемѣна г. Д. . . . и

— Первое весьма натурально: на другой день нашего знакомства я подалъ просьбу отъ твоего имени; а — второе произошло отъ жены твоей: она посѣдѣлаго сибарита завлекла слишкомъ далеко и въ располхъ подложила ему бумагу, которая лишила его мѣста. Это случилось годъ назадъ, и въ это время все измѣнилось; родственникъ твой, справедливый вельможа, возвратилъ тебѣ свободу, имѣніе, и если ты захочешь, то сдѣлаетъ еще болѣе. Пріѣхавъ въ городъ, явился къ нему; онъ увѣдомить подробно обо всемъ.

— Нѣтъ словъ благодарить тебя! — Теперь прошу объ одномъ: удовлетвори мое любопытство относительно смерти тестя, и что случилось въ семействѣ моемъ?

— Любопытство прилично только женщинамъ; подожди, въ необходи-

мыхъ случаяхъ я всегда съ тобою; при томъ очки...

— Они отказались служить мнѣ.

— За то теперь окажутъ новую услугу. Прощай!

Розальмъ упрашивалъ духа остаться еще на малое время; тотъ сказалъ рѣшительно: нѣтъ! и мгновенно исчезъ.

Гости принялись за обѣдъ, по деревенскому правилу ѣли до устатка и пили до тѣхъ поръ, что у многихъ начинало рябить въ глазахъ. Въ шесть часовъ карета и повозка стояли у крыльца, люди все приготовили къ отъѣзду. Онъ съ Теодоромъ помѣстился въ первой. Шумная толпа съ стаканами въ рукахъ, съ крикомъ, желали радушному сосѣду счастливый путь и всѣхъ благъ. Онъ благодарилъ и сказалъ: прощайте!

Розальмъ простился съ домомъ и сосѣдами различно, какъ за нѣсколько

лѣтъ оставилъ свое имѣніе и спѣшилъ къ Юліи, пылая мщеніемъ къ врагамъ своимъ; теперь совсѣмъ другое: онъ спѣшилъ въ восторгъ, увидѣть дѣтей, и — погрузился въ задумчивость; но эта задумчивость не производила горестныхъ воспоминаній, а напротивъ оживлялась надеждою. Новый товарищъ Теодоръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на покровителя и рѣшился прервать молчаніе.

— Розальмъ! ты открылъ мнѣ всѣ случаи жизни своей, увѣдомилъ о благодѣтельномъ духѣ, чему я мало вѣрилъ; теперь участь твоя внезапно измѣнилась, ты свободенъ, спѣшишь къ случайному родственнику, увидишь дѣтей, возвратишь имѣніе и потерянные права свои. По словамъ твоимъ вездѣ дѣйствовалъ Мафусъ; гдѣ жъ это непостижимое существо, которое ты видишь одинъ?

— Ты видѣлся съ нимъ!

— Я?

— Да ! ловкой молодой мущина — онъ прїѣзжалъ утромъ и скоро оставилъ насъ — это Мафусъ.

— Признаюсь! онъ хорошъ собою и врядъ ли кто видѣлъ прекраснѣе чорта!

— Духъ показывался не въ настоящемъ своемъ видѣ, а собственно принадлежащій ему не слишкомъ красивъ: онъ до половины косматъ, имѣетъ рога и хвостъ; однако жъ я присмотрѣлся къ нему — и часто думалъ: Мафусъ носитъ натуральные рога, онъ сносно тѣхъ, которые приставляютъ къ нашимъ головамъ, а хвосты я видѣлъ гораздо длиннѣе — видѣлъ, какъ они волочатся по землѣ, сметають пыль и грязь, иные вязнутъ тамъ, а другіе отъ внезапнаго порыва вѣтра подымаются высоко.

Три дня продолжался путь. Друзья, по очереди, казались веселы и скучны; одинъ думалъ о семействѣ, другой о Кларѣ — съ пустотой въ сердцѣ, въ без-

плодномъ ожиданіи вздыхалъ; Розальмъ подражалъ ему и мечталъ о Серафимѣ.

Наконецъ они достигли города, проѣхали заставу (мѣсто перваго испытанія), и Розальмъ съ радостію показалъ товарищу на ограду и кладбище: Здѣсь я встрѣтилъ прекрасную дѣвушку; если бъ ты видѣлъ какъ она мила, если бъ слышалъ голосъ, поцѣловалъ полную бѣлую ручку, тогда бъ забылъ невѣрную Клару и....

— Нѣтъ! чѣмъ она прекраснѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ недовѣрчивость, душа ея закрыта и....

— Напротивъ, она чиста какъ лазурь небесная! и прекраснѣе лица.

— Поздравляю! Да, кажется, и жена твоя...

— О, перестань! зачѣмъ вспоминать ужасное мнѣ имя? Я здѣсь....

— И началъ любить другую — это весьма натурально: одна измѣнила, другая общаетъ вѣрность.

— Брось всегдашнія твои сомнѣнія, взгляни на Серафиму — и увѣрься въ противномъ.

Случайный родственникъ принялъ благосклонно Розальма и открывъ все подробности, продолжалъ: Г-нъ Де..., первый виновникъ несчастій вашихъ, пострадалъ жестоко за Юлію; она, пользуясь случаемъ, пустилась на все дерзости и постыдные поступки, промоталась совершенно, и чтобъ избѣгнуть нищеты, обманула покровителя. Неосторожный предметникъ мой, какъ главный опекунъ, позволилъ продать имѣніе; нашлась покупщица и скоро окончили дѣло. Одинъ дальній родственникъ, изъ состраданія къ дѣтямъ, возшелъ въ процессъ, къ этому подослали фальшивые акты графа Голина, за поручительствомъ барона; все это приложи къ слабости г-на Де... и, какъ участника, заставила выкупить имѣніе и сдать новымъ опекунамъ. Юлія (я не

придамъ ей вашей фамиліи) смѣялась несчастію покровителя, и захвативъ все деньги послѣ продажи деревень, пустилась въ новыя безразсудки, въ скоромъ времени промотала все, и конечно бѣжала изъ города, если бѣ ее не задержали. Теперь она въ совершенной крайности, разлучена съ дѣтьми, родствомъ; первыя отданы надежнымъ людямъ. Баронъ, какъ безумный горделивецъ, осмѣянный всеми, не могъ перенести презрѣнія, за немогъ, не имѣлъ средства лечиться дома, отправленъ въ госпиталь и умеръ какъ нищій. Тещъ вашей съ сестрицею велѣли жить въ готическомъ замкѣ и не вѣзжать въ городъ; почтенный Доминусъ лишился званія, а графъ Голинъ до рѣшенія дѣла заключенъ въ тюрьму; словомъ: все враги ваши истреблены, какъ вредные люди въ обществѣ. Чрезъ нѣсколько дней вы получите письменное подтвержденіе

словамъ моимъ и снова вступите въ права свои, которыхъ лишались столь несправедливо.

Розальмъ вышелъ отъ родственника въ полномъ удовольствіи и всю благодарность относилъ къ единственному покровителю, Мафусу. Онъ думалъ, что вельможа, въ чаду скоротечной пышности, врядъ ли вспомнилъ о бѣдномъ родственникѣ, забытомъ въ цѣломъ мірѣ. Онъ разсказалъ Теодору о приѣмѣ и поспѣшилъ къ дѣтямъ.

Трудно выразить эту минуту! минуту, въ которую сердца наши, всѣ чувства наполнены одной любви и восторга. Малютки бросились въ объятія отца; при всей невинности и слабости понятій они помнили, что разлучены съ нимъ — и въ чужихъ рукахъ ожидали возврата родителей. Розальмъ лобызалъ дѣтей, и проливалъ слезы душевной радости.

Когда утихъ первый восторгъ кровной любви, этой взаимной силы чувствъ, которая, соединивъ семейство, составляетъ счастье непрочной жизни нашей, то Розальмъ, поблагодаривъ добрыхъ попечителей сиротъ, съ торжествомъ взялъ ихъ съ собою.

Съединясь съ милыми сердцу, онъ занимался ими до самаго вечера, ласкалъ, спрашивалъ — въ полномъ удовольствіи вошелъ въ свою комнату и . . . голосъ произнесъ: Розальмъ! я сдержалъ слово! дѣти съ тобою; теперь не мѣшаетъ взглянуть на Юлію. — Ахъ, Мафусъ! вскричалъ Розальмъ: я немедленно исполню волю твою. — Духъ продолжалъ: вооружись твердостью, будь мужчина; ожидающая сцена коснется сердцу и можетъ наполнить горестію душу твою.

Юлія, нѣкогда прекрасная, подруга роскоши и нѣги, лежала на простой кровати, въ сырой, запачканной ка-

моркъ; изголовьемъ ей служила нечистая подушка, покрываломъ рваное одѣяло, прислугою одна старая, безобразная женщина. Розальмъ вошелъ въ жилище бѣдности и скорби, увидѣлъ Юлію и съ трудомъ узналъ ее: полныя, прелестныя щеки не украшались болѣе румянцемъ — блѣдность и желчь заступили мѣсто розъ и лилій; голубыя, небесныя глаза померкли и потеряли огонь свой; всѣ члены прекрасной женщины казались изнеможенными и вообще изображали остовъ челоуѣка; изсохшія руки лежали на впалой груди: неподвижные взоры обращались къ портрету мужа.

Въ такомъ положеніи Розальмъ увидѣлъ Юлію; невольно произнесъ вопль — и остановился неподвижно предъ жертвою страстей!

При голосѣ мужа Юлія вздрогнула, обратила къ нему глаза и съ ужасомъ отрывисто начала говорить: Розальмъ!

тебя ли я вижу? или одна мечта въ угасающемъ воображеніи представила призракъ твой? Нѣтъ! точно это ты. Боже! благодарю! этой отрадной минуты я ожидала какъ дара небесъ! Я призывала, молилась, чтобъ онъ закрылъ глаза мои! Розальмъ! ахъ! я не смѣю назвать тебя супругомъ — это имя погибло — ты отвратилъ отъ меня взоры, ужасаешься взглянуть? Ахъ! я не долго стану ихъ обременять собою!

— Юлія! несчастная Юлія! въ какомъ видѣ, въ какомъ мѣстѣ нахожу тебя? Въ болѣзни, несчастіи, въ рубищѣ....

— Ты нашелъ меня въ мѣстѣ, которое заслужила пороками своими. Благородный челоуѣкъ! ты страдалъ чрезъ меня, разлучился съ дѣтьми, свѣтомъ, влачилъ жизнь въ бѣдности, презираемый какъ преступникъ; а я въ это время забывала все священное, мужа, названіе матери, совѣсть, утопала въ

порокахъ и приготовила это болѣзненное ложе! — Ахъ, Розальмъ! не обремени проклятіемъ послѣднія минуты жизни моей! услышь, исполни мою просьбу: люби дѣтей нашихъ, не укори преступленіями матери — онѣ невинны!

— Юлія! дѣти со мною! Я не съ тѣмъ пришелъ, чтобъ увеличить страданія твои; напротивъ поспѣшу оказать тебѣ пособіе; ты можешь оправиться, жить и видѣть дѣтей.

— Нѣтъ! это поздно! Минуты жизни моей исчислены; назначенъ часъ, чтобъ въ терзаніяхъ совѣсти, во всемъ ужасѣ преступная душа моя предстала къ вѣчному правосудію.

Голосъ Юліи отъ сильнаго напряженія ослабъ, она лишилась чувствъ. — Добрый Розальмъ пролилъ слезы и, не ограничась тѣмъ, приказалъ перенести ее въ чистую, покойную комнату, перемѣнить ложе и пригласить медика. Распоряженія свои поручилъ Теодору,

посмотрѣлъ еще на женщину, любимую нѣкогда страстно, вздохнулъ отъ глубины сердца, и поспѣшилъ къ дѣтямъ.

Увидѣвъ малютокъ, онъ сильнѣе почувствовалъ скорбь объ участи преступной матери ихъ. Мафусъ! зачѣмъ ты привелъ меня къ Юліи? зачѣмъ возникшее счастье, въ самомъ началѣ отравилъ горестію? Нѣтъ! ты правъ, показалъ мнѣ женщину, которая, погрузивъ себя въ пороки, заслужила вполне участь свою. Этотъ примѣръ долженъ послужить для всѣхъ урокомъ — не увлекаться перемѣною судьбы и помнить, что горести наши большею частію мы обращаемъ на себя произвольно.

Недолго продолжались благотѣльные заботы Розальма: чрезъ три дня Юлія въ жестокихъ страданіяхъ лишилась жизни. Послѣдній взглядъ ея былъ на дѣтей, послѣднее слово — Розальмъ.

Отдавъ послѣдній долгъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ и мрачными мыслями онъ оставилъ жилище смерти. Тутъ дѣйствовала не любовь къ Юліи — она остыла, одно сожалѣніе и доброта вынуждали слезы.

Нѣсколько времени онъ не выходилъ изъ своей комнаты, занимался дѣтьми и Теодоромъ; послѣдній, по усердію и сходству нравовъ, сталъ необходимъ; наконецъ скорбь получила дань свою и возвратила Розальма къ новой жизни. Онъ часто посѣщалъ родственника и надѣялся скоро возвратиться въ домъ свой; онъ часто вспоминалъ объ Серафимѣ и, ограничась приличіемъ, не спѣшилъ видѣть дѣвицу, которая произвела надъ нимъ сильное впечатлѣніе. Точно! она прекрасна, добра, думалъ Розальмъ: создана для счастья мужчины; но кто меня увѣритъ, что это продолжится навсегда? Юлія казалась въ томъ же очаровательномъ видѣ — и

чѣмъ кончилось?... Правда, я тогда смотрѣлъ простыми глазами, не зналъ женщинъ, а теперь совсѣмъ другое. Однако жъ около мѣсяца я здѣсь, и драгоценный талисманъ оставилъ безъ употребленія; примусь за очки — онѣ послужатъ развлеченіемъ. Я помню, Мафусъ сказалъ, что они еще окажутъ мнѣ услугу, а всѣ слова его по настоящее время справедливы.

Розальмъ положилъ очки за пазуху, пустился въ Коломну — въ этой части города онъ еще не былъ; шелъ смѣло, не боялся встрѣчи. Подошедъ къ одному каменному дому, увидѣлъ, что всѣ окна закрывались опущенными шторами, а за ними мелькалъ огонь. У подъѣзда стояла карета. Это любопытно! зачѣмъ въ полдень такая осторожность и заимственный свѣтъ? Посмотримъ, что дѣлается внутри.

Розальмъ надѣлъ очки, вошелъ въ прихожую, и кучи собакъ, кошекъ кри-

выхъ, хромыхъ и самыхъ отвратительныхъ окружали лакея, тотъ держалъ теплый салопъ. Собаки лаяли, кошки мяукали и составили пріятную для ушей серенаду. Невидимка отперъ слѣдующую дверь, увидѣлъ продолговатую комнату; на каминъ сидѣлъ сычъ, поворачивалъ глазами на всѣ стороны и махалъ крыльями; большой воронъ свободно леталъ и посматривалъ на коршуна, а тотъ забился въ уголъ и выжидалъ добычи. Вотъ отворилась и третья дверь; Розальмъ увидѣлъ совершенное разнообразіе съ первыми: большая комната, оклеенная темнотрыми шпалерами, походила на гробовую, по срединѣ стоялъ круглый столъ, покрытый чернымъ сукномъ, окаймленный серебрянымъ галуномъ и большими кистями; на немъ симметрически помѣщались глобусъ, двѣ урны, песочные часы, карты, сосудъ съ кофейной гущей, чашки и рама — покрытыя чер-

ной дымкой, по угламъ на деревянныхъ крашеныхъ тумбахъ возвышались статуи, означающія четыре времени года; два попугая въ клеткахъ отскуки бранились между собою; отвратительная моська бѣгала, визжала и бросалась на кроликовъ — тѣ искали спасенія въ каминъ; комната освѣщалась лампами и свѣчами.

А! здѣсь, конечно, помѣщается ворожея, сказалъ Розальмъ. Подожду, посмотрю на колдунью. — Съ этими словами отворилась дверь — вошли двѣ женщины; невидимка обратилъ къ нимъ вниманіе: одна изъ нихъ, пожилая, лѣтъ за пятьдесятъ, а другая знаменитая ворожея Шарлота Карловна Лудерсъ. Она имѣла высокій ростъ, черныя сверкающія глаза, смуглое, желтоватое лице, зубы высовывались изъ подъ отвислыхъ губъ и торчали на подобіе клыковъ. Одежда ея заключалась въ малиновомъ шпензерѣ, полосатой

юбка, на плечах висѣла фіолетовая мантия, на головѣ черный токъ, усыпанный серебряными звѣздочками и перо краснаго цвѣта; поясомъ служила широкая голубая лента съ іероглифами: въ рукахъ держала магическій жезлъ.

Шарлота Карловна ободряла свою спутницу, та съ трепетомъ слѣдовала за нею, озираясь на всѣ стороны и когда попугай, увидѣвъ хозяйку, закричалъ, то вздрогнувъ, спросила:

— Матушка мадамъ! это птицы или оборотни, а четыре статуи вѣрно живыя превращены въ каменные?

— Они изображаютъ время; каждая изъ нихъ имѣетъ свое значеніе; напр. эта держитъ въ рукахъ плоды и фрукты, — она способствуетъ, равно какъ и другія, магическимъ испытаніямъ въ таинствахъ натуры, которая, согласно этимъ эмблемамъ, открыта предомною!

— Матушка мадамъ! воля ваша, словъ твоихъ не понимаю; мнѣ что-то страшно: начинай скорѣй дѣло. Вотъ за труды! — Она положила на столъ пять имперіаловъ и продолжала: я давно замужемъ и

— Знаю, сударыня, знаю: только что вошли, я это увидѣла.

— Какъ! развѣ по лицу можно угадать о мужѣ?

— Разумѣется. Если смотрѣть простыми глазами, то вездѣ завѣса и мракъ, а взоръ испытанія открываетъ непостижное. Пожалуйте руку! Посредствомъ хиромантіи я означу время вашему браку. Вотъ эта кривая линія есть признакъ обильному дѣтородству.

— Шарлота Карловна! у меня нѣтъ дѣтей!

— Знаю! вы перебили слова мои... Эта линія, пересѣкаетъ первую и означаетъ безчадіе

— Точно, матушка! точно! Мудрено....

— Вотъ, прямая линія, отъ средняго пальца до самой кисти, показываетъ, что вы за мужемъ болѣе десяти лѣтъ и....

— Ахъ, Господи! сущая правда! 11 лѣтъ восемь мѣсяцевъ и четыре дня.— Вы на ладонѣ читаете какъ по книгѣ.

— Хиромантія, посредствомъ прямыхъ, кривыхъ, косвенныхъ линій, служить, и.... Теперь скажите, въ чемъ нужны мои услуги?

— Въ минуту, въ минуту—надо перевести духъ.... Я сказала, что имѣю мужа, онъ слишкомъ еще молодъ, поправился мнѣ, изъ бѣдняковъ вышелъ въ люди, и....

— Точно, сударыня! Пожалуйста еще руку. Эти перекрестныя линіи означаютъ, что супругъ моложе васъ двадцатью годами....

— Тьфу пропасть! точная правда.— Матушка мадамъ! я боюсь, кончите

скорѣй. Мнѣ кажется, муженёкъ мой погуливаетъ, мотаетъ, задолжалъ, и....

— Понимаю—невѣренъ вамъ; извольте, и этому горю пособимъ. Вотъ карты, примемся за нихъ! Сперва надо выбрать однихъ королей: вотъ пиковый, то есть черный.

— Нѣтъ! нѣтъ! мой мужъ блонкуръ....

— Знаю, знаю; вотъ червонный, а за нимъ бубновый валетъ.

— Ахъ, онъ проклятой! это холопъ Васька.

— И такъ, супругъ вашъ червонный король, бубновый валетъ слуга Василій; теперь смотрите....

Ворожея взяла сосудъ съ кофейной гущей, взболтала, влила частицу въ чайную чашку, перевертывала нѣсколько разъ, шептала, и подала госпожѣ.

— Видите ли?

— Вижу, матушка Шарлота Карловна! вижу....

— Что ? ..

— Гушу.

— А въ гущѣ-то что? Посмотрите.....

— Право незнаю; надо вамъ сказать, лѣтъ съ 15 я ослабла глазами.

— Такъ я вамъ покажу—смотрите... и не перебивайте словъ моихъ. Маленькая комната, въ углу что-то походить на лежанку.....

— Да, да ! точно такъ : у меня въ домъ три...

— Вотъ еще два стула, софа...

— Вижу... Что жъ далѣе?

— А вотъ, не пугайтесь ! я все покажу ясно, какъ солнце на небѣ. — Ворожея произнесла нѣсколько непонятныхъ, исковерканныхъ словъ — и червонный король прильнулъ къ чашкѣ, а за нимъ откуда ни возмись, и трефовая дама.

Госпожа зашолкала зубами, а ворожея, возвысивъ голосъ, ударила магическимъ жезломъ по закрытой рамѣ:

покровъ свалился, и за стекломъ король съ дамою стояли рядомъ, а валець вдали, какъ будто на караулѣ.

— Ахъ, батюшки мои! разбойники! душегубцы! Это мой мужъ! Черная краля Варька, а валець мошенникъ Васька! Ай, дурно, тошно! воды! спирту! я упаду въ обморокъ!...

— Успокойтесь, сударыня, все идетъ своимъ порядкомъ: супругъ вашъ мотъ, волокита, дѣвушка смазлива, лакей услуживаетъ барину.... и....

— Вотъ куда идутъ мои деньги..... Мальчишка! пищій, обманывать жену? Постой, я раздѣляюсь съ вами... А тебя... Ахъ Боже мой! съ нимъ не сладишь! Матушка мадамъ! помоги! отведи въ другую комнату, я прилягу, отдохну, а тамъ поспышу домой. Вотъ пойдетъ потѣха: правый и виноватый—ни кому спуску не дамъ; а Дунькѣ, косоглазой ключницѣ, достанется больше всѣхъ:

ей приказано смотрѣть : усмотрѣла — король и дама вмѣстѣ !

Ворожея взяла посѣтителницу за руку, вывела въ другую комнату, положила на софу, совѣтовала успокоиться. — Полежите немножко, я вручу вамъ маленькій пузырекъ, въ немъ заколдованная жидкость : влейте въ стаканъ, размѣшайте въ винѣ, супругъ выпьетъ и станетъ васъ любить.

— Спасибо, матушка, спасибо ! Вотъ тебѣ еще пять червонцевъ; а если водица поможетъ, то увидишь, ничего не пожалѣю.

Госпожа легла на софѣ, колдунья возвратилась въ магическую залу, отперла небольшую дверь въ ниши, молодая блондура дѣвушка вошла и обливаясь слезами, говорила : сударыня ! вы меня погубили.

— Какъ душенька, чѣмъ ?

— Вы увѣрили, что женихъ мой скоро женится на мнѣ, дали порошокъ,

велѣли развести въ питье, я все исполнила, всыпала въ кофей съ сахаромъ, чтобъ былъ послаще; онъ не догадался, выпилъ и въ тотъ же вечеръ женился на другой Дѣвушка зарыдала.

— Не плачь, душенька! не плачь; это вѣрно случилось по ошибкѣ . . . порошокъ не тотъ . . .

— Вы знаете, я бѣдная сирота, достаю деньги трудами, отдала вамъ послѣднія, и вы меня обманули.

— Не правда, миленькая, я никого не обманываю.

— Да какъ же вы сказали, что онъ женится на мнѣ ?

— Точно такъ ! это непременно сбудется

— Полноте морочить: двухъ женъ нельзя имѣть.

— Пустое! онъ скоро овдовѣетъ. — Подите душенька, не плачьте ; вотъ вамъ честное слово — жена его скоро

умретъ, а тутъ я задамъ ему такую порцію, что высуня языкъ побѣжить въячаться съ вами.

Вошедшая барыня прервала разговоръ. Прощайте, матушка мадамъ! Голова кружится, въ глазахъ темно; лежала какъ на иголкахъ; все гляжу... Ахъ, они проклятые! Гдѣ жъ пузырьрекъ?

— Вотъ, сударыня! Онъ стоитъ пятьдесятъ рублей.

— Привезу, матушка, привезу; со мною не случилось денегъ. Ахъ! доберусь ли я къ дому... Она скорыми шагами пустилась изъ комнаты, дѣвушка за нею, ворожея провожала и невидимка не отставалъ.

Въ прихожей окружили ихъ собаки: кривая старуха держала въ большомъ тазу кормъ для четвероногой дворни. Розальмъ выхватилъ сосудъ и опрокинулъ у самыхъ дверей: собаки, кошки бросились на добычу, рвали одна у другой хлѣбные и мясные куски,

подняли лай, визгъ; драку, барыня кричала, ей прокусили икру, у дѣвушки разорвали передникъ, одна кошка вцѣпилась рослому лакею въ лицо. Розальмъ не дождался развязки, оставилъ домъ, гдѣ презрительная женщина собираетъ дань отъ невѣжества, разстроиваетъ семейства, обманываетъ легковерныхъ и гордится ремесломъ своимъ.

Розальмъ завернулъ въ противоположную улицу, подошелъ къ деревянному дому: у подъезда стояло нѣсколько каретъ и саней. Здѣсь вѣрно собраніе? посмотримъ. Въ прихожей лакеи держали шубы и салопы; нѣкоторые дремали, а одинъ изъ нихъ съ досадою сказалъ: чортъ возьми эту больницу и колдунью! Звѣай часовъ пять въ передней, и перехватить не удастся.

Что это? опять колдунья? больница? Я доски не замѣтилъ; пойдемъ. — Онъ прошелъ двѣ комнаты, отворилъ дверь въ третью, увидѣлъ на пьедесталѣ бюстъ

Эскулапа, а въ другой комнатѣ слышалъ многія голоса и стонъ. Это удивительно: здѣсь гадаютъ, а не съкутъ; посмотримъ.

Въ продолговатой комнатѣ, похожей на лазаретъ, находилось нѣсколько кроватей, предъ каждою столъ, а на немъ кружки, пузырьки, мази и бинты; нѣсколько мушинъ и женщинъ стояли въ отдаленіи и съ любопытствомъ смотрѣли. — Женщина среднихъ лѣтъ, плотная собою, съ большими черными на выкатъ глазами стояла посреди и говорила:

— Господа! и вы, милостивыя государины! въ этой комнатѣ трое больныхъ или обиженныхъ природою: дѣвушка съ короткой ногой, два мальчика — одинъ съ горбомъ, а другой съ кривыми ногами и короткой рукой; полгода они пользуются здѣсь; не многимъ открыта метода моего леченія. Я дѣйствую магнетизмомъ и другими тайны-

ми, никому неизвѣстными веществами. Пожалуйте ближе.

— Этой дѣвушкѣ двѣнадцать лѣтъ шесть недѣль; она лежитъ въ постелѣ почти безъ движенія, лѣвая нога у нее короче правой двумя вершками; на этотъ недостатокъ природы магнетизмъ не имѣетъ вліянія, а употреблены другія средства. Эй! Она захопала въ ладоши: три женщины, въ странной одеждѣ, съ суровыми лицами, вошли. Подымите Парашу, поставьте на столъ: пусть почтенные зрители удостовѣрятся, что искусство часто превосходитъ природу и приводитъ въ настоящее положеніе неправильные члены. Прошу не забыть, лѣвая нога у нее была короче правой на два вершка, а теперь извольте посмотреть.... Дѣвочку втащили на столъ, придерживали за плеча, она не могла стоять, обнажили ноги до коленъ, и что жъ? лѣвая, изсохшая нога стала двумя вершками длиннѣе правой.

Зрители изумились, нѣкоторые стали смѣяться и вообще говорили, что болѣзная короткая нога переросла здоровую. Питомица Эскулапа не смѣшалась и спокойно сказала: ей перетянули нѣсколько ногу, это не бѣда; мы вытянемъ другую и уравнимъ между собою; при томъ эта ошибка послужитъ въ пользу, прибавитъ ей росту. Параша плакала, кричала, просила отпустить домой; ее не слушали, положили на постель и принялись за работу.

Мальчикъ лѣтъ десяти, изсохшій какъ скелетъ, поставленъ на столъ, спиною къ зрителямъ; съ плечъ спустили рубаху, и многіе закричали: у него нѣтъ горба.... Прекрасно, сударыня! прекрасно! удивительное искусство! Мальчикъ поворотился лицомъ и чуть дыша сказалъ: горбъ на спинѣ пропалъ и перешелъ на грудь; посмотрите. — Всѣ увидѣли необыкновенный наростъ и

похвалу перемѣнили въ насмѣшливый шопотъ.

Мальчика сняли и г-жа Z. увѣрительно доказывала: Тутъ вышла небольшая ошибка, валькомъ и скалкою ему уравнивали выросшую часть, и какъ онъ лежалъ ничкомъ, то весьма натурально, что грудь отъ сильного давленія возвысилась. Это одна опухоль, и тѣми же средствами скоро пройдетъ.

Вотъ дошла очередь и къ третьему больному. Онъ имѣетъ отъ роду 14 лѣтъ, говорила г-жа Z.; въ самомъ дѣствѣ отъ англійской болѣзни и дурнаго леченія у него скривились ноги, стали почти колесомъ, колѣна разгнулись, имѣли разстояніе между собою почти на четыре вершка, а правая рука короче лѣвой. Вотъ мы приступили къ неправильнымъ членамъ, стянули ремнями колѣна плотно, между пятъ вложили деревянный клинъ, а руку вытягивали: это продолжалось около

полугода. Представьте себѣ, сколько стоило трудовъ держать его въ неподвижномъ положеніи и каждый день возобновлять опыты! Теперь онъ совершенно здоровъ.

Мальчику велѣли стоять прямо, поднять руки въ верхъ и любопытствующіе увидѣли, что колѣна стали правильны, за то пяты разширились и не имѣли соединенія между собою, а рука, какъ нога у Параши, стала длиннѣе.

— Что вы теперь скажете? спросила съ восторгомъ г-жа Z... Согласитесь, что подобныхъ опытовъ еще никто не производилъ?... Въ будущій понедельникъ я имѣть честь буду показать дѣйствія магнетизма во всѣхъ отношеніяхъ и надѣюсь самыхъ недовѣрчивыхъ убѣдить въ неоспоримыхъ истинахъ.

Розальмъ пожалъ плечами и спросилъ: очки! скажите мнѣ, что послѣдуетъ съ этими несчастными страдальцами?

Лоскутокъ очутился предъ нимъ: Дѣвочка и горбушъ скоро пойдутъ на тотъ свѣтъ, косолапый мальчикъ съ длиною правой рукою оправится, поступить въ приказную службу и будетъ судья.

Не смѣю нарушить довѣренности Мафуса, а ворожея и г-жа Z... заслуживаютъ магнетизма, который изобрѣтатель эгихъ очковъ задалъ женѣ и воспитаннику. Два часа я провелъ въ домахъ или, вѣрнѣе сказать, въ вертепѣ грабителей: одни обманываютъ, другіе убиваютъ. — Куда теперь отправиться? Еще довольно рано. А! поѣдемъ къ дому, гдѣ живетъ Серафима! посмотримъ, нѣтъ ли ее у окна? Очки помогутъ мнѣ проникнуть въ мысли прелестной дѣвицы. И я могъ такъ долго не видать ее? Онъ кликнулъ извозчика и скоро очутился въ предположенномъ мѣстѣ.

Что это значить? ставни закрыты? вѣрно Серафима перемѣнила квартиру?

Заглянемъ въ комнату. Онъ надѣлъ талисманъ.

Всѣ вещи стояли въ порядкѣ, у окна пальцы, на столѣ скроенное платье, а хозяйки нѣтъ; канарейка въ клеткѣ надулась, Розальмъ увидѣлъ, что у нее нѣтъ корму. Это удивительно. Такая разсѣянность несогласна съ заботливостію дѣвицы. Узнаемъ! Онъ снялъ очки, вошелъ въ домъ, спросилъ хозяйку: гдѣ жилища?

— Ахъ, сударь! отвѣчала со слезами пожилая женщина: третій день Серафима вышла изъ квартиры на рынокъ, закупить разныя бездѣлки, необходимыя къ работѣ — и не возвращалась.

— Гдѣ жъ она? повторилъ встревоженный Розальмъ.

— Не знаю, сударь! Я искала, обѣгала многія улицы, заходила въ домъ наслѣдниковъ Добрынева — тамъ нѣтъ ее; спрашивала сосѣдей, и одна женщина сказала, что видѣла Серафиму съ

какимъ-то молодымъ человѣкомъ, они ѣхали въ парныхъ саняхъ, лакей стоялъ на заняткахъ и....

— Серафима съ молодымъ человѣкомъ? катается въ саняхъ? вскричалъ Розальмъ: третьи сутки не почуветь дома? Прекрасно! Скоро исчезло очарованіе мое! Теперь можно положиться на вѣрность очковъ; теперь вижу, собственными глазами, что все вздоръ, вездѣ обманъ, предательство, личина.... И я вѣрилъ! Мафусъ чортъ морочилъ меня!...

— Нѣтъ! произнесъ голосъ: чортъ не измѣнилъ тебѣ! Талисманъ добро и зло показываетъ въ точномъ видѣ! Спѣши домой, возьми съ собою Теодора, пистолеты; въ улицѣ....домъ подъ №.... ты найдешь Серафиму — и сердце будетъ руководителемъ твоимъ.

Розальмъ опомнился: Мафусъ, покажись мнѣ! открой, что это значитъ?

— Спиши въ назначенное мѣсто! повторилъ голосъ: очки окажутъ тебѣ услугу, и снова увѣрять, что наружность обманчива!

Розальмъ выбѣжалъ изъ комнаты; старушка смотрѣла ему вслѣдъ и сказала: жаль, этотъ молодой прекрасный баринъ нездоровъ головою.

И точно, неизвѣстность участи дѣвицы, слова духа встревожили его, онъ толкалъ въ затылокъ извозчика, кричалъ: возьми, что хочешь, погоняй лошадей! У воротъ дома соскочилъ съ саней, вбѣжалъ въ комнату.... Теодоръ изумился; увидѣвъ покровителя въ изступленномъ видѣ, спросилъ....

— Нѣкогда отвѣчать! Заряди пистолеты, возьми кинжалъ, прикажи нанять парныхъ сани, скачемъ....

— Куда?

— Ахъ, Боже мой! все узнаешь; ступай! Они вышли, чрезъ полчаса прѣехали къ назначенному мѣсту, увидѣли

пустой домъ съ большимъ садомъ. Гдѣ жъ она? спросилъ Розальмъ.

— Кто?

— Серафима! Пойдемъ во дворъ. Онъ отперъ калитку, большое деревянное строеніе было вездѣ заперто, ставни оконъ заколочены; въ углу увидѣли небольшую лачужку, подбѣжали къ ней, начали стучать въ дверь — чрезъ минуту вышелъ огромный рыжій мужикъ съ бородою огненнаго цвѣта и спросилъ: Господа! что вамъ надо?

— Кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Жильцевъ нѣтъ, онъ пустъ.

— Не правда! отвори двери, мы осмотримъ.

— Вотъ еще, какіе начальники! — Отстаньте господа, мнѣ нѣкогда расторабарывать съ вами. Видите, во дворѣ нѣтъ слѣдовъ человѣка, окромѣ моихъ.

— Лжешь! есть — вотъ полозья отъ саней; кто прѣзжалъ сюда?

— Благодаритель мой! произнесла дѣвица . . . вы спасли меня вторично . . . Какъ ангель хранитель, освѣтили беззащитную сироту! Жизни моей недостанетъ къ благодарности за великодушіе ваше!

Новое лицо прервало разговоръ: рыжій мужикъ съ топоромъ вошелъ въ комнату, Добрыневъ закричалъ: Антищъ! руби всѣхъ! — Великанъ поднялъ смертельное остріе, подступилъ къ Розальму. Теодоръ выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ: прочь! или пуля въ лобъ! Злодѣй отскочилъ. Розальмъ обнажилъ кинжалъ: если пошевелишься, то съ этимъ разбойникомъ отправишься въ одно мѣсто! Убійца, недожидая повторенія, взглянулъ на пистолетъ, кинжалъ, оробѣлъ и проворно выбѣжалъ. Добрыневъ старался освободить руки, нѣсколько ударовъ по лицу его усмирили.

Серафима, взглянувъ на страшнаго пришлеца и топоръ, лишилась памя-

ти, упала на стулъ и, поддерживаемая защитникомъ, едва дышала.

— Послушай, Розальмъ! сказалъ Теодоръ: товарищъ этого бездѣльника бѣжалъ, можетъ быть здѣсь скрывается шайка разбойниковъ; жизнь наша въ опасности. Положимъ Серафиму въ сани, подлеца запремъ, укачемъ, и тамъ распорядимся . . .

Друзья подняли дѣвицу, она опомнилась, съ ужасомъ спросила: гдѣ разбойникъ съ топоромъ?...

— Все кончено, намъ должно торопиться. Скажите, куда везти васъ?

— Куда? Ахъ, Боже мой! хоть на край свѣта, только-бъ скрыться отъ злодѣя! Великодушный человекъ! я вѣрюсь вамъ совершенно; кто жертвовалъ жизнью, для защиты невинности, тому должно вѣрить во всемъ. Она подала ему руку.

Напрасно Добрыневъ просилъ о ми-

лости, свободѣ, обѣщалъ заплатить все, что потребуютъ.

— Бездѣльники всегда думаютъ отдѣлаться деньгами! сказалъ Розальмъ. Пойдемте. Серафима надѣла салопъ, шляпку, помѣстилась въ сани; Теодоръ сталъ на запяткахъ. Они скоро примчались на мѣсто. Розальмъ занималъ три комнаты въ гостинницѣ для себя, товарища и дѣтей; въ послѣднюю помѣстили Серафиму.

Ислугъ прошелъ, дѣвица оправилась и снова благодарила покровителя за неожиданную помощь, и, по просьбѣ его, рассказала о несчастномъ случаѣ.

Добрыневъ, еще при жизни дяди, часто оскорблялъ меня и только изъ опасенія къ нему удерживалъ свою дерзость; по смерти родственника преслѣдовалъ меня повсюду; въ недавнемъ времени вы были свидѣтелемъ тому. Третьяго дня я пошла въ ры-

нокъ: онъ внезапно выскочилъ изъ угла съ какимъ-то человѣкомъ, схватилъ меня, посадилъ въ сани. Я такъ испугалась, что немогла кричать и защищаться. Меня привезли въ неизвѣстный пустой домъ, заперли. Мучитель не отходилъ отъ меня; и наглостію становился ужасенъ. Я рѣшилась на крайность: принесли обѣдъ, я опрокинула столъ, схватила ножъ, поклялась умертвить злодѣя, а въ случаѣ невозможности — себя; вы сами видѣли мою рѣшительность и отчаяніе. Безъ вашей помощи я могла бы свершить самоубійство. Еще благодарю васъ, защитникъ мой! и великодушіе ваше обременю новымъ пожертвованіемъ: спасите меня отъ поисковъ Добрынева, скройте отъ ужаснаго человѣка!

— Зачѣмъ скрываться, прекрасная Серафима! Оставайтесь на время здѣсь, съ моими дѣтьми....

— Съ дѣтьми?... Такъ вы женаты?
произнесла съ смущеніемъ дѣвица....

— Нѣтъ! я совершенно свободенъ.
Въ заманъ вашей довѣренности, открою
тайну моей жизни.

Розальмъ началъ, довелъ повѣсть къ
Мафусу; Серафима вздрогнула, пере-
крестилась. Онъ коснулся брака съ
Юлією и послѣдствіяхъ.

— Нѣтъ! перебила дѣвица: это не-
возможно! Такое предательство не су-
ществуетъ въ мірѣ! Юлія вамъ измѣ-
нила.... разлучилась....

— Точно! — Розальмъ продолжалъ,
дѣвица слушала, часто утирала слезы.
Когда онъ кончилъ разсказъ, то съ
удивленіемъ повторила: Юлія измѣ-
нила такому мужу! измѣнила любви,
клятвамъ? Это превосходитъ вѣроятіе.
И такъ вы навсегда оставляете столи-

цу? поселитесь въ имѣніи.... А я!.....
жертвою.....

— О, нѣтъ! нѣтъ! побужайте съ мо-
ими дѣтьми, они станутъ любить васъ.
Малюжки подошли къ ней и стали ла-
скаются.

— Покровитель мой! я ѣду съ ва-
ми, здѣсь мнѣ все чуждо и несносно!
Я училась прилежно, могу заняться
дѣтьми.

— И подарить имъ названіе матери! —
Розальмъ съ нѣжностію поцѣловалъ ее
руку.

Серафима встала, полныя щеки ея
покрылись яркимъ румянцемъ. — Покро-
вительство ваше и доброта произвели
во мнѣ уваженіе и довѣренность: назва-
ніе матери неприлично мнѣ и уни-
зятъ васъ — я бѣдная сирота, одно
сердце и преданность есть достояніе
мое.

— Серафима! я богатъ, ищу нѣж-

ной подруги, спутника въ жизни, и нашель въ тебѣ. — Не слѣпая, мгновенная страсть, не знакомство на балу, гдѣ выказываютъ наружный блескъ обдуманнѣми словами, привлекаютъ неопытность, — нѣтъ! я проникъ твою душу, проникъ въ сокровенныя изгибы сердца, оно еще прекраснѣе лица.

Дѣвица покраснѣла болѣе, опустила черныя глаза свои и казались еще прекраснѣе.

— Милая Серафима! еще повторю: не случайная страсть, достоинства твои плѣнили меня! Я испыталъ несчастіе отъ женщины; людей, непостижимый покровитель научилъ осторожности и обратилъ къ тебѣ. Ты молчишь, потупила взоры? Ахъ, Серафима! вручи мнѣ сердце твое. Въ мирѣ, тишинѣ, съ любовію, мы отыщемъ взаимное блаженство; ты забудешь сиротство, а я горести мои!

— Если не мечта смущаетъ воображеніе мое, если бѣдная Серафима заслужила любовь благороднѣйшаго человека, если вы рѣшились, то....

— Серафима! докончи!...

— То.... возьмите жизнь мою! Съ этой минуты она принадлежитъ вамъ.

Розальмъ съ восторгомъ прижалъ къ груди робкую дѣвицу. О, Серафима! я получилъ новую жизнь! Теодоръ! другъ мой! вотъ моя невѣста! чрезъ нѣсколько дней жена; теперь сохранимъ приличіе. Мы помѣстились въ гостиницѣ, названіе невѣсты не сохранить дѣвицу отъ злословія. Побѣждай къ родственницѣ Серафимы, проси къ намъ; утреннее происшествіе не разглашай, оставь Добрынева: бездѣльникъ наказанъ нами.

Розальмъ восхищался новою любовію, кроткая Серафима предалась неизвѣстному ей чувству, — смотрѣла въ глаза

жениху; онъ казался ей прекраснѣйшимъ мушкетеромъ, — стала любить, любить страстно; онъ цѣловалъ розовыя уста, круглыя щека, она не противилась, отвѣчала ласкамъ; цѣловала дѣтей. Малютки не пользовались нѣжностію родной матери и съ радостію обнимали ту, которая ихъ ласкала.

Розальмъ получилъ позволеніе вступить въ права свои. Случайный родственникъ предлагалъ ему мѣсто, онъ благодарилъ, и рѣшился отправиться на родину свою.

И вотъ настала счастливѣйшая минута въ жизни нашего героя. Онъ собрался въ путь въ дорожномъ экипажѣ, подъѣхалъ къ храму; Серафима, безъ всякаго украшенія, въ простомъ, бѣломъ платьѣ, съ чистою душою, пламеннымъ сердцемъ, смѣло подошла къ олтарю, произнесла клятву въ любви и вѣрности. Эту клятву она сохранила

вполнѣ — и во гробъ унесла съ собою. Теодоръ слѣдовалъ за ними, и остался неизмѣннымъ другомъ.

Поселяне и служители радостно встрѣтили помѣщика-благотворителя. Опустѣлый домъ скоро пришелъ въ цвѣтущее положеніе, все дышало въ немъ удовольствіемъ, любовію мирными забавами. Молодая чета наслаждалась счастіемъ своимъ. Сосѣди любили ихъ, навѣщали. Одно только беспокоило Розальма: онъ ежедневно призывалъ Мафуса, и тотъ не показывался. Вотъ пришло посланіе отъ тещи и тетуски — они требовали, чтобъ Розальмъ немедленно прибылъ къ нимъ, принялъ въ свое владѣніе готическій замокъ со всеми принадлежностями и портретами. Онъ благодарилъ, назначилъ имъ умѣренный пансіонъ и просилъ оставить его въ покоѣ.

Настала весна, природа оживилась и казалась Розальму прекраснѣе; милая же-

на украшала ее. Въ одинъ вечеръ они сидѣли на дерновой скамейкѣ въ саду — и вдругъ облако опустилось предъ ними.

Молодой человѣкъ показался въ немъ, Розальмъ вскрикнулъ отъ радости, съ восторгомъ бросился къ нему. Покровитель мой! я ждалъ тебя, призывалъ — и отсутствіе твое уменьшило мое счастье. Серафима! это Мафусъ.

Супруга Розальма съ трепетомъ подошла къ нему. Я желала видѣть благодѣтеля моего мужа, излить предъ нимъ душу, исполненную благодарности! Непостижимое существо! я незнаю чѣмъ начать слова мои, и какъ назвать тебя.

— Называйте меня настоящимъ именемъ; относительно жъ благодарности, ты слишкомъ исполнила ее, составила счастье человѣка, который понравился мнѣ. Такъ, Розальмъ, изъ сотней тысячъ людей, ты одинъ имѣлъ таис-

манъ, былъ невидимъ и неслышимъ, могъ обогатить всѣ конторы банкировъ, приобрести миллионы, отмстить врагамъ — и это низкое желаніе никогда не поселилось въ тебѣ; ты единственный человѣкъ! Очки изъ твоего кабинета переселились ко мнѣ; я оставилъ въ немъ значительную сумму золота, чѣмъ совершенно замѣнить потерю твою! Прощай, прекрасная Серафима! прощай другъ мой Розальмъ! Я сдержалъ слово: доставилъ тебѣ прочное счастье, показалъ сердца людей въ настоящемъ видѣ, научилъ осторожности, отыскалъ прелестную, добрую жену; очки свершили свое назначеніе, и только чрезъ столѣтіе попадутся въ руки подобному тебѣ чудаку, который презритъ богатство, почести, славу и въ мирной жизни, въ кругу семейства станетъ отыскивать счастье. Прощайте, друзья мои! мы больше не увидимся!

Духъ исчезъ, облако скрылось, Розальмъ обнялъ Серафиму и со вздохомъ сказалъ: Милый другъ, покровитель оставилъ насъ навсегда!

— И останется незабвеннымъ въ сердцахъ нашихъ! отвѣчала Серафима. Взаимная любовь, спокойствіе души, миръ въ семействѣ, были послѣднія слова покровителя — они есть непремѣнны — и составляютъ единственное благо и счастье скоротечной нашей жизни.

Конецъ 4-й и послѣдней Части.

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на книгу въ 4-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ:

Магическія Очки.

Его Превосходительство С. Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ Генераль-Адъютантъ и Кавалеръ Сергій Александровичъ Кокошкинъ.

Полковникъ и Кавалеръ Петръ Ивановичъ Поль.

Полковникъ и Кавалеръ Алексѣй Гавриловичъ Трубачевъ.

Его Превосходительство Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Федоровичъ Юдинъ.

Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Ивановичъ Кусовъ.

Полковникъ и Кавалеръ Осипъ Степановичъ Орловскій.

Полковникъ и Кавалеръ Егоръ Любимовичъ Циммерманъ.

Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Филаретъ Тимофѣевичъ Готовцевъ.

Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Васильевичъ Павловъ.

II

Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Дмитрій
 Платоновичъ Богаславскій.
 Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Фе-
 доръ Федоровичъ Семизоровъ.
 Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ
 Федоровичъ Казнаковъ.
 Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Па-
 вель Евстафьевичъ Тертиловъ.
 Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Афа-
 насій Григорьевичъ Ильинскій.
 Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Бог-
 данъ Федоровичъ Ламавъ.
 Подполковникъ и Кавалеръ Николай Алек-
 сандровичъ Безпаловъ.
 Надворный Совѣтникъ Ипполитъ Ивано-
 вичъ Ловцовъ.
 Надворный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ
 Мокбевъ.
 6-го класса Василій Завитаевъ.
 Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Ни-
 колай Васильевичъ Супруновъ.
 Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Алек-
 сандръ Александровичъ Самойловъ.
 Коммерціи Совѣтникъ и Кавалеръ Васи-
 лій Григорьевичъ Жуковъ.
 Коммерціи Совѣтникъ и Кавалеръ Про-
 кофій Ивановичъ Пономаревъ.
 Коммерціи Совѣтникъ и Кавалеръ Васи-
 лій Абрамовичъ Алферовскій.
 Мануфактуръ Совѣтникъ Дмитрій Петро-
 вичъ Хлѣбниковъ.

III

Почетный Гражданинъ Василій Матвѣ-
 вичъ Зверковъ.
 Почетный Гражданинъ Антипъ Петровичъ
 Кокушкинъ.
 Коммерціи Совѣтникъ и Кавалеръ Ни-
 колай Андрѣевичъ Харичкинъ.
 Дворянинъ Францъ Карловичъ Бердъ.
 С. П. Б. 1-й гильдіи купецъ и Кавалеръ
 Василій Абрамовичъ Яковлевъ.
 Матвѣй Васильевичъ Жуковъ.
 Григорій Степановичъ Шущинъ.
 Коллежскій Ассесоръ Василій Михайло-
 вичъ Корольковъ.
 Коллежскій Ассесоръ Дмитрій Констан-
 тиновичъ Сомма.
 Коллежскій Ассесоръ Николай Гурскій.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Авксен-
 тій Осиповичъ Арфновичъ.
 Коллежскій Ассесоръ Филипъ Михайло-
 вичъ Федоровъ.
 Маіоръ и Кавалеръ Іосифъ Дешаріо.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Алек-
 сандръ Петровичъ Яблонскій.
 Коллежскій Ассесоръ Александръ Ильичъ
 Украинцовъ.
 Коллежскій Ассесоръ Дмитрій Чередѣевъ.
 Коллежскій Ассесоръ Степанъ Евграфо-
 вичъ Сахаровъ.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Михай-
 ло Григорьевичъ Зубовъ 1-й.

IV

Титулярный Совѣтникъ Гавріиль Ивано-
 вичъ Елатомскій.
 Титулярный Совѣтникъ Василій Никифо-
 ровичъ Мошковъ.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Францъ
 Мацилевичъ.
 Титулярный Совѣтникъ Александръ Ва-
 сильевичъ Запущи.
 Коллежскій Ассесоръ Платонъ Евграфо-
 вичъ Станкевичъ.
 Титулярный Совѣтникъ Левъ Гурскій.
 Титулярный Совѣтникъ Александръ Сер-
 гѣевичъ Иорданскій.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Андрей
 Федоровичъ Кушакевичъ.
 Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Петръ
 Муратовскій.
 Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Ни-
 колай Ожигинъ.
 Титулярный Совѣтникъ Юсифъ Папкевичъ.
 Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ
 Шишинторовъ.
 Коллежскій Ассесоръ Павелъ Соколовъ.
 Коллежскій Ассесоръ Алексѣй Дмитріе-
 вичъ Карповъ.
 Титулярный Совѣтникъ Егоръ Федоро-
 вичъ Фуксъ.
 Николай Семеновичъ Какуринъ.
 8 класса Алексѣй Александровичъ Сев-
 рюковъ.

V

Коллежскій Ассесоръ Федоръ Филипо-
 вичъ Угрюмовъ.
 Титулярный Совѣтникъ Дмитрій Михай-
 ловичъ Соколовъ.
 Коллежскій Секретарь Иванъ Дмитріевичъ
 Лахманъ.
 С. П. Б. купецъ Павелъ Тимофѣевъ.
 С. П. Б. купецъ Павелъ Кульковъ.
 Данило Шаугардъ.
 Андрей Бѣль.
 С. П. Б. купчиха Прасковья Семенова.
 Коллежскій Секретарь Дмитрій Николае-
 вичъ Ожигинъ.
 Дворянинъ Петръ Петровичъ Сутугинъ.
 Губернская Секретарша Софья Ивановна
 Алексѣева.
 С. П. Б. купецъ Семенъ Васильевичъ
 Ауторинъ.
 Александръ Максимовъ.
 С. П. Б. купецъ Н. Григорьевъ.
 Титулярный Совѣтникъ Константинъ Алек-
 сѣевичъ Головинъ.
 Александръ Петровичъ Фирсовъ.
 С. П. Б. купецъ Тимофей Васильевичъ
 Ивановъ.
 С. П. Б. купецъ Иванъ Афонасьевичъ
 Шапошниковъ.
 С. П. Б. купецъ Николай Ивановичъ Тро-
 фимовъ.
 Алексѣй Ильичъ Алексѣевъ.

**С. П. Б. 2 гильдіи купецъ Алексѣй Ива-
новичъ Кастеринъ.**

**С. П. Б. купецъ Маркель Васильевичъ
Гезелевъ.**

С. П. Б. купецъ Денисовъ.

**Полковникъ и Кавалеръ Петръ Алексѣе-
вичъ Титовъ.**

**Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Алек-
сандръ Васильевичъ Шипиловъ.**

**Титулярный Совѣтникъ Николай Василье-
вичъ Кобыльскій.**

Владиміръ Петровичъ Антоновъ.

**Титулярный Совѣтникъ Александръ Де-
видтъ.**

**Дѣйствительный Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Константинъ Афонасьевичъ Случевскій.**

**Почетный Гражданинъ Маркъ Ивановичъ
Гарфункель.**

**Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Алек-
сандръ Ивановичъ Кобылинъ.**

Титулярный Совѣтникъ Нероновичъ.

**Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Павель
Александровичъ Крупениковъ.**

**Коллежскій Ассесоръ Иванъ Николаевичъ
Самсоновъ.**

**Коллежскій Секретарь Михайло Успен-
ской.**